

ISSN 2500-2872

**ЯПОНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

2024, №1

Japanese Studies in Russia

**日
本
研
究**

Федеральное государственное автономное учреждение науки
«Институт Китая и современной Азии Российской академии наук»

www.iccaras.ru

Межрегиональная общественная организация

«Ассоциация японоведов»

www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: Институт Китая и современной Азии РАН,
Ассоциация японоведов.

URL: <http://japanjournal.ru>

Свидетельство о регистрации сетевого издания «Японские исследования» Эл № ФС 77 - 86073 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 13 октября 2023 г.

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и базу RSCI на платформе Web of Science.

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Входит в Перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК).

Председатель Редакционного совета: Бабаев К.В., д.филол.н.

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Ответственный секретарь: Нелидов В.В., к.и.н.

Редакционная коллегия: Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Нелидов В.В., к.и.н.; Трубникова Н.Н., д.филол.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., академик РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гордон Эндрю (США), проф.; Гришачев С.В., к.и.н.; Дацьшен В.Г., д.и.н.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Крнета Наталия (Сербия), к.филол.н.; Крупянко М.И., д.полит.н.; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симотомаи Нобуо (Япония), проф.; Стоквин Артур (Великобритания), проф.; Судзуки Ёсикадзу (Япония), проф.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакция: Горчакова Т.Е., к.э.н.; Гришачев С.В., к.и.н.; Кириченко М.А.; Нелидов В.В., к.и.н.

Специальности ВАК:

5.2.3 Региональная и отраслевая экономика

5.2.5 Мировая экономика

5.5.2 Политические институты, процессы, технологии

5.5.4 Международные отношения

5.6.2 Всеобщая история

5.6.4 Этнология, антропология и этнография

5.6.7 История международных отношений и внешней политики

OECD Fields of Science:

5. Social sciences

6. Humanities

**Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences**

www.iccaras.ru

**Non-profit organization
«Association of Japanologists»**

www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical “Japanese Studies in Russia” has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences,
NPO Association of Japanologists.

URL: <http://japanjournal.ru>

Included in Russian Index of Science Citation (RISC) and Russian Science Citation Index (RSCI).

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Included in Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Included in List of Higher Attestation Commission (HAC).

Head of Editorial Council: Babaev K.V., DSc (Philology)

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Executive Secretary: Nelidov Vladimir V., PhD (History)

Editorial Board: Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Nelidov Vladimir V., PhD (History), Trubnikova Nadezhda N., DSc (Philosophy)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Academician of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gordon Andrew (USA), Prof.; Grishachev Sergei V., PhD (History); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Krneta Natalija (Serbia), PhD (Philology); Krupyanko Mikhail I., DSc (Political Science); Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yurii S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Vojtishk Elena E., DSc (History)

Editors Office: Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics); Grishachev Sergei V., PhD (History); Kirichenko Mariya A.; Nelidov Vladimir V., PhD (History)

OECD Fields of Science:

5. Social sciences

6. Humanities

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2024, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

Селимов М.Г. Обращение Нацумэ Сосэки (1867–1916) к новому поколению литераторов: мысли писателя о литературных течениях	6
Хомченкова В.В. «Свиток пожертвований». Пьеса театра Кабуки « <i>Кандзинтё</i> :»	16
Тихоцкая И.С., Петропавловская М.А., Като С. Японские минимаркеты <i>комбини</i> : уникальность, универсальность, региональные особенности	44
Чижевская М.П. От торговых войн к политическому соглашению: история конфликтного взаимодействия между Японией и ЕЭС (1970–1991 гг.)	60
Климов А.В. Медвежий праздник и мир <i>инау</i> на Хоккайдо в описании Мацуда Дэндзюро 1799–1800 гг. (по материалам «Рассказов о северных варварах»)	74
Мещеряков А.Н. Восприятие «островной» Англии в «островной» Японии	98
Колдунова Е.В. Военная дипломатия Японии, Китая и России в Юго-Восточной Азии: стратегии и тактика реализации	111
Нелидов В.В. Историческая память в префектуре Окинава: региональная специфика	126
<i>Научная жизнь</i>	
Белов А.В., Киреева А.А., Паксютов Г.Д., Мищенко Я.В. Семинар «Япония в Азиатско-тихоокеанском регионе»	136

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2024, № 1

CONTENTS

Selimov M. Natsume Sōseki’s address to the new generation of literary figures: The writer’s thoughts on literary movements	6
Khomchenkova V.V. “The Subscription List.” The Kabuki play <i>Kanjinchō</i>	16
Tikhotskaya I.S., Petropavlovskaya M.A., Kato S. Japanese <i>konbini</i> minimarkets: Unique and universal character, regional characteristics	44
Chizhevskaya M.P. From trade wars to political agreement: History of the EEC-Japan conflictive dialogue (1970–1991)	60
Klimov A.V. The bear festival and the world of <i>inau</i> in Hokkaido as described by Matsuda Denjūrō 1799–1800 (Based on “Tales of the Northern Barbarians”)	74
Meshcheryakov A.N. The perception of “insular” England in “insular” Japan	98
Koldunova E.V. Defense diplomacy of Japan, China, and Russia in Southeast Asia: Strategies and tactics of implementation	111
Nelidov V.V. Historical memory in Okinawa Prefecture: Regional specifics	126
<i>Scientific life</i>	
Belov, A.V., Kireeva, A.A., Paksyutov, G.D., Mishchenko, Ya.V. Seminar “Japan in the Asia Pacific Region”	136

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-6-15

Обращение Нацумэ Сосэки (1867–1916) к новому поколению литераторов: мысли писателя о литературных течениях

М.Г. Селимов

Аннотация. В статье представлен анализ двух теоретических трудов писателя Нацумэ Сосэки (夏目漱石, 1867–1916): очерк «Достоинства и недостатки *измов*» (*イズムの功過 Идзуму-но ко:ка*, 1910), в котором Нацумэ Сосэки призвал приверженцев натурализма, господствовавшего в Японии в начале XX в., не смотреть на японскую литературу сквозь *-измы*, выйти за рамки, установленные ими; лекция писателя по теории литературы «Мой индивидуализм» (*私の個人主義 Ватакусиню*, 1914). Эта лекция стала итогом многолетних теоретических изысканий писателя, главным из которых была неудавшаяся, как позже заявил литератор, монография «Теория литературы» (*文学論 Бунгакурон*, 1907). Тем не менее отечественное литературоведение не проявляло сколь-либо серьезный интерес к теоретическим трудам писателя, несмотря на то, что крайне занимательными являются мысли Нацумэ Сосэки об уместности использования западной терминологии для описания творчества японских художников. Писатель настаивал, что теория литературы должна учитывать контекст той или иной культуры, а не искать универсальные пути развития, обращаясь к типологии развития литератур и т.д. Нацумэ Сосэки стал первым японским теоретиком литературы, который заговорил о том, что идейные и художественные направления, появившиеся в европейской и американской культуре, несшие в себе ее отпечаток, обусловленные и сформированные определенными историческими процессами, не могут быть перенесены в виде матрицы на японскую землю лишь потому, что отдельные элементы западных художественных течений обнаруживаются в творчестве японцев. В настоящей работе поднимается вопрос ценности изучения теоретических сочинений Нацумэ Сосэки, ибо они проливают свет на то, какими категориями мыслил, как научно осмыслял закономерности, сущность и ход развития японской литературы один из самых влиятельных литераторов эпохи Мэйдзи (明治時代, 1868–1912).

Ключевые слова: японская литература XX в., Нацумэ Сосэки, теория литературы, критика.

Автор: Селимов Мазай Гаджимагомедович, кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела литератур стран Азии и Африки Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (адрес: 121069, г. Москва, ул. Поварская, 25а, ИМЛИ РАН). ORCID 0000-0001-6937-0948; E-mail: mazay_sv@yahoo.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: М.Г. Селимов. Обращение Нацумэ Сосэки (1867–1916) к новому поколению литераторов: мысли писателя о литературных течениях // Японские исследования. 2024. № 1. С. 6–15. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-6-15

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00110.

Natsume Sōseki's address to the new generation of literary figures: The writer's thoughts on literary movements

M. Selimov

Abstract. This article analyzes two theoretical works by the writer Natsume Sōseki (夏目漱石, 1867–1916): the essay "Merits and Flaws of -isms" (イズムの功過, *Izumu-no Kōka*, 1910), in which Natsume Sōseki called on adherents of naturalism, prevalent in Japan in the early 20th century, not to view Japanese literature through the prisms of "isms" and to go beyond the boundaries set by them; and the writer's lecture on literary theory titled "My Individualism" (私の個人主義, *Watakushi-no Kojinshugi*, 1914). This lecture marked the culmination of the writer's years-long theoretical inquiries, the most significant of which was his unsuccessful, as he later acknowledged, monograph "Theory of Literature" (文学論, *Bungakuron*, 1907). However, Russian literary studies did not show any serious interest in Natsume Sōseki's theoretical works, despite the fact that Natsume Sōseki's thoughts on the appropriateness of using Western terminology to describe the works of Japanese artists are extremely intriguing. The writer insisted that literary theory should take into account the context of a particular culture rather than seek universal paths of development, resorting to typologies of literary development, etc. Natsume Sōseki became the first Japanese literary theorist to argue that ideological and artistic trends that emerged in European and American cultures, bearing their imprint and conditioned by specific historical processes, cannot be transposed as a template onto Japanese soil simply because certain elements of Western artistic currents are evident in the works of Japanese writers. The present study raises the question of the value of studying Natsume Sōseki's theoretical writings because they shed light on how he conceptualized, scientifically grasped the regularities, essence, and course of development of Japanese literature, being one of the most influential literary figures of the Meiji era (明治時代, 1868–1912).

Keywords: 20th century Japanese literature, Natsume Soseki, literary theory, critique.

Author: *Selimov Mazay*, Candidate of Philological Sciences, Researcher at the Department of Literature of Asian and African Countries, A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (Address: 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, IMLI RAS). ORCID: 0000-0001-6937-0948; E-mail: mazay_sv@yahoo.com

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Selimov, M. (2024). Obrashchenie Natsume Soseki (1867–1916) k novomu pokoleniyu literatorov: mysli pisatelya o literaturnykh techeniyakh [Natsume Sōseki's address to the new generation of literary figures: The writer's thoughts on literary movements]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 1, 6–15. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-6-15

Acknowledgments. This research was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00110.

Введение

В июле 1910 г. в газете «Асахи» был опубликован очерк Нацумэ Сосэки «Достоинства и недостатки -измов». Это «письмо» было адресовано представителям творческой интеллигенции, которые стали именовать себя натуралистами. Они призывали к созданию литературы, не боящейся описывать самые уродливые стороны человеческого существования. При этом японский натурализм не был натурализмом в западном понимании: японская критика, например, не проводит границу между реализмом и натурализмом. «Движение за

натурализм” объединило разнородные и разнотильные явления общим художественным интересом к проблемам действительности» [Бердников 1994, с. 590]. Теоретик литературы и писатель Нацумэ Сосэки задался вопросом, можно ли вообще использовать *-измы*, изначально появившиеся в странах Европы, для описания японских литературных течений, и отстаивал более широкий взгляд на литературу. А в лекции 1914 г. «Мой индивидуализм» писатель представил окончательный вариант своих теоретических изысканий. Впервые этот текст был опубликован 22 марта 1915 г. в журнале «Ходзинкай дзасси» (輔仁會雜誌), он включает в себя небольшое вступление и расшифровку лекции по философии и теории литературы, прочитанной Нацумэ Сосэки студентам токийского университета Гакусюин (学習院大学) в 1914 г. В ней писатель излагает свою точку зрения развитие культуры и словесности. В основе его работы лежат культурно-исторический, описательный и аналитический методы исследования.

Очерк «Достоинства и недостатки *-измов*» ранее не переводился на русский язык; его перевод представлен в настоящей работе. Лекция «Мой индивидуализм» переведена С.Х. Булацевым [Булацев 1994], однако эта работа осталась вне поля зрения отечественных литературоведов, сосредоточившихся в основном на художественном творчестве писателя. Из работ, посвященных его наследию, нужно прежде всего назвать подготовленное В.С. Гривниным издание «Нацумэ Сосэки. Био-библиографический указатель» [Гривнин 1959], в котором собрана полная информация о всех произведениях литератора – как художественных, так и теоретических. Перед указателем помещена обширная статья о жизни и творчестве писателя. Также обращает на себя внимание диссертация В.А. Савилова «Творчество Нацумэ Сосэки в контексте становления японского реализма» [Савилов, 1999]. Исследователь рассматривает сложный процесс становления творческой манеры писателя в контексте развития реалистического направления в японской литературе XX в. и пытается раскрыть эстетическую концепцию реализма Нацумэ Сосэки, сосредоточившись на его художественных текстах. В работе не нашлось места теоретическим трудам писателя. Стоит отметить и статью Л.Ю. Хронопуло, в которой рассматривается ряд символов, при помощи которых выстроен мир фантазий в коротких новеллах Нацумэ Сосэки [Хронопуло, 2019, с. 108–119].

Культурно-историческая ситуация в Японии на рубеже эпох

Эпоха Мэйдзи, один из переломных этапов в развитии японской словесности, культуры и общества, начинается с ряда драматических событий, в ходе которых ликвидируется феодальная система эпохи Токугава (徳川時代、1603–1868). Новое руководство открывает внешнему миру страну, добровольно изолировавшуюся от него более чем на два с половиной столетия. А.Н. Мещеряков отмечает, что Япония «очутилась в мире с совсем другими правилами игры, которые были придуманы совсем не японцами» [Мещеряков 2018, с. 356]. Начало стремительной вестернизации сказалось на привычном укладе жизни японского общества, которое, замечу, на первых порах не пыталось противиться западному влиянию. О положении, в котором Япония оказалась во второй половине XIX в., пишет исследователь японской философской мысли Микеле Марра, отмечая, что страна «столкнулась с предоставлением, изучением и “перевариванием” – или “несварением” – более чем 2000-летней истории западной мысли» [Скворцова, Луцкий 2018, с. 176].

Эпоха Мэйдзи стала временем интеллектуального и духовного брожения, исканий, зарождения нового самобытного творчества. Это время проявило себя в литературно-эстетической сфере; именно оно явилось для Японии периодом уникального синтеза традиционных и новых взглядов на мир.

Обновления коснулись и взглядов на художественное творчество. Шли дискуссии о том, какой должна быть «новая» литература. Литературный критик и знаток Шекспира Цубоути Сёё

坪内逍遙 (1859–1935) одним из первых высказал идею, что литература может обладать некой самостоятельной ценностью, а не быть лишь чтением для приятного времяпрепровождения, как считалось в эпоху Токугава. В первых строках трактата «Сущность романа» (小説神髓, 1885) Цубоути Сёё заявил, что роман – это «искусство» [Цубоути, 2010, с. 14]. Следует отметить, что смысл, который западный человек вкладывает в термин «искусство», был для японцев тоже новым. «До второй половины XIX века... в японской культуре не существовало понятия искусство, а в языке не было термина с подобным содержанием» [Лебедева 2016, с. 6]. Поэтому японцам пришлось импортировать европейское понятие того «искусства», функция которого – возвышение ума через созерцание прекрасного. Однако слова Цубоути Сёё совершенно не говорят о том, что он полностью перечеркнул национальную литературную традицию.

Литературные критики постепенно выделили конкретный тип письма и назвали его «современной литературой». Процесс ее обсуждения привел к формированию некоего общего видения литературы как эстетического объекта. В труде «Происхождение современной японской литературы» (日本近代文学の起源, 1988) японский философ и литературный критик Каратани Кодзин обращается к трансформации японской письменности в последней трети XIX в. (*гэмбун итти*, единство речи и письма). Каратани отмечает, что уже в первое десятилетие периода Мэйдзи политические и интеллектуальные элиты следовали идеалам просвещенной Европы: безоговорочно приняли рациональный, «научный» и в какой-то степени утилитаристский путь развития общества, и китайская письменность на начальном этапе этого пути считалась препятствием, не отвечала стремлению стать частью просвещенного мира. Аргументы в пользу реформирования письменности часто подчеркивали необходимость «писать так, как говорят», однако Каратани указывает, что на самом деле речь шла не о повседневной речи: вопрос состоял скорее в том, как сделать язык понятным [Каратани 1988].

Ориентиром для первых критиков служила западная словесность, будто бы превосходящая японскую, ценимая выше ее. Именно Цубоути Сёё, проследив развитие японской художественной литературы, на вершину поставил роман европейского типа. На европейскую литературу и критику опирались первые теоретические труды: «Сущность романа» Цубоути Сёё, «Общая теория романа» (小説総論, 1886) Фтабатэй Симэй, «Теория романа» (小説論, 1889) Мори Огай и «Теория литературы» (文学論, 1907) Нацумэ Сосэки. Стоит заметить, что Футабатэй Симэй сконструировал свою теорию литературы, основываясь на статье В.Г. Белинского «Идея искусства» [Садокова 2017, с. 36].

Японские писатели второй половины XIX – начала XX в. прониклись западной литературой настолько, что стали экспериментировать с языком и стилем письма. Вначале это было необходимо для того, чтобы переводить европейскую литературу на японский язык; требовалась новая лексика, ибо имеющаяся была неспособна объяснить многих вещей. В Японии не существовало и самого термина «литература» в европейском его значении. Слово *бунгаку* (文学) приобрело значение, соответствующее западному, лишь с конца 1880-х гг. Само же иероглифическое сочетание 文学 изначально появилось в одном из самых значимых конфуцианских текстов Дальнего Востока «Лунь юй» (論語 «Беседы и суждения», входит в канон дальневосточного классического образования), составленном учениками Конфуция. В интересующее нас слово был вложен следующий смысл: «изучение», «обучение», «ученый» (в конфуцианском понимании). Переводить этим словом западный термин «литература» первым в Японии стал философ, внедривший западную философию в японское образование, член просветительского сообщества «Мэйрокуся» Ниси Аманэ 西周 (1829–1897). Он и несколько других ученых периода Бакумацу (幕末, 1853–1967) вступили в эпоху Мэйдзи уже убежденными в превосходстве западной культуры, а в 1870-е гг. Ниси Аманэ популяризировал различные стороны западной науки для японцев. По разным данным, Ниси Аманэ создал от 787 до 2872 неологизмов, из которых в Японии по сей день используются 606: «Субъект», «объект», «реальность», «феномен», «история», «сознание», «мысль», «идея», «философия»,

“психология”, “впечатление”, – без соответствующих слов трудно представить современный японский язык» [Скворцова, Луцкий 2018, с. 181].

Стремительная вестернизация не могла обойти стороной японский язык: просветители «нового поколения» требовали реформ в области языка. Государственный деятель и политик Маэдзима Хисока 前島密 (1835–1919) предложил отказаться от китайских иероглифов [Ямамото 1968, с. 86–94], что должно было облегчить обучение и способствовать распространению грамотности. Интеллектуалы также выступали за реформы письменных стилей, которые нужно было подстроить под нужды новой литературы.

Все эти эксперименты важны для понимания позиции Нацумэ Сосэки. Европейская литература и следовавшие за ней японские критики, которые в ней хорошо разбирались, поставили себя в привилегированное положение. Они заявляли о необходимости пересмотра основ: литературу нужно было, по их мнению, направлять и воспитывать, учиться у «лучших» – у западных авторов. Важной частью зарождавшейся в Японии теории литературы стала дидактическая функция: направлять, указывать «верный» путь с ориентацией на Запад.

Теоретические изыскания Нацумэ Сосэки

В лекции «Мой индивидуализм» писатель охарактеризовал свой труд «Теория литературы», собранный из лекций по теории литературы, которые Нацумэ Сосэки читал студентам Токийского университета, как «разложившийся труп»¹. Исследователи отмечают, что искания писателя в области теории литературы неразрывно связаны с его художественным наследием [Bourdagh, Ueda, Murphy 2009]. Нацумэ Сосэки заявляет, что отказался от идеи универсальности литературы и литературных вкусов. Он подчеркивает, что долгое время понимал английскую литературу не так, как ее понимает носитель английского языка: «Пытаясь сделать из литературы науку, я ошибочно пришел к выводу, что то, что нравится стране А, непременно вызовет восхищение и в стране Б. Я вынужден признать, что совершил ошибку. Возможно, мне стоило заново возвести фундамент, на котором бы зиждилось мое изучение теории литературы». В предисловии к своему труду «Литературная критика» Нацумэ Сосэки писал о глубокой вере японцев в компетентность европейских критиков, которые дают оценку художественным произведениям – как своим, так и восточным. Писатель предложил отказаться от покорного следования за иноземной критикой и начать самостоятельно анализировать литературу, в том числе иностранную, не заботясь о языковом барьере, о многослойности произведений, с которой можно столкнуться, о несовпадении мнений с западными литературоведами: «Если наша критика противоречит критике западного человека, то это не делает нас поверхностными». Таким образом, Нацумэ Сосэки отстаивал важность прочтения текстов японцами. «Точка зрения японца» (日本人のたちば) – вероятно, один из основных элементов теоретической мысли Нацумэ Сосэки в конце первой декады XX в.

Писатель подчеркивал социальную и историческую обусловленность литературы, культурную среду, в которой она создавалась, особенности языка. Изучение какой-либо литературы, по мнению Нацумэ Сосэки, требует знания культурного контекста. Эта позиция позволила ему оспаривать любые утверждения, согласно которым западная литература выше японской или китайской. Концепция, которую пытается выстроить писатель, заключается в следующем: каждая литература имеет свои уникальные характеристики, которые

¹ Здесь и далее лекция цитируется по электронному изданию: Natsume, S. (1915). Watakushi no Kojinsyugi [My Individualism]. https://www.aozora.gr.jp/cards/000148/files/772_33100.html (дата обращения: 10.01.2024). (In Japanese).

невозможно перенести в другой язык и культуру. Примеры – краткость и точность японской поэзии, самобытное отношение к природе и ритуальному поведению. Нацумэ Сосэки считал, что и критика той или иной литературы не может исходить из универсальных стандартов, типологии и т.д.

Обращение к новому поколению литераторов

Очерк «Достоинства и недостатки -измов» мы приведем полностью², а затем обсудим важнейшие, на наш взгляд, его положения, сопоставляя их с идеями, высказанными в лекции «Мой индивидуализм».

Большинство -измов и доктрин – это результат упорядочивания любознательными людьми множества фактов, что дает нам возможность абстрагировать и в сжатом виде хранить всю эту информацию в ячейках нашего сознания. Однако, несмотря на плюсы компактного хранения, довольно часто возникает следующая проблема: уйму времени может отнять попытка разложить -изм и разобраться из чего он состоит. В итоге -измы часто оказываются бесполезными. В большинстве случаев они представляют собой не столько прямое руководство для практических действий, сколько универсальную картотеку, нашей жажде познаний она дает ложное удовлетворение. Ведь -измы – не учебник, а словарь или справочник.

Множество -измов обретают форму, когда ряд похожих произвольных примеров проходит сквозь изощренный ум и собирается в единую структуру. Пожалуй, это даже не форма, а скорее контур. И это то, что не обладает значением.

Мы приучаем себя к комфорту, отбрасывая содержимое и сосредотачиваясь на контурах. Это все равно что пользоваться бумажными банкнотами вместо того, чтобы носить с собой монеты. Мы как маленькие люди стремимся к легкости. В этом смысле -измы напоминают мне финансовые отчеты компаний или таблицы успеваемости студентов: за единственным столбцом цифр, за двумя рядами итоговых оценок скрыто течение времени: стремления людей, их радости и горести, успехи и неудачи – все, что никогда не повторится.

Соответственно, -измы базируются на материале из прошлого. Эти -измы – концепции, обобщающие прошлое. Они упрощают историю опыта, представляют собой контуры или шаблоны известных фактов. Попытка применить эти модели в будущем равна попытке предвидеть события, которые когда-либо случатся под небесами, стремлению вместить их в сосуд, созданный человеком.

Полагаю, что для удобства можно применять подобные шаблоны к механическим явлениям, существующим, например, в мире природы, особенно к простым, склонным к повторению. Поэтому исследования ученых, занимающихся подобным, могут быть применимы в будущем. Однако, если наш разум полностью подчинить какому-нибудь из -измов, то мы будем страдать из-за ограничений, накладываемых на нас этими предопределенными контурами. Существовать в качестве носителя предопределенного шаблона – значит быть безжизненной оболочкой, выполняющей механические функции. Нас определенно переполнит гнев, связанный со стеснением нашего умственного развития, нашего естества, с запретом следовать нашим истинным очертаниям. Когда наше сознание сталкивается с таким видом стыда, мы начинаем осознавать, что наше

² Перевод выполнен по изданию: Natsume, S. (1910). Izumu no kōka [The Merits and Flaws of -isms]. https://www.aozora.gr.jp/cards/000148/files/2314_13564.html (дата обращения: 10.01.2023). (In Japanese).

прошлое теряет форму. Неправильно слепо применять -измы в будущем. Полагать, что -измы должны упорядочивать наше будущее только потому, что ими легко определять какие-то отрезки времени из прошлого, – просто безрассудство, подобное измерению роста или длины с помощью мерного стаканчика.

Прошло пять или шесть лет с момента появления натурализма. Я уверен, что его сторонники имеют свои причины следовать этому течению. И, насколько мне известно, отбросив дискуссии, в которых я слаб, не все в нем заслуживает критики. Тем не менее, натурализм – это тоже -изм. Будь то жизнь или искусство – это отрезок истории; натурализм по разным причинам развился на Западе, и контуры его были перенесены на нашу землю. Само собой разумеется, мы не живем для того, чтобы подтверждать существование этих контуров. Говорить о натурализме имеет смысл лишь тогда, когда содержание естественным образом соответствует контурам. Общественность к натурализму испытывает отвращение. Натуралисты звучно провозглашают свою доктрину вечной истиной, пытаясь применить ее ко всем аспектам человеческой жизни. Если бы натуралисты осторожнее и терпеливее следовали своему пути, они бы осознали, что лишь ускоряют свою гибель. Вместо того чтобы очерчивать довольно большой круг, вмещающий в себя все аспекты человеческой жизни, им стоило бы разумно и твердо держаться за одну маленькую область внутри этого круга, пытаясь добиться признания постоянства натурализма именно с ее помощью (перевод наш. – М. С.).

Мысль, высказанная Нацумэ Сосэки в этом небольшом очерке, перечеркивает долгие годы его работы над теорией литературы. Он отходит от попыток вписать японскую словесность в мировую, западные литературные течения уже кажутся ему чужеродными, западные термины – не применимыми для определения японских литературных направлений. Соответственно, художественные произведения писателя создаются с верой в своеобразие японской литературы, в уникальность типов художественного сознания, к которым неправильно было бы прилагать единый шаблон.

Обращаясь к студентам филологического факультета, Нацумэ Сосэки говорил, что литература должна быть отражением общества и его людей. Литература – это не форма развлечения, но средство понимания и выражения человеческих эмоций. Японцы стали забывать об индивидуальности. «Припишите все, что угодно кисти западного человека, и японцы будут слепо этому следовать» – говорил Нацумэ в своей лекции. Писатель подчеркивал, что многие японцы стали считать себя умнее лишь потому, что могут разбавлять свою речь иностранными именами: «Я бы мог ознакомиться с критикой одного европейца в адрес книги другого. Затем, не вникая в эту критику, по сути, не понимая ее вовсе, я бы пересказал вам ее. Эту часть механически полученной информации, это чужое мнение, которое я проглотил целиком, не являющееся моим, я бы изрыгнул под видом собственных мыслей. И японцы бы мне аплодировали». Нацумэ Сосэки подтверждает, что был подвержен влиянию европейцев, когда работал над трудом «Теория литературы»: «Я знал, что щеголяю в краденном костюме, украшаюсь приклеенными павлиньими перьями». Литератор осознавал, что необходимо прекратить строить теорию японской литературы с ориентацией за западную теорию: «Выходец с Запада, например, может сказать, что стихотворение хорошо сложено, имеет правильный тон, но это – его взгляд! <...> Я независимый японец, а не раб англичан, поэтому я должен обладать хотя бы толикой самоуважения».

Источником противоречий, который обозначает писатель, является национальный характер – различие нравов, обычаев, привычек, всего того, что позволяет иначе смотреть, трактовать и создавать произведения. Взгляд же европейских теоретиков писатель называет эгоцентричным: «Кем себя возомнили эти западные люди? Я чувствовал себя потерянным,

не мог пошевелиться, когда их идея эгоцентризма (自己本位) диктовала мне, где стоять и какой дорогой идти». Нацумэ Сосэки приходит к выводу, что теория литературы, которой он занимался долгие годы, является ошибочной.

Однако литератор полагает, что эгоцентризм должен вести и японцев: «Эгоцентризм стал для меня новым началом, и он помог мне найти то, что станет делом всей моей жизни. Я решил писать книги, чтобы рассказывать японцам, что им не нужно подражать Западу – их слепая погоня за другими приведет их только к истощению».

В 1910 г. со страниц газеты «Асахи» Нацумэ Сосэки обратился к писателям и критикам, которые активно использовали западные литературные термины для маркировки японских литературных течений. Он писал, что в большинстве своем -измы бесполезны. Они – совсем не тот компас, который мог бы вести японских критиков и литераторов в нужном направлении. Любые -измы прячут сущность вещей за некими контурами, которые помогают мозгу систематизировать ряды схожих примеров. Ограничивая что-то -измами, мы загоняем в эти рамки время, течение которого вместило в себя многое: радости, горести, успехи и неудачи. Следовательно, Нацумэ Сосэки задумывается на тему, не основываются ли -измы на событиях минувших дней. И -измы, которые используются японцами в настоящем, – это пройденный Западом опыт, состоящий из заданных в прошлом параметров, которые должны в точности совпасть, чтобы вновь можно было определить конкретное явление этим же -измом. Такие конструкции фиксируют и закрепляют прошлое, упрощая историю опыта.

Обращаясь к последователям натурализма, писатель говорит, что натурализм – это тот же -изм, фрагмент истории, который сложился из определенных переменных на Западе. Определять что-то как натурализм имеет смысл, когда деятельность японцев естественным образом соответствует этим контурам, но нет смысла пытаться втиснуть в эти рамки любой опыт, все аспекты человеческой жизни.

Заключение

Теоретические изыскания Нацумэ Сосэки, его мысли о теории литературы, о том, применима ли к творчеству японских авторов западная терминология, вызывают большой интерес. Текстологический анализ творчества японских писателей, например, Танидзаки Дзюньитиро, говорит о том, что было бы неверно помещать его творчество в рамки неоромантизма, что довольно часто делают исследователи японской литературы. Оно носит отчетливо универсальный характер, дрейфует от элементов, присущих одному из направлений, к элементам, свойственным другому [Селимов 2023, с. 50–53]. К.Г. Санина также отмечает, что ни один исследователь современной литературы не смог отнести самого Нацумэ Сосэки «к какому-то определенному литературному течению» [Санина 2008, с. 175]

Соответственно, если придерживаться теоретических взглядов Нацумэ Сосэки, то мы не можем говорить об *-измах* применительно к японской литературе, но можем вести речь лишь о комбинации элементов, восходящих к разным литературным направлениям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бердников Г.П.* История всемирной литературы. В 9 т. Т. 8. Москва: Наука. 1994.
- Буланцев С.Х.* Нацумэ Сосэки. Мой индивидуализм // Петербургское Востоковедение. 1994. Вып. 5. С. 502–525.
- Гривнин В.С.* Нацумэ Сосэки: Био-библиографический указатель. Москва: Изд-во Всесоюзной книжной палаты. 1959.

- Лебедева О.И. Искусство Японии на рубеже XIX–XX веков. Взгляды и концепции Окакура Какудзо. Москва: Изд. центр РГГУ. 2016.
- Мещеряков А.Н. Япония и Россия в эпоху трансформаций. К 150-летию революции Мэйдзи и 100-летию русской революции // Ежегодник Япония. 2018. Т.47. С. 350–366.
- Савилов В.А. Творчество Нацумэ Сосэки в контексте становления японского реализма. Дисс. ... канд. филол. наук. Москва. 1999.
- Садокова А.Р. «Первая волна» японского реализма: новые темы в литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (70). С. 36–39.
- Санина К.Г. Пути развития неоромантизма в современной японской литературе // Вестник Челябинского гос. университета. 2008. Вып. 8. № 13 (114). С. 169–182.
- Скворцова Е.Л., Луцкий А.Л. О воззрениях японского просветителя Ниси Аманэ // Вопросы философии. 2018. № 3. С. 176–186.
- Селимов М.Г. Образы идеальных женщин в творчестве Танидзакэ Дзюнъитиро 1910-х – 1930-х гг.: динамика идейно-эстетических воззрений писателя. Дисс. ... канд. филол. наук. Москва. 2023.
- Хронопуло Л.Ю. Символика цикла новелл «Десять ночей грёз» Нацумэ Сосэки // Вестник московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2019. № 1. С. 108–119.

REFERENCES

- Berdnikov, G. (1994). *Istoriya vsemirnoi literatury: v 9 tomakh* [History of World Literature: In 9 Volumes]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Bulantsev, S. (1994). Natsume Soseki. Moi individualizm [My Individualism]. *Peterburgskoe Vostokovedenie*, 5, 502–525. (In Russian).
- Grivnin, V. (1959). *Natsume Soseki: Bio-bibliograficheskii ukazatel'* [Natsume Sōseki: Bio-Bibliographic Index]. Moscow: Izd-vo vsesoyuznoi knizhnoi palaty. (In Russian).
- Hronopulo, L. (2019). Simvolika tsikla novell “Desyat’ nochei gryoz” Natsume Soseki [Symbolism of the Novel Cycle “Ten Nights of Dreams” by Natsume Sōseki]. *Vestnik moskovskogo universiteta. Series 13. Vostokovedenie*, 1, 108–119. (In Russian).
- Lebedeva, O. (2016). *Iskusstvo Yaponii na rubezhe XIX–XX vekov. Vzglyady i kontseptsii Okakura Kakudzo* [Japanese Art at the Turn of the 20th Century. Okakura Kakuzo and His Writings]. Moscow: Izd. tsentr RGGU. (In Russian).
- Meshcheryakov, A. (2018). Yaponiya i Rossiya v epokhu transformatsii. K 150-letiyu revolyutsii Meiji i 100-letiyu russkoi revolyutsii [Japan and Russia in the Era of Transformations: On the 150th Anniversary of the Meiji Revolution and the 100th Anniversary of the Russian Revolution]. *Yearbook Japan*, 47, 350–366. (In Russian).
- Sadokova, A. (2017). “Pervaya volna” yaponskogo realizma: novye temy v literature [The First Wave of Japanese Realism: New Themes in Literature]. *Philology. Theory & Practice*, 4 (70), 36–39. (In Russian).
- Sanina, K. (2008). Puti razvitiya neoromantizma v sovremennoi yaponskoi literature [Paths of Development of Neoromanticism in Modern Japanese Literature]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 8, 13 (114), 69–182. (In Russian).
- Savilov, V. (1999). *Tvorchestvo Natsume Soseki v kontekste stanovleniya yaponskogo realizma* [The Works of Natsume Sōseki in the Context of the Formation of Japanese Realism]. Candidate of Philological Sciences dissertation. Moscow. (In Russian).
- Selimov, M. (2023). *Obrazy ideal’nykh zhenshchin v tvorchestve Tanidzaki Dzyun’itiro 1910-h – 1930-h gg.: dinamika ideino-esteticheskikh vozzrenii pisatelya* [Ideal Women’s Images in the Works of Tanizaki Jun’ichirō in the 1910s-1930s: Dynamics of the Writer’s Ideological and Aesthetic Views]. Candidate of Philological Sciences dissertation. Moscow. (In Russian).

Skvortsova, E., Lutskaa, A. (2018). O vozzreniyakh yaponskogo prosvetatelya Nisi Amane [The Views of Japanese Enlightenment Thinker Nishi Amane]. *Voprosy filosofii*, 3, 176–186. (In Russian).

* * *

Bourdaghs K., Ueda A., Murphy J. *Theory of Literature and Other Critical Writings*. New York: Columbia University Press.

Karatani, K. (1988). *Nihon kindai bungaku no kigen* [The Origins of Modern Japanese Literature]. Tokyo: Kōdansha. (In Japanese).

Tsubouchi, S. (2010). *Shōsetsu shinzui* [The Essence of the Novel]. Tokyo: Iwanami Syoten. (In Japanese).

Yamamoto, M. (1968). Maejima Hisoka no kanji haishi kenpaku to genbun'ichi katsudō (Nihongo no kindai ni jinkushita ninjin) [The Petition of Maedzima Hisoka for the Abolition of Kanji and the Unification of Written and Spoken Language (Individuals Dedicated to Modernizing the Japanese Language)]. *Gogoseikatsu*, 198, 86–94. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 06.08.2023

Received: 06 August 2023

Принята к публикации: 22.01.2024

Accepted: 22 January 2024

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-16-43

«Свиток пожертвований». Пьеса театра Кабуки «Кандзинтё:»

В.В. Хомченкова

Аннотация. Статья посвящена японской драме «Кандзинтё:», текст которой вводится в научный оборот отечественной японистики, выполнен при участии студентов Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ в рамках проекта «Перевод пьес театра Кабуки». Пьеса «Кандзинтё:» является одной из самых известных в японской театральной традиции, так как описывает историю о доблестном воине Минамото-но Ёсицунэ (1159–1189), это один из любимейших исторических персонажей в Японии. После того как Ёсицунэ разбил клан Тайра в решающем сражении при Данноура (25 апреля 1185 г.), война между Тайра и Минамото закончилась, но полководец Минамото-но Ёритомо приказал задержать и казнить своего брата. Спасая свою жизнь, герой и его спутники переодеваются в монахов-*ямабуси*, чтобы незамеченными пройти земли Японии, перекрытые заставами – специальными военными пунктами досмотра. В пьесе «Кандзинтё:» идет речь как раз о том, как самураи проходили одну из таких застав в японских горах, и как монах Бэнкэй, верный спутник Ёсицунэ, использовал свою смекалку, чтобы перехитрить смотрителя заставы Тогаси-но Саэмон, которому было велено Ёсицунэ задержать. Пьеса содержит знаменитые театральные сцены: импровизированное чтение подписного листа о благотворительности, диалог *ямабуси-мондо:*, удар Ёсицунэ, танец *эннэн-но маи*, летящий шаг *тоби ронпо:*. Изначально пьеса принадлежала традиции Но:, одному из видов драматического театра в Японии, но Кабуки адаптировал её для своей сцены; тем не менее, влияние Но: сохранилось. В статье прослеживаются, какие сценические элементы остались неизменными. В пьесе сильны буддийские мотивы, они подробно описаны как в репликах актеров, так и репрезентуются в материальных объектах: бутафории, костюмах, аксессуарах, – это свойство Кабуки, как вида сценического искусства, демонстрирует глубокую проработку буддистской символики. Также в статье представлен анализ главных персонажей, их сценического воплощения на сцене, разбор символики костюмов, описание сцены и бутафории.

Ключевые слова: японский театр, Кабуки, японская драматургия, «Кандзинтё:», Итикава Дандзю:ро:, *арагото*.

Автор: Хомченкова Варвара Валентиновна – преподаватель Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ (Москва, 105066, ул. Старая Басманная, д. 21/4); ORCID 0000-0002-3535-2802; E-mail: varvara.doemu@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Хомченкова В.В. «Свиток пожертвований». Пьеса театра Кабуки «Кандзинтё:» // Японские исследования. 2024. № 1. С. 16–43. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-16-43

“The Subscription List.” The Kabuki play *Kanjinchō*

V.V. Khomchenkova

Abstract. The article is devoted to the Japanese drama *Kanjinchō*, its text being introduced into Russian scientific circulation. The translation was made with the participation of students from the National Research University Higher School of Economics as part of the project “Translation of Kabuki Theater Plays.” *Kanjinchō* is one of the most famous dramas in Japanese theatrical tradition. The story focuses on the valiant warrior Minamoto-no Yoshitsune (1159–1189), who is one of the most beloved characters in Japan. Yoshitsune defeated the Taira clan in the decisive Dannoura sea battle (April 25, 1185). The Genpei war ended, but his brother Yoritomo ordered to kill him. Saving their lives, the hero and his companions disguise themselves as *yamabushi* monks in order to pass unnoticed through the lands of Japan, blocked by special military inspection checkpoints. “*Kanjinchō*” tells the story of how the samurai crossed one of the gates, named Ataka, in the Japanese mountains. The monk Benkei, Yoshitsune’s faithful companion, used his wits to outwit the gatekeeper, named Togashi-no Saemon. The play contains famous theatrical scenes: an impromptu reading of a charity signature sheet *kanjinchō*, the *yamabushi-mondō* dialogue, Yoshitsune’s strike, the *Ennen-no mai* dance, the *tobiroppo* flying step. The play originally belonged to Noh theatrical tradition, but Kabuki also adapted it on stage. However, the Noh influence remained strong, which is also discussed in the paper. The religious aspect in the play is presented extensively, reflected both in the actors’ lines and material objects props, accessories, and costumes. This is a feature of Kabuki as a form of performing art, demonstrating deep elaboration of Buddhist symbolism. The article also presents an analysis of the main characters, their stage embodiments, analysis of the symbolism and costumes, a description of the stage details, and a description of the Buddhist aspect of the play.

Keywords: Japanese theater, Kabuki, Japanese drama, *Kanjinchō*, Ichikawa Danjūrō, *aragoto*.

Author: Khomchenkova Varvara V., Lecturer, Institute for Oriental and Classical Studies, HSE University (21/4, Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation); ORCID 0000-0002-3535-2802; E-mail: varvara.doemu@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interest.

For citation: Khomchenkova, V.V. (2024). «Svitok pozhertvovanii». P’esa teatra Kabuki «*Kandzinte*:» [“The Subscription List.” The Kabuki play *Kanjinchō*]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 1, 16–43. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-16-43

Пьеса «*Кандзинтё*:»: жанровые особенности

Пьеса «Свиток пожертвований» (勸進帳 «*Кандзинтё*:»), входит в перечень восемнадцати классических пьес театра Кабуки (歌舞伎十八番 *Кабуки дзю:хатибан*:). Впервые она была представлена в 1840 г. в эдоском театре Каварадзаки-дза (河原崎座), где главную роль Бэнкэй исполнил Итикава Дандзю:ро: VII (市川團十郎七代目, 1791–1859), он же и включил эту пьесу в перечень «классических». В 1887 г. пьеса удостоилась чести быть показанной императору Мэйдзи [Halford 2012, p. 229]. Жанр ее – историческая драма (時代物 *дзидаймоно*), пьеса принадлежит к разряду танцевальных (所作毎 *сёсагото*).

Слово *кандзинтё*: можно перевести как «сбор пожертвований на религиозные нужды» или «свиток с именами благотворителей». *Тё*: (帳) обозначает «тетрадь, лист, книгу учета». Поскольку Бэнкэй в пьесе держит в руках именно свиток и в этом заключается один из кульминационных моментов, я перевожу слово *тё*: как «свиток». В книге Н.Г. Анариной предложен перевод «Подписной лист о благотворительности» [Анарина 2008, с. 192], а на английском языке заглавие звучит как The Subscription List [Brandon, Niwa 1966].

События пьесы развиваются после окончания войны между родами Тайра и Минамото (1180–1185). Полководец Минамото-но Ёритомо (源頼朝, 1147–1199), основатель военной полевой ставки в Камакура, приказывает убить своего младшего брата, Минамото-но Ёсицунэ (源義経, 1159–1189), который одержал победу в решающей битве при Данноура (壇ノ浦) в 1185 г., где Тайра были полностью уничтожены; Ёритомо опасается роста могущества брата. Ёсицунэ отправляется в изгнание вместе с верными спутниками, среди которых монахи Мусасибо: Бэнкэй (武蔵坊弁慶) и Хитатибо: Кайсон (常陸坊海尊), самураи Камэи Рокуро: (亀井六郎), Исэ Сабуро: (伊勢三郎), Катаока Хатири: (片岡八郎). Ёсицунэ и пятеро его спутников переодеваются монахами-ямабуси (山伏), чтобы незамеченными перемещаться по территории Японии и найти прибежище у правителя северного края О:сю: (奥州) Фудзивара-но Хидэхира (藤原秀衡, 1122–1187). Заметим, что в пьесе Кабуки персонажей, преодолевающих заставу, всего шестеро, хотя согласно «Сказанию о Ёсицунэ» (義経記 «Ёсицунэ-ки» / «Гикэйки», XV в.) Ёсицунэ сопровождает шестнадцать человек [Сказание о Ёсицунэ, 2000, с. 328]. Приказ поймать их Минамото-но Ёритомо рассылает по заставам – пунктам на границах между провинциями, где досматривают путешественников; заметим, что открытые заставы – это как правило символ мира и спокойствия в столице [Ёкёку 1976, с. 312]. События пьесы разворачиваются на заставе под названием Атака (安宅), смотрителем которой назначен Тогаси-но Саэмон (富樫左衛門), он же Тогаси-но Ясуиэ (富樫泰家). Род Тогаси губернаторствовал в провинции Кага, предки его восходят к роду Фудзивара.

Илл. 1. Утагава Кунисё. Триптих Кандзинтё: . Итикава Кудзо: II в роли Ёсицунэ, Итикава Эбидзо: V в роли Бэнкэй, Итикава Дандзю:ро: VIII в роли Тогаси, 1840 г.

Главным героем пьесы является монах Мусасибо: Бэнкэй, верный вассал Минамото-но Ёсицунэ. Согласно японским исследователям, в действительности такого человека не существовало, он представляет собой собирательный образ воинов, сопровождающих Ёсицунэ, и является идеалом вассальной верности [Ковалевская 2020, с. 69]. Бэнкэй могуч и грозен, он описан как «монах-воин, зловецкий человек-гора», его смекалка вызывает восхищение других спутников Ёсицунэ, его знания о буддийском течении *сюгэндо:* (修験道) весьма обширны [Моррис 2001, с. 108]. Полулегендарный персонаж Бэнкэй впервые появился в театре Кабуки в 1703 г. благодаря актеру Итикава Дандзю:ро: I, затем его вновь вывел на сцену Итикава Дандзю:ро: VII в 1840 г. в «Кандзинтё:», а впоследствии новейший рисунок роли будет

принадлежать Итикава Дандзю:ро: IX, который запретит исполнять роль Бэнкэй актерам, не принадлежащим к династии Итикава [Гришелева 1966, с. 139].

Всего в пьесе семь действующих лиц, не считая вспомогательных персонажей вроде стражников, основными можно считать Ёсицунэ, Бэнкэй и Тогаси. Главной темой являются взаимоотношения между господином Ёсицунэ и его верным вассалом Бэнкэй, однако, в пьесе «*Кандзинтё:*» фокус смещен в сторону взаимодействия между Бэнкэй и Тогаси. Центральное место в сюжете занимает почтительная верность господину, ради которого Бэнкэй совершает героические поступки, а главным конфликтом служит противостояние между Бэнкэй и зрителем заставы Тогаси, которому велено Ёсицунэ схватить и представить на суд Ёритомо. Таким образом, Бэнкэй является протагонистом, а Тогаси-но Саэмон – антагонистом, по классификации амплуа в театре Кабуки его можно отнести к злым аристократам (公家悪 *кугэаку*).

Минамото-но Ёсицунэ не является главным действующим лицом: в пьесе у него всего несколько реплик, он не принимает самостоятельных решений. Его представляют как *куро: ханган* (九郎判官), он – девятый сын Минамото-но Ёситомо, название его должности, *хо:ган* или *ханган* (判官), иногда переводится как «судья», хотя она и не предполагает выполнения судебных обязанностей. Считается, что к моменту появления пьес Кабуки в эпоху Эдо (1600–1868) характер Ёсицунэ претерпел значительные изменения в легендарных нарративах, поэтому вся движущая сила в сюжетах заключается в Бэнкэй [Моррис 2001, с. 127]. В связи с этим отметим, что роль Ёсицунэ в японском театре Кабуки обычно исполняет актер на женские роли (*女形 оннагата*), а в театре Но: – актер-ребенок (*子方, коката*), что связано с идеализацией его образа в культуре [Торопыгина 2011, с. 229].

Когда появляются главные герои, звучит ансамбль (*長歌 нагаута*), и под песни из поэтических антологий «Сто стихотворений ста поэтов» (百人一首 «*Хякунин иссю:*», XIII в.) и «Собрание старых и новых песен» (古今和歌集 «*Кокинвакасю:*», 922 г.) Ёсицунэ, Бэнкэй и их спутники выходят на сцену. Интеллектуальная история стран Дальнего Востока в целом строится вокруг канонических текстов и комментариев к ним, а в основе японской литературы лежат литературный канон и комментарий как метод литературной критики [Дьяконова 2020, с. 121]; поэтому неудивительно, что японский театр тоже регулярно обращается к литературному канону: нередки цитирования поэтических антологий, философско-религиозных трактатов, а сюжеты спектаклей зачастую берутся их повестей, мифов и других фольклорных историй.

Самураи, сопровождающие Ёсицунэ, готовы брать заставу с боем, но Бэнкэй предлагает действовать хитростью: ведь впереди им предстоит преодолеть немало застав, поэтому привлекать к себе внимание не стоит. Они договариваются, что Ёсицунэ притворится носильщиком, наденет соломенную шляпу, под широкими полями которой его благородный лик не будет виден. Остальные герои облачены в костюмы горных монахов-отшельников. Когда путники прибывают к заставе, страж Тогаси вместе со стражниками перегораживает проход: они убивают всех монахов-*ямабуси*. Бэнкэй замечает: вы должны убивать только монахов-притворщиков, а мы таковыми не являемся. Тот не отступает, и тогда Бэнкэй разыгрывает небольшую сцену, делая вид, что готовится к гибели, и во время предсмертной молитвы в первый раз демонстрирует настоящие знания буддийских обычаев. Тогаси впечатлен и спрашивает, с какой целью монахи пересекают заставу.

Бэнкэй сообщает, что они занимаются сбором пожертвований по провинциям для восстановления сгоревшего храма То:дайдзи в Нара (奈良東大寺). Тогаси нужны доказательства, и Бэнкэй достает из поклажи свиток пожертвований *кандзинтё:*, в котором в действительности ничего не написано, и принимается читать. Это напряженный момент пьесы, Бэнкэй импровизирует содержание свитка, а Тогаси пытается заглянуть ему за плечо, чтобы подсмотреть. Присутствует отсылка к «Повести о доме Тайра» (平家物語 «*Хэйкэ моногатари*», XIV в.), к восьмой главе пятого свитка – «Сбор подаяний» или «Подписной

Илл. 2. Утагава Кунисада. Итикава Эбидзо: V
в роли Бэнкэй и Итикава Дандзю:ро: VIII
в роли Тогаси, 1852 г.

лист [монаха Монгаку]» (勸進帳 «Кандзинтё:») [Повесть о доме Тайра 2005, с. 346].

Существует мнение, что Тогаси увидел, что в свитке на самом деле ничего нет [Kusano, 1967, p. 20]; однако он решает проверить мужество Бэнкэй и начинает экзаменовывать его, спрашивая об особенностях горных отшельников. Эта вторая напряженная сцена называется *ямабуси мондо*: (山伏問答) [Bouchu 2009, p. 33], ее мы обсудим ниже. Бэнкэй настолько убедителен, что Тогаси решает позволить путникам перейти заставу.

Внезапно один стражник обращает внимание на Ёсицунэ и сообщает Тогаси, что носильщик выглядит подозрительно. Это кульминационный момент пьесы, так называемое «узнавание», согласно «Поэтике» Аристотеля [Keene 1976–1977, p. 293]. Тогаси объявляет, что носильщик похож на Ёсицунэ, поэтому он не может пройти, и тогда Бэнкэй, чтобы убедить врагов, что Ёсицунэ на самом деле самый обыкновенный носильщик, ударяет его посохом. Это невероятное событие: вассалу недозволительно поднимать руку на господина. Считается, что Тогаси в этот момент догадывается, кто перед ним, но тронут

верностью и самоотверженностью, с которыми Бэнкэй ставит собственную жизнь под угрозу, чтобы спасти господина, и разрешает проход через заставу [Kusano 1967, p. 20].

Ёсицунэ благодарит Бэнкэй за спасение, все прославляют Бэнкэй, а он просит прощения у господина и проливает слезы, после чего все предаются воспоминаниям о былых сражениях. Присутствует отсылка к «Повести о Гэндзи» (源氏物語 «Гэндзи моногатари», XI в.), когда рассказчик *гидаю*: упоминает бухты Сума (須磨) и Акаси (明石), места ссылки героя романа Хикару Гэндзи, где он прожил в изгнании три года, – столько же провели в скитаниях Ёсицунэ, Бэнкэй и другие. Сцену прерывает появление Тогаси и стражников, они предлагают монахам выпивку в качестве извинения. Бэнкэй исполняет для зрителя заставы «танец долголетия» и пьеса завершается.

В записанном драматическом тексте присутствует обращение к зрителям, в котором сообщается, что пьеса ставится в честь 190-летия актерской династии Итикава Дандзю:ро: [Kawatake 1952, p. 35]. В пьесе несколько раз встречаются отсылки к другому произведению из перечня Кабукидзю:хатибансю: – «Минуточку» (暫く «Сибараку», 1697 г.) [Хомченкова 2021]. Театру Кабуки было свойственно рекламировать другие свои спектакли прямо со сцены, по этой причине упоминание слова *сибараку*, несомненно, задает интертекстуальную связь с пьесой «Сибараку». Кроме того, имеются отсылки к пьесам Кабуки «Посланец Бэнкэй» (弁慶上使 «Бэнкэй дзё:си», 1737 г.) и кукольного театра Бунраку «Ночная схватка под вишнями дворца Хорикава» (所桜堀川夜討 «Госё дзакура Хорикава-но ё:ми») [Kawatake 1952, p. 47]. В этой пьесе рассказывается о мимолетной любовной связи Бэнкэй и женщины по имени Осава, в результате которой у них рождается дочь, о которой Бэнкэй ничего не знает и которую он по случайному стечению обстоятельств убивает собственным мечом спустя много лет. Считается, что в этот момент Бэнкэй впервые проливает слезы.

Спектакль «Кандзинтё»: влияние театра Но:, техника и игра актеров

Пьеса была поставлена впервые в театре Кабуки в 1840 г. в период, когда была сильна тенденция возврата к классике, поэтому она во многом следует традиции театра Но: [Гундзи 1969, с. 181]. Сюжет заимствован из пьесы Но: «Застава Атака» (安宅 «Атака», 1465), созданной драматургом Кандзэ Кодзиро: Нобумицу (観世小次郎信光, 1435–1516). При этом уточняется, что первоначальный вариант пьесы был поставлен на сцене Кабуки еще при жизни Итикава Дандзю:ро: II (1688–1758), но актеры надеются, что переработанная пьеса с «налетом старины» придется зрителям по вкусу [Kawatake 2019, p. 54]. Кабуки много заимствовал у Но:, для таких пьес существует специальный термин «взятое у театра Но:», 能取物(но:торимоно); в комментариях к «Кандзинтё:» встречается много объяснений касательно сценической организации этого театра.

Есть также термин 松羽目物 (*мацубамэ-моно*), он обозначает разновидность пьес Кабуки, основанных на представлениях Но: [Leiter 2006, с. 229]. Для таких пьес на сцене используются классические декорации *мацубамэ* – сосна на золотом фоне, неизменный задник на сцене Но:. Из других элементов есть и трехцветный занавес (揚幕 *агэмаку*), дверца (切戸口 *киридогути*), на сцене на декоративном помосте размещается ансамбль *нагаута*. В традиционном театре можно увидеть деревянный помост (橋係 *хасигакари*), ведущий к сцене, по которому обязательно проходят актеры во время выхода на сцену или ухода с нее. Выйти на сцену, миновав этот помост, в театре Но: невозможно, но помост не используется в качестве сцены, развития действия на нем не происходит. В Кабуки такого помоста нет, и, хотя исторически сцена была основана на визуальном образе театра Но:, этот помост преобразовался в нечто новое, а именно в «цветочную тропу» (花道 *ханамити*) ведущую через зрительный зал. *Ханамити* больше напоминает подиум, это дополнительная сцена, на которой может происходить сценическое действие, но на основную сцену в Кабуки актер может пройти и минуя помост *ханамити*.

Музыкальное сопровождение спектакля тоже выдержано в стиле Но:, среди мелодий на сцене звучат: 1) мелодия 片しゃぎり, *катасягири*, исполняемая на барабанах (太鼓 *тайко*) и флейте (能管 *но:кан*), при начале спектакля; 2) экспозиция (次第 *сидай*) из которой становятся ясны чувства и намерения героев; 3) барабанные аккорды (刻み *кидзами*), большого барабана (大鼓 *ооцудзуми*); 4) две песни из пьесы «Старец» (翁 «Окина») [Kawatake 1952, p. 51].

Поскольку пьеса относится к танцевальному жанру *сэсагото*, то в ней присутствуют танцы, которые исполняет Бэнкэй в конце пьесы.

Первый, «мужской танец» (男舞 *отоко-маи*), обычно исполняется воинами и историческими персонажами под музыку малых и больших барабанов. Этот танец использовался в пьесе Но: «Атака», после перешел в Кабуки. Возникновение *отоко-маи* относят к эпохе Хэйан, когда танцовщицы (白拍子 *сирабё:си*), исполняли свои танцы в мужском одеянии [Мянд 2022, с. 376].

Второй танец – пляска буддийских монахов (延年の舞 *эннэн-но маи*), *эннэн* дословно означает «долгие лета». *Эннэн* были самостоятельными спектаклями с начала XIII в. и просуществовали до начала эпохи Эдо. Японские театроведы считают, что театр Но: испытал значительное влияние представлений *эннэн*, в которых участвовали бродячие актеры (猿楽 *саругаку*), чьи представления стали основой для театра Но: [Leiter 2006, p. 81]. Кроме того, так называли «заключительный раздел богослужений в буддийских храмах, представлявший собой молитвословие о долголетьи и процветании всех гостей и предшествовавший их угощению» [Анарина 2008, с. 155]. Бэнкэй танцует *эннэн-но маи* в конце пьесы, желая тем самым долгих лет жизни начальнику заставы.

Завершение танца *эннэн-но маи* выдержано в сценической технике «летающего шага» (飛び六方 *тобиронно:*), производной от техники «шести направлений» (六方 *ронно:* – небо,

Илл. 3. Неизвестный фотограф. Итикава Эно:
(二代目市川猿之助, 1888–1963)
в роли Бэнкэй исполняет *тобироппо*., 1950-е гг.

земля, север, юг, запад и восток). При помощи *роппо*: и *тобироппо*: актеры появляются на сцене и уходят со сцены, как правило, по *ханамити*. Актер под звуки барабана рукой указывает в шесть сторон, после чего широкими прыжками убегает со сцены. Используется «летающий шаг», как правило, в пьесах стиля *арагато* для грозного и могущественного персонажа, такого как Бэнкэй [Leiter 2006, p. 376].

Следующие приемы разработаны в Кабуки специально для исторических пьес *дзидаймоно*. Это конфронтация между героями, когда они готовятся к сражению, двигаясь друг напротив друга с мечами наготове скользящим шаркающим шагом (詰め寄り *цумэёри*) [Leiter 2006, p. 409]. В «Кандзинтё:» такова сцена между Бэнкэй и Тогаси с его стражниками, когда они не пропускают Ёсицунэ через заставу. Другая боевая сцена – «один против другого» (立ち回り *татимавари*), между Тогаси и Бэнкэй [Shaver 1966, p. 102].

«Перекликающиеся реплики» (掛け合い台詞 *какэйдзэрифу*) – характерный прием в пьесах Кабуки: одну реплику произносят несколько исполнителей поочередно, а заканчивают предложение хором. Так разговаривают стражники заставы и воины, спутники Ёсицунэ.

Наконец, в «Кандзинтё:» есть несколько фиксированных поз *миэ*, которыми славится Кабуки.

Групповая *миэ* Бэнкэй, Тогаси и Ёсицунэ, называется «небо, земля и человек» (天地人見栄 *тэнтидзин-миэ*), имеются в виду символы трех основных элементов мироздания [Накорчевский 2003, с. 399]. Эта концепция также используется в композиции живописи и икэбана, указывая порядок расположения трех элементов, в случае Кабуки – актеров. На сцене это изображается так: Ёсицунэ в роли носильщика преклоняет колени, Бэнкэй стоит на сцене, а Тогаси размещается на возвышении. Поза *тэнтидзин-миэ* используется непосредственно перед прочтением свитка пожертвований [Leiter 2006, p. 396].

Остальные *миэ* исполняет Бэнкэй, все они относятся к стилю *арагато*, перечислим их в порядке появления в спектакле: 1) поза, когда актер стоит прямо, пятки соприкасаются (不動の見栄 *Фудо:-но миэ*), названа в честь почитаемого «Светлого государя Неподвижного» (不動明王 *Фудо: мё:о:*) [Leiter 2006, p. 422]. В пьесе эта поза используется, когда Бэнкэй читает свиток, а Тогаси пытается подсмотреть в текст: тогда Бэнкэй отворачивается, держа свиток вертикально в правой руке и четки в левой, замирает неподвижно, жест сопровождается «сведением глаз» (睨み *нирами*); 2) поза *Гэнроку-но миэ* (元禄の見栄), названа по эпохе расцвета городской культуры Гэнроку 元禄 (1688–1703), символизирует недюжинную силу воина [Leiter 2006, p. 92]: актер делает шаг вперед левой ногой, перенося вес всего тела на правую, держит меч в левой руке и поднимает правую руку, сжатую в кулак; Бэнкэй замирает в этой позе после вопроса; 3) поза «метания камня» (石投げの見栄 *исинагэ-но миэ*), используется после того, как героев пропустили через заставу, и они вспоминают былые сражения: исполнитель роли

Бэнкэй, стоя прямо или на коленях, держит руку над головой, растопырив пальцы, словно бросил ими некий предмет [Leiter 2006, p. 132].

Исследователи указывают следующие причины популярности пьесы «Кандзинтё:» [Watanabe 2012, p. 239]: 1) в пьесе звучит красивая и подвижная мелодия музыкального ансамбля *нагаута*; 2) Бэнкэй играет в стиле *арагато*, публике особенно по душе позы *миэ*; 3) три основных персонажа отражают важные человеческие чувства: Тогаси – сострадание (情け *насаке*), Бэнкэй – мудрость и храбрость (智勇 *тию:*), а Ёсицунэ – благородство (品位 *хинги*). Сострадание *насаке* заключается в том, что Тогаси впечатлен самоотверженностью Бэнкэй и позволяет воинам перейти его заставу, хотя после этого будет вынужден совершить самоубийство из-за того, что ослушался приказа Ёритомо [Kawatake 1985, p. 14].

Детали и символика сценических костюмов

Бэнкэй облачен в костюм монаха-*ямабуси*, как и другие самураи-спутники Ёсицунэ. Будучи главным действующим лицом, Бэнкэй носит самый выразительный костюм с большим количеством деталей, символика которых подлежит разъяснению.

На Бэнкэй кимоно в клетку, поверх которого надеты белые штаны (大口袴 *оогутти-бакама*), их иногда называют «большеротые» [Сказание о Ёсицунэ 2001, с. 301]. Они отличаются от обычных штанов-*хакама* шириной, при этом они достаточно короткие, заканчиваются на уровне щиколотки актера. Подобные штаны *оогутти* носили воины [Shaver 1966, p. 157]. Верхнее одеяние, «водяная одежда» (水衣 *мидзугоромо*) – это дорожная накидка с широкими рукавами, как правило черного или коричневого цвета. На сцене в театре подобные накидки обычно носят монахи, рыбаки или дровосеки [Leiter 2006, p. 242]. На плечах у Бэнкэй безрукавка (鈴掛 *судзукакэ*) с меховыми шарообразными украшениями.

Узор кимоно называется «клеткой Бэнкэй» (弁慶合祀 *бэнкэй-го:си*). Изобретение этого узора принадлежит актерской династии Итикава Дандзю:ро:, сочетание цветов называется *аи-мидзин* (藍 *аи* – краситель индиго, 微塵 *мидзин* – крошечный). На узоре накидки *мидзугоромо* представлены первая и последняя буквы санскритского алфавита, применяемого в буддийской традиции Японии: «А» и «Н» (梵字 *бондзи*). В пьесе оговаривается специальная техника дыхания: выдох на «А» и вдох на «Н». Штаны *хакама* украшены золотым узором, который изображает буддийское «колесо Закона» (凜坊 *римбо:*) [Shaver 1966, p. 379].

В одной руке у Бэнкэй деревянные четки 数珠, *дзюдзу*, из ста восьми бусин, неперенный атрибут монаха. Число сто восемь в буддизме символизирует зло, искушение и людские грехи [Shaver 1966, p. 142]. В другой руке – посох паломника, «алмазный жезл», «образ

Илл. 4. Неизвестный фотограф. Актёр Мацумото Ко:сиро: VII (松本幸四郎七番目, 1870–1949) в роли Бэнкэй, 1943 г.

нерушимой и всесокрушающей силы» (金剛杖 *конго:дзуэ*) [Трубникова, Бачурин 2009, с. 50]. Также при нем складной бумажный веер (白骨 *сирахонэ*), без узора, у Бэнкэй он отличается от вееров его спутников (у них в руках обычные веера); такая разница связана с иерархией монахов-*ямабуси*. На голове черный лакированный головной убор *ямабуси*, пятиугольный с двенадцатью складками, который называется *токин* (兜巾). Его форма символизирует драгоценный венец пяти мудростей будды Махавайрочаны. Двенадцать складок отсылают к двенадцати звеньям цепи причин и следствий, удерживающей человека в мире страданий. Черный цвет тоже напоминает о людских страданиях.

На Тогаси костюм *суо*: (素袍) – церемониальная одежда самураев: накидка *уваги* (上着) и штаны *нагабакама* (長袴); они выполнены в одной цветовой гамме с узором в виде журавлей и черепах. На голове у Тогаси воинская шапка *хикитатэ-эбоси* (引き立て烏帽子), в виде черного лакированного колпака, надевается под самурайский шлем, голову охватывает белая шелковая повязка для удобства крепления шапки на голове, под подбородком завязываются фиолетовые ленты. Складной бумажный веер *тю:кэй* (中啓), заимствован из Но:, такие веера на сцене используются различными светскими персонажами, в том числе злыми аристократами *кугэаку* [Shaver 1966, p. 278]. За поясом у Тогаси длинный меч *тати* (太刀), какие носили воины во времена Хэйан, Камакура и Муромати [Shaver 1966, p. 291].

Костюм Минамото-но Ёсицунэ неброский, поскольку его переодели носильщиком: главной отличительной особенностью является походная соломенная шляпа *адзиро-гаса* (網代笠), за широкими полями которой он прячет лицо. За спиной – дорожная корзина *ои* (笈). В подобных корзинах как правило носят буддийский скарб (молитвенные свитки и пр.), но в корзине Ёсицунэ спрятано военное снаряжение [Brandon, Niwa 1966, p. 12].

Буддийский аспект пьесы

В пьесе представлен широкий пласт информации о буддизме, течениях *сюгэндо*: и монахах-путешественниках *ямабуси* [Tyler 1987, p. 24]. Буддийский мотив, который выделяется в Но: и в Кабуки, – мандалы «мира-алмаза» (金剛界曼羅 *конго:кай мандара*) и «мира-чрева» (胎藏界曼茶羅 *тайдзо:кай мандара*) [Tyler 1987, p. 23]. Связано это еще и с тем, что Итикава Дадзю:ро: I был приверженцем учения *сюгэндо*:, по этой причине Светлый государь Фудо:-мё:о: часто появляется на сцене Кабуки [Kominz 1983, p. 390]. Можно выделить три сцены, где сконцентрированы буддийские мотивы.

1. Бэнкэй и самураи возносят предсмертные молитвы

Бэнкэй как предводитель группы монахов, собирает их вокруг себя, и под музыкальное сопровождение ансамбля герои начинают молитву. Сказитель *гидаю*: описывает происходящее:

Ах, теперь наши монахи-притворщики и вправду следуют пути Эн-но Убасоку! Вот-вот им придет конец, а ведь каждый из них по сути своей является буддой. О, Фудо:-мё:о: тому свидетель, покарают виновных в их смерти боги святилищ Кумано, это уж наверняка! Возглашая мантру *А-би-ра-ун-кэн*, монахи со стуком перебирают чётки.

Основателем учения *сюгэндо*: считается Эн-но Убасоку (役の優婆塞), полупоупенный святой подвижник [Tyler 1987, p. 23]. Также *гидаю*: упоминает богов трех святилищ Кумано, а горы Кумано принадлежали к числу мест религиозных практик *ямабуси* [Bouchy 2009, p. 20]. Фудо:-мё:о: (不動明王 досл. «Неподвижный») является основным почитаемым в учении *сюгэндо*: [Трубникова, Бачурин 2009, с. 305]. Мантра *А-би-ра-ун-кэн* (阿毘羅吽欠) – одна из основных в школе Сингон (真言), обращенная к Дайнити Нё:рай (大日如来 будда Махавайрочана) [Трубникова, Бачурин 2009, с. 51].

2. Бэнкэй импровизирует текст свитка

Всеблагой наш учитель (Будда Шакьямуни. – В.Х.) сокрылся за облаками нирваны, словно осенняя луна в небесах. Немудрено, что теперь не сыскать пробуждения от вечного сна, где все существа умирают и рождаются в бесконечном круговороте! Давным-давно жил на свете государь Сё:му. Смерть разлучила его с любимой женой, и плакал он так горько, что не успевали высохнуть на щеках жемчужные нити слез. И повелел он тогда для спасения своего построить храм, а в нем воздвигнуть статую Будды Вайрочаны. Однако много лет спустя, на исходе годов Дзюэй, погиб тот храм в огне. Не в силах смириться с потерей, монах Сюдзё:бо: Тё:гэн пролил слезы над бренностью всего сущего и, повинаясь высочайшему приказу, послал гонцов по всем провинциям, чтобы каждый, будь то богач или бедняк, монах или мирянин, мог пожертвовать на восстановление святыни. И всякий, кто даст хоть сэн, хоть пол-сэна, да удостоится несказанного блаженства на этом свете, а после да возродится в Чистой земле, где будет восседать на тысяче лотосов. Писано с молитвой и благоговением перед Буддой, да будет так!

Будда Вайрочана – упомянутый выше Дайнити Нё:рай, статуя которого была воздвигнута в храме То:дайзи государем Сё:му (聖武, 701–756) в 749 г., она известна также как статуя Большого Будды [Трубникова, Бачурин 2009, с. 38]. То:дайзи действительно сгорел в 1180 г., в разгар войны между Тайра и Минамото, в которой участвовали герои пьесы. Монах Тё:гэн (重源, 1121–1206) стал собирать пожертвования на восстановление храма, а так как он был почитателем Чистой Земли (淨土 Дзё:до), буддийского «рая», обитатели которого восседают на лотосах, то и Бэнкэй упоминает лотосы в своем импровизированном чтении.

3. Бэнкэй отвечает на вопросы Тогаси

В ходе допроса Тогаси пытается уличить Бэнкэй в том, что тот не настоящий монах. Исследователи отмечают, что в этой сцене есть настоящая отсылка к ритуалам *ямабуси* [Vouchy 2009, p. 33], среди которых собственно вопросы и ответы, а также девятисложная мантра (九字 *кудзи*), и заклинание знатоков «Тёмного и Светлого начал» (陰陽師 *оммё:дзи*), изгоняющее демонов. По сути своей *мондо*: – это не допрос, а беседа между мастером и учеником, своеобразный диалог-поединок в быстром темпе, в ходе которого ученик постигает суть учения. В случае Тогаси и Бэнкэй беседа действительно превращается в словесный поединок, темп которого стремительно ускоряется, а к концу Тогаси перестает задавать развернутые вопросы, и просто выкрикивает буддистские термины, которые Бэнкэй ему разъясняет. Примечательно, что именно Тогаси выступает в роли наставника, задающего вопросы, хотя Бэнкэй, а не Тогаси, является настоящим монахом-воином.

Ранее в статье были описаны сценические элементы костюма *ямабуси*, в который облачен Бэнкэй. Тогаси подробно расспрашивает его о символике всего костюма, например, о накидке, узорах, аксессуарах (веер, посох) и т.д. Бэнкэй отвечает на все каверзные вопросы без запинки, и это говорит о том, что Бэнкэй – прекрасный знаток *сюгэндо*: [Vouchy 2009, p. 33].

Заключение

Пьеса «*Кандзинтё:*» по праву считается одной из лучших в театре Кабуки. По мнению японских исследователей, постановка впечатляет своими сценическими фрагментами: чтение подписного листа о благотворительности, сцена *ямабуси-мондо*:, удар Ёсицунэ, танец *эннэн-но маи*, *тоби роппо*: и др. [Watanabe 2004, p. 73].

Изначально пьеса принадлежала театральной традиции Но:, Кабуки адаптировал её для своей сцены, но влияние Но: осталось сильным. Пьеса включает в себя целый перечень

элементов Но:, таких как сценические элементы (задник, занавес, помосты и пр.), музыкальные композиции, танцы, отчасти костюмы. Религиозный аспект в пьесе представлен широко, как в репликах актеров, так и в элементах бутафории, аксессуарах, костюмах. В этом случае театр Кабуки демонстрирует глубокую проработку буддистской символики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Анарина Н.А. История японского театра. Москва: Наталис. 2008.
- Гришелева Л.Д. Театр и драматургия Японии. Москва: Наука. 1966.
- Гунджи Масакату. Японский театр Кабуки. Москва: Прогресс. 1969.
- Дьяконова Е.М. Канон и комментарий. К вопросу истолкования японской классической поэзии // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 3. С. 104–127.
- Ёкёку. Классическая японская драма / сост. Н.Г. Анарина. Москва: Наука. 1979.
- Ковалевская А.И. Герой, наделенный легендарными родителями: формирование образа Мусасибо Бенкэй в «Сказании о Ёсичунэ» // *Сибирский филологический журнал*. 2020. № 1. С. 58–71.
- Моррис А. Благородство поражения. Трагический герой в японской истории. Москва: Серебряные нити. 2001.
- Мянд В.А. Понятие сирабёси в японской культуре // Лига исследователей МПГУ: Сборник статей студенческой открытой конференции. В 4 т. Москва, 21–25 ноября 2022 года. Москва: МПГУ. 2022. С. 375–379.
- Накорчевский А.А. Синто. Санкт-Петербург: Азбука-классика, Петербургское Востоковедение. 2003.
- Повесть о доме Тайра / пер. И. Львовой. Санкт-Петербург: Азбука-классика. 2005.
- Сказание о Ёсичунэ / пер. А. Стругацкого. Санкт-Петербург: Евразия. 2000.
- Торопыгина М.В. Японский средневековый рассказ (отоги-дзоси). Москва: РГГУ. 2011. С. 219–229.
- Трубникова Н.Н., Бачурин А.С. История религий Японии IX–XII вв. Москва: Наталис. 2009.
- Хомченкова В.В. Театральный, исторический и литературный контексты пьесы театра Кабуки «Сибараку» // *История и культура Японии*. Вып. 13. Москва: ВШЭ. 2021. С. 160–187.

REFERENCES

- Anarina, N.A. (2008). *Istoriya yaponskogo teatra* [History of Japanese Theater]. Moscow: Natalis. (In Russian).
- Anarina, N.A., Ed. (1979). *Yokyoku. Klassicheskaya yaponskaya drama* [Japanese Noh Drama]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Dyakonova, E.M. (2020). Kanon i kommentarii. K voprosu istolkovaniya yaponskoi klassicheskoi poezii [The Canon and the Commentary. Exegesis in Japanese Classical Poetry]. *Studia Litterarum*, 5(3), 104–127. (In Russian).
- Griseleva, L.D. (1966). *Teatr i dramaturgiya Yaponii* [Japanese Drama and Theater]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Gunji, Masakatsu. (1969). *Yaponskij teatr Kabuki* [Japanese Kabuki Theater]. Moscow: Progress. (In Russian).
- Khomchenkova, V.V. (2021). Teatral'nyi, istoricheskii i literaturnyi konteksty p'esy teatra Kabuki "Sibaraku" [Theatrical, historical and literary contexts of the Kabuki theater *Shibaraku* play]. *Istoriya i kul'tura Yaponii* [History and Culture of Japan], 13. Moscow: HSE, 160–187. (In Russian).
- Kovalevskaya, A.I. (2020). Geroi, nadelennyi legendarnymi roditelyami: formirovanie obraza Musasibo Benkei v "Skazanii o Yoshitsune" [A Hero, the Son of Legendary Parents: Formation of the Musashibo Benkei Image in the "Tale of Yoshitsune"]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 1, 58–71. (In Russian).
- Lvova, I. (Trans.). (2005). *Povest' o dome Taira* [Heike Monogatari]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika. (In Russian).

- Morris, I. (2001). *Blagorodstvo porazheniya. Tragicheskie geroi v yaponskoi istorii* [The Nobility of Failure: Tragic Heroes in the History of Japan]. Moscow: Sepebryanye niti. (In Russian).
- Myand, V.A. (2022). Ponyatie sirabyosi v yaponskoj kul'ture [*Shirabyoshi* Concept in Japanese Culture]. In *Liga issledovatelei MPGU: Sbornik statei studencheskoi otkrytoi konferentsii. 4 Vols, Moskva, 21–25 noyabrya 2022 goda* (pp. 375–379). Moscow: MPGU. (In Russian).
- Nakorchevsky, A.A. (2003). *Sinto* [Shinto]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika, Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russian).
- Strugatsky, A. (Trans.). (2000). *Skazanie o Yoshitsune* [*Gikeiki*]. Saint Petersburg: Evraziya. (In Russian).
- Toropygina, M.V. (2011). *Yaponskij srednevekovyi rasskaz (otogi-zoshi)* [Japanese Medieval Otogi-zōshi Tales]. Moscow: RSUH. (In Russian).
- Trubnikova, N.N., Bachurin, A.S. (2009). *Istoriya religii Yaponii IX–XII vv.* [History of Japanese Religions, 9th–12th Centuries]. Moscow: Natalis. (In Russian).

* * *

- Bouchy, A. (2009). Transformation, Rupture and Continuity: Issues and Options of Contemporary Shugendō. *Cahiers d'Extrême-Asie*, 18, 17–45.
- Brandon, R. J., Niwa T. (1966). *Kabuki Plays: Kanjincho and The Zen Substitute*. New York: Samuel French.
- Halford, A., Halford, G.M. (2012). *The Kabuki Handbook*. Clarendon: Tuttle Publishing.
- Kawatake, S. (1952). *Kabuki jūhachiban shū* [Eighteen Traditional Kabuki plays]. Tokyo: Asahi Shimbunsha. (In Japanese).
- Kawatake, S., Kodama, R. (2019). *Kabuki juuhachiban shu* [Eighteen Traditional Kabuki plays]. Tokyo: Kodansha. (In Japanese).
- Kawatake, Toshio. (1985). *Kabuki, eighteen traditional dramas*. San Francisco: Chronicle Books.
- Keene, D. (1976–1977). Dramatic Elements in Japanese Literature. *Comparative Drama*, 10(4), 275–297.
- Kominz, L. (1983). Ya no Ne. The Genesis of a Kabuki Aragoto Classic. *Monumenta Nipponica*, 38 (4), 387–407.
- Kusano, Eisaburo. (1967). *Stories Behind Noh and Kabuki Plays*. Tokyo: Tokyo News Service.
- Leiter, S.L. (2006). *Historical Dictionary of Japanese Traditional Theatre*. Alexandria: Scarecrow Press.
- Shaver, R.M. (1966). *Kabuki Costume*. Clarendon: Tuttle.
- Tyler, R. (1987). Buddhism in Noh. *Japanese Journal of Religious Studies*, 14/1, 19–52.
- Watanabe, Tamotsu. (2004). *Kabuki 101 monogatari* [101 Kabuki Stories]. Tokyo: Shinshokan. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 02.10.2023

Received: 02 October 2023

Принята к публикации: 22.01.2024

Accepted: 22 January 2024

Дарчик Рада Юрьевна, Хомченкова Варвара Валентиновна

Свиток пожертвований. Перевод пьесы «Кандзинтё:»

Перевод на русский язык представлен впервые и выполнен при участии студентов НИУ ВШЭ в рамках проекта «Перевод пьес театра Кабуки» по изданию: Собрание восемнадцати классических пьес театра Кабуки. (Кабуки дзюхатибан сю:). / Сигэтоси Каватакэ хэн (Под ред.: Сигэтоси Каватакэ). Токио: Асахи симбунся, 1952. С. 256–273.

Для облегчения чтения в тексте пьесы решено было не использовать долготу гласных, однако, в комментариях к переводу чтение указывается с долготами. Основной текст предваряет небольшое вступление японского театроведа и комментатора Каватакэ Сигэтоси, которое также решено было перевести, т.к. оно является паратекстом и содержит информацию о спектакле и его особенностях.

Традиционная для театра Кабуки программка *цудзибан дзукэ* напоминает современную афишу. На листах размером с газетную страницу тушью печатали дневную программу спектаклей, аннотации к ним и либретто. Там же помещались иллюстрации в стиле школы Тории¹ и прочие сведения: от актерского состава до платы за вход. По особым случаям в дополнение к афишам выпускали рекламные листовки небольшого формата *кобан дзукэ*².

Перед нами *кобан дзукэ* к постановке пьесы «Кандзинтё:» на сцене театра Синтоми-дза³ в мае 23 года Мэйдзи (1890 г.). Именно тогда актёры Дандзюро Девятый⁴ в роли Бэнкэя,

Илл. 5. Тории Киёсада, Тории Киётада VII. Тогаси и Бэнкэй. 1896 г.

¹ Школа Тории 鳥居派 – направление гравюры укиё-э, основанное Тории Киёнобу 鳥居清信 (1664–1729). Художники этой школы занимались в основном изготовлением плакатов и других рекламных материалов для актёров Кабуки. В частности, ими была создана серия плакатов «Восемнадцать классических пьес Кабуки» 歌舞伎十八番, в которую входит и пьеса «Кандзинтё:».

² *Цудзибан дзукэ* 辻番付 и *кобан дзукэ* 小番付 отличались друг от друга размером: крупные афиши *цудзибан дзукэ* вывешивались на городских улицах и должны были привлекать внимание прохожих, а более компактные листовки *кобан дзукэ* служили информационным дополнением к ним.

³ Синтоми-дза 新富座 (другое название Морита-дза 森田座) – один из крупнейших театров Кабуки эпохи Токугава, находившийся в городе Эдо (современный Токио). Здание было разрушено во время Великого Кантосского землетрясения в 1923 г. и более не восстанавливалось.

⁴ Итикава Дандзю:ро: IX (Кю:даймэ) 九代目市川團十郎 (1838–1903) – сценическое имя актёра династии Итикава Дандзю:ро:. Кю:даймэ означает «девятый», то есть девятый представитель этой династии – нумерация была необходима, поскольку сценическое имя наследовалось. В театре Кабуки сложилась особая структура преемственности, основанная не на родстве, а на передаче навыков от учителя к ученику. Это связано с тем, что военное правительство, сёгунат Токугава, жёстко регулировало жизнь горожан, при этом актёры находились вне сословной системы и были вынуждены селиться отдельно в одном из кварталов Эдо, что способствовало формированию закрытых актёрских гильдий.

Кикугоро Пятый⁵ в роли Ёсицунэ и Садандзи Первый⁶ в роли Тогаси впервые выступили на сцене вместе. Это знаменитое трио стали называть Дан-Кику-Са – по первым иероглифам в именах актёров. Сама же пьеса, доведённая до совершенства Дандзюро Девятым, вошла в классический канон Кабуки.

Свиток пожертвований

Новая застава Атака⁷

В сопровождении музыкальных ансамблей *нагаута* и *хаяси*⁸

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Минамото Ёсицунэ, судья⁹, девятый сын Ёситомо¹⁰.

Тогаси Саэмон, смотритель заставы.

Мусасибо Бэнкэй, монах, сподвижник Ёсицунэ.

Хитатибо Кайсон, монах, сподвижник Ёсицунэ.

Исэ Сабуро, самурай, сподвижник Ёсицунэ.

Катаока Хатироси, самурай, сподвижник Ёсицунэ.

Камэи Рокуро, самурай, сподвижник Ёсицунэ.

Три стражника.

Оруженосцы.

Застава Атака-но синсэки. Авансцена¹¹. Спереди подмостки *окибутай*¹², на заднике нарисована сосна¹³, на боковых стенах – изображения молодого бамбука в технике

⁵ Оноэ Кикуго:ро: V (Годаймэ) 五代目尾上菊五郎 (1844–1903) – сценическое имя актёра династии Оноэ Кикуго:ро:. Годаймэ означает «пятый», то есть пятый представитель династии.

⁶ Итикава Садандзи I (Сэдай) 初代市川左團次 (1842–1904) – сценическое имя актёра династии Итикава Садандзи. Сэдай означает «первый», то есть основатель династии.

⁷ Атака-но синсэки 安宅親戚 – название заставы в провинции Кага (ныне префектура Исикава) по пути из тогдашней столицы в северные земли.

⁸ Пьеса «Кандзинтё:» 勧進帳 («Свиток пожертвований») относится к танцевальному жанру *сэсагото* 所作事 и исполняется в сопровождении музыкальных ансамблей *нагаута* и *хаяси*. *Нагаута* 長唄 (досл. «длинная песня») – лирический жанр для струнного инструмента сямисэн, а также ансамбль, исполняющий такие песни. В Кабуки музыканты *нагаута* располагаются в глубине сцены на помосте, покрытом ковром. Также в ансамбль входит чтец-сказитель *гидаю:*, он поясняет происходящее на сцене. *Хаяси* 囃子 – музыкальный ансамбль, в котором играют на трёх разновидностях японских барабанов и бамбуковой флейте *но:кан* 能管.

⁹ Куро: Ханган 九郎判官 – одно из имён, под которым известен Ёсицунэ. Куро: буквально означает «девятый сын» Минамото-но Ёситомо, а *ханган* (более распространённый вариант прочтения – *хо:ган*) – придворный титул чиновника 3-4 ранга в административной системе Японии в древности. Иногда эту должность переводят как «судья», хотя судебных полномочий у таких чиновников не было.

¹⁰ Минамото-но Ёситомо 源義朝 (1123 – 1160) – влиятельный политик и полководец, отец Ёритомо и Ёсицунэ.

¹¹ На раннем этапе развития Кабуки в начале эпохи Эдо (1603 – 1868 гг.) устройство и обстановка сцены были заимствованы из театра Но. Тогда это была сцена-коробка с колоннами и навесом, стилизованная под синтоистское святилище. Однако уже в годы Кансэй (1789 – 1801), облик сцены поменялся и стал таким, каким его знает современный зритель: классическая авансцена, к которой через зрительный зал идёт помост *ханамити* 花道 («цветочная тропа»), одновременно служащий дополнительной сценой и выходом на основную. На основной сцене появляются механические приспособления: поворотный круг, люки и др. Несмотря на то, что перед нами очень поздняя постановка (1890 г.), декоративное оформление сцены в ней стилизовано под старый стиль, близкий к Но. При этом конструктивные элементы (*ханамити* и пр.) сохраняются как в классическом Кабуки.

¹² *Окибутай* 置舞台 (также называемые *сикибутай* 敷舞台 или *сэсабутай* 所作舞台) – дощатый помост в передней части сцены. Эта деревянная конструкция высотой примерно 5 сун (15 см) появляется в танцевальных пьесах *сэсагото* 所作事. Она усиливает звук ритма, отбиваемого актёрами.

¹³ Сосна на золотом фоне – неизменный задник на сцене театра Но.

какиокоси¹⁴, по центру помост *цунэаси*¹⁵, покрытый ковром. С фронтона над сценой ниспадает занавес *тэммаку*¹⁶, в правой части сцены¹⁷ дверца *киридогүти*¹⁸, в левой – пятицветный занавес *агэмаку*¹⁹. Оформление в стиле театра Но. Звучит проигрыш *катасягири*²⁰ и без ударов колотушек *хёсиги*²¹ поднимается основной занавес.

Выходит руководитель артистическими уборными²², приветствует зрителей и объявляет, что новый театральный сезон посвящён столетию актёрской династии Итикава Дандзюро²³, и в честь этого исполняется пьеса «Кандзинтё:», один из восемнадцати шедевров Кабуки. Затем он читает список актёрского состава и с поклоном покидает сцену. Из-за кулис появляются исполнители *нагаута* и *хаяси*, облачённые в одежды *камисимо*²⁴, и усаживаются в ряд на помосте. Неторопливо вступает флейта; с левой стороны сцены выходит Тогаси Саэмон, за ним следуют оруженосцы и три стражника²⁵.

Тогаси. Ваш покорный слуга, Тогаси Саэмон, управитель провинции Кага. Говорят, братья Ёритомо и Ёсицунэ рассорились друг с другом, и потому Ёсицунэ и его приспешники, переодевшись монахами-ямабуси²⁶, покинули столицу и направляются в Митиноку²⁷. Узнав

¹⁴ *Какиокоси* 書起し – традиционная техника японской живописи, в которой линейный рисунок наносится в последнюю очередь, поверх цветных пятен.

¹⁵ *Цунэаси* 常足 – декоративный помост для музыкантов, расположенный в глубине сцены. Высота *цунэаси* – около 42 сантиметров. Бывают и другие виды подобных помостов: *такааси* 高足 (85 см) и *тю:аси* 中足 (64 см).

¹⁶ *Тэммаку* 天幕 – ниспадающий сверху (буквально «небесный») занавес. Эта деталь сценического оснащения также заимствована из театра Но. Крепится к навесу в форме кровли святилища, находящемуся над основной сценой.

¹⁷ Если смотреть из зрительного зала.

¹⁸ *Киридо:гүти* 切戸口 – низкая деревянная дверца в задней части сцены театра Но, через которую входили и выходили актёры и музыканты. Также её называли «выход для трусов», поскольку героические персонажи, как правило, появлялись на сцене через *ханамити*.

¹⁹ *Агэмаку* 揚幕 – пятицветный (зелёный, жёлтый, белый, красный и фиолетовый) полосатый занавес, также заимствованный из убранства сцены театра Но. Его поднимают при помощи бамбуковых шестов. Такой занавес обычно скрывает дверь *киридо:гүти*, через которую на сцену выходят актёры. В позднем Кабуки аналог этого занавеса расположен около дополнительной сцены *ханамити*.

²⁰ *Катасягири* 片しやぎり – мелодия, исполняемая на барабанах *тайко* и флейте *но:кан*. В пьесах, стилизованных под театр Но, сопровождает начало спектакля.

²¹ *Хё:сиги* 拍子木 – деревянные колотушки, как правило подающие сигнал к началу пьесы. Классическую постановку Кабуки трудно представить без этого характерного звука.

²² Заведующий артистическими уборными (*то:дори* 頭取) – эту должность по традиции занимал старый заслуженный актёр, уважаемый всей труппой. Его почётной обязанностью было произнесение речей по торжественным случаям.

²³ Итикава Дандзю:ро: – актёрская династия, основателем которой был Итикава Дандзю:ро: I. Этот известнейший актёр годов Гэнроку (1688 – 1704 гг.) стал основоположником *арагото* 荒事 (буйного, воинственного стиля Кабуки).

²⁴ *Камисимо* 袴 – костюм, состоящий из верхней накидки *катагину* с плечами крыльцеобразной формы и штанов *хакама* длиной до пят.

²⁵ В оригинале стражников зовут Киноэ 甲, Киното 乙 и Хиноэ 丙, по первым трём циклическим знакам китайского календаря. В некоторых случаях эти иероглифы использовались в качестве альтернативных цифр, так что здесь их можно перевести просто как «первый», «второй» и «третий».

²⁶ *Ямабуси* 山伏 (они же *сюгэндзя* 修験者) – горные отшельники, последователи *сюгэндо*: 修験道, синкретического учения, сформировавшегося в Японии в конце VII в., в котором исконно японские верования сплелись с заимствованными из Китая даосскими, буддистскими и иными мистическими практиками.

²⁷ Митиноку 陸奥 (букв. «глубь страны») – в японской древности и средневековье территория, включающая пять провинций: Иваки, Ивасиро, Рикудзэн, Рикүто: и Муцу, т.е. территории нынешних префектур Фукусима, Миядзаки, Иватэ и Аомори на северо-востоке острова Хонсю:.. Это дальняя окраина, поэтому местные правители – северная ветвь рода Фудзивара – пользовались определенной независимостью от

о таком безобразии, господин из Камакура²⁸ повелел досматривать всех монахов, для чего на дорогах построили новые заставы. И вот я стерегу одну из них. Стража, будьте начеку! Вам всё понятно?

Первый стражник. Так точно, господин! Как вы и велели, всех подозрительных монахов-отшельников мы арестуем, а головы их выставим на позорных столбах!

Второй стражник. Дело серьёзное, это ясно! Всякого ямабуси сразу же ведём к вам.

Третий стражник. Какой бы ни явился сюда прохвост сюгэндзя, тут же повяжем его и убьём!

Первый стражник. Мы всегда на посту...

Все трое. ...ваше благородие!²⁹

Тогаси. Отлично сказано! А всё же, когда покажутся здесь монахи-ямабуси, лучше всего нам действовать хитростью. Захватим их живьём и отдадим на милость господина из Камакура. Ну, стража, смотрите в оба. А не то поплатитесь головой!

Все трое. Рады стараться!

Все отходят в левую часть сцены.

Стражники кланяются Тогаси, начинается зачин сидай³⁰.

Гидаю³¹. В простом дорожном платье,
В простом дорожном платье,
Ах, в солёной росе рукава промочив³²,
Они во вторую луну,
На исходе десятого дня,
Бегут из столицы в ночи,³³

Вступает сямисэн³⁴, звучит мелодия ёсэнинари³⁵, под аккомпанемент малых и больших барабанов цудзуми³⁶ со стороны зрительного зала появляется Ёсицунэ в плетёной шляпе, за

столичных властей. После конфликта с Ёритомо, Ёсицунэ со спутниками бегут в земли Фудзивара-но Хидэхира, их союзника, правителя Муцу.

²⁸ То есть сёгун Минамото-но Ёритомо, ставка которого находилась в Камакура.

²⁹ Перед нами перекликающаяся реплика – характерный приём в пьесах Кабуки. Несколько персонажей высказываются по очереди, а окончание последней фразы произносят хором. Как правило, в такой манере разговаривают второстепенные персонажи.

³⁰ *Сидай* 次第 – ещё один термин театра Но. Так называется один из элементов пьесы: предваряющая основной сюжет экспозиция, из которой становятся ясны чувства и намерения героев. Всего выделяют четыре элемента композиции пьесы Но: *сидай* («зачин»), *нанори* («называние имен»), *митюки* («в пути») и *цукидзэрифу* («текст прибытия»).

³¹ *Гидаю*: 義太夫 – певец-сказитель в Кабуки, а также в кукольном театре Дзё:рури. Так же называется и сам жанр исполняемых им произведений.

³² Образ солёной росы отсылает к пролитым слезам, которые герой утирает рукавом дорожного платья. Оно должно защищать путника от непогоды в горах, но с потоками слёз справиться не в силах.

³³ Второй месяц по лунному календарю, приходится на середину весны. В военной повести «Сказании о Ёсицунэ» 義経記 (XV в.) герои отбывают из столицы во второй день второй луны, однако, в пьесе «Кандзинтё:» указан десятый день. Первоначальная версия логичнее: поскольку месяц начинался с новолуния, во второй день на небе ещё не было видно луны, так что темнота помогла бы беглецам скрыться, тогда как в десятый день приближающееся полнолуние, напротив, стало бы помехой беглецам.

³⁴ *Сямисэн* 三味線 – трёхструнный щипковый инструмент с длинным грифом и четырёхугольным корпусом в виде деревянной рамы с высокими бортами, на которую сверху и снизу натянуты кожаные мембраны.

³⁵ *Ёсэнинари* 寄せになり – эта мелодия предваряет появление главного героя.

³⁶ В театре Кабуки музыканты играют на барабанах *цудзуми* 鼓. Это небольшой барабан в форме песочных часов, мембраны которого соединены шнурами. Существуют две разновидности: малый *коцудзуми* и большой *ооцудзуми*. В комментарии театроведа Каватакэ Сигэтоси (河竹繁俊, 1889–1967) указано, что их оживлённая музыка сопровождает появление на сцене героев пьес в жанре *дзидаймоно* (то есть исторических).

стиной у него корзина с поклажей, в руках – посох паломника; он останавливается на помосте ханамити³⁷.

Ги даю. Застава эта,
 у которой постоянно
 толпится масса
 прохожих и проезжих,
 стоит в горах, и над ними вдали
 ненавистная вешняя дымка,
 распростёрла покров.
 А корабль их плывет через море –
 Вот уже и бухта видна³⁸.

³⁷ См. сноску 11.

³⁸ Здесь рассказчик *гидаю*: почти дословно цитирует стихотворение поэта Сэмимару из антологии «Огура Хякунин Иссю:» 小倉百人一首 («Сто стихотворений ста поэтов»). Этот сборник приобрел массовую популярность благодаря игре «ута-гарута» («поэтические карты»). На каждой из двухсот карт написана половина стихотворения, при этом карты с начальными строками остаются у ведущего, а остальные, парные к ним, раскладываются текстом вверх. Цель игры – как можно быстрее узнать стихотворение, которое читает ведущий, и первым схватить соответствующую карту среди выложенных. Побеждает тот, кто смог собрать больше всего стихотворений. Эта игра была распространена очень широко, все стихи из «Хякунин иссю:» японцы знали наизусть. Именно поэтому их цитирование в пьесах Кабуки было обычным делом, публика воспринимала подобное с восторгом. Ниже приведены два перевода этого стихотворения, опубликованные на русском языке, а также оригинал. Чтобы сохранить почти дословную цитату, мы пользуемся вторым вариантом, который больше подходит по смыслу в контексте пьесы.

Так вот ее норов?!
Ты уедешь или вернёшься —
Это место разлуки.
Все – знакомые и незнакомцы —
Не минуют Заставы Встреч!

(Перевод по книге «Сто стихотворений ста поэтов»: Старинный изборник японской поэзии VII—XIII вв./ Предисл., перевод со старояп., коммент. В. С. Сановича; Под ред. В. Н. Марковой. – 3-е изд., доп. и перераб. – М.-СПб.: Летний сад; Журнал «Нева», 1998. – 288 с.)

Ворота эти,
в которых постоянно
толпится масса
прохожих и проезжих,
ведут к «Горе свиданья».

(Перевод Николая Николаевича Бахтина (Новича). Опубл. в антологии «Песни ста поэтов», С.-Петербург, 1905)

これやこの 行くも帰るも 別れては
知るも知らぬも 逢坂の関

Причём в «Кандзинтё:» эти строки плавно переходят в другое известное стихотворение, на сей раз из первой императорской антологии «Кокинвакасю:» (922 г.):

Над горами вдали
ненавистная вешняя дымка
распростёрла покров –
и теперь никому не увидеть,
где пределы родной столицы.

(Перевод по книге «Кокинвакасю: Собрание старых и новых песен Японии»./ Пер. со старояпонск. и предисловие А.А. Долина. - М.: Радуга, 1995. - Т.2, с. 32).

山かくす 春の霞ぞ うらめしき
いづれ都の さかひなるらむ

Окончание стихотворения изменено и повествует о бегстве Ёсицунэ и его спутников, что служит переходом к сюжетной части пьесы. «Море», которое они переплывают – на самом деле озеро Бива.

Пока звучит песенный сказ, из-за спин зрителей на ханамити выходят самураи Исэ Сабуро, Катаока Хатири, Камэй Рокуро и Хитатибо Кайсон. Каждый облачен в одеяние монаха-ямабуси, на головах у них шапки токин³⁹, на плечах дорожные накидки судзукакэ⁴⁰, в руках мечи, церемониальные веера тюкэй⁴¹, чётки дзюдзу⁴². Следом появляется изысканно одетый⁴³ Мусасибо Бэнкэй, также с чётками в руках. С первой строкой песни гидаю он выходит на сцену и останавливается на ханамити. Звучит аккомпанемент коиаи⁴⁴.

Ёсицунэ. Да, Бэнкэй, ты был прав: на всех дорогах нынче заставы. Путь в Митиноку оказался труднее, чем мы думали. Куда ни ступи, всюду нас поджидают преграды. Но я не желаю погибнуть от руки чужака и уже готов сам свести счёты с жизнью. Ну а пока, Бэнкэй, по твоему совету, мы облачились в монашеские рясы. Теперь пусть каждый предложит, как быть дальше.

Хитатибо. Но послушайте, господин, а мечи за поясом нам на что? Когда же обагрить их кровью, если не сейчас? Выступаем немедля! Ради вас я готов на все!

Исэ. Да, а ну-ка, соберемся с силами, зарубим стражников на заставе и прорвёмся с боем!

Камэй. Самое время проявить отвагу!

Катаока. Эге-гей! Ух, мы сейчас эту новую заставу...

Вчетвером. ...разгромим!

Бэнкэй. А ну тихо! Погодите-ка минуточку⁴⁵. Говорю же, дело это нешуточное! Пусть даже мы силой сокрушим одну заставу, так ведь впереди будут новые. Пойдёт молва, о схватке станет известно... Нет, так просто в Митиноку нам не попасть. Всё может пойти не по-задуманному. Лучше бы вам, господин, шапку *токин* и накидку *судзукакэ* не надевать, а взвалить на спину поклажу и благородный облик свой скрыть под лохмотьями простого носильщика. Мой господин, хоть это и сулит вам тяготы, а всё же доверьтесь мне и сделайте так. Соломенную шляпу⁴⁶ надвиньте пониже, словно вы изнемогаете под непосильной ношей, и следуйте позади всех, чуть отстав – тогда никто вас не узнает.

Ёсицунэ. Звучит разумно, Бэнкэй. Что ж, положусь на тебя, последуем твоему совету. Друзья, все слушайте Бэнкэя!

Четверо самураев. Так точно!

Бэнкэй. Ну что же, в путь!

Четверо самураев. Рады стараться!

³⁹ *Токин* 兜巾 – чёрный лакированный головной убор монахов-ямабуси, пятиугольный с двенадцатью складками. Его форма символизирует драгоценную корону пяти мудростей будды Вайрочаны. Двенадцать складок же представляют собой двенадцать звеньев *нидан* 二段 в цепи причин и следствий, удерживающей человека в мире страданий согласно идеям буддизма. Чёрный цвет тоже напоминает о людских страданиях.

⁴⁰ *Судзукакэ* 篠懸 – элемент костюма *ямабуси*, последователей учения *сюгэндо*.

⁴¹ *Тюкэй* 中啓 – вид складного бумажного веера.

⁴² *Дзюдзу* 数珠 – монашеские чётки из ста восьми бусин, один из главных сценических аксессуаров театра Кабуки для персонажей-монахов.

⁴³ Костюм Бэнкэя для этой пьесы придумал Итикава Дандзю:ро: IX. Его украшают многочисленные элементы с буддийской символикой: санскритский алфавит на накидке, узор буддийских колёс Дхармы на шароварах-хакама и др.

⁴⁴ *Коиаи* – музыкальный аккомпанемент малых и больших барабанов, сопровождаемый возгласами музыкантов. Исполняется в перерывах между репликами актёров.

⁴⁵ Переводчики предполагают, что слово «минуточку» (яп. «сибараку» 暫く) – очевидная отсылка к одноимённой пьесе «Сибараку». Попутная реклама других постановок прямо по ходу спектакля – не редкость в Кабуки.

⁴⁶ Имеется в виду *каса* 笠 – плетёный из соломы головной убор с широкими полями, который зачастую надевали путешественники.

Гидаю. И вот, путники в дорожном платье подходят к заставе. (*Играют ударные инструменты наримоно⁴⁷, все выходят на основную сцену*).

Бэнкэй. С вашего позволения, мы, горные отшельники, пришли к вашей заставе.

Стражники вытягиваются по струнке.

Первый стражник. Вот те раз, опять монахи-ямабуси пожаловали!

Тогаси. Монахи, говоришь? Как же, как же, вижу. (*Поворачивается к Бэнкэю.*) Ну что, монахи, милости просим! У нас тут застава.

Бэнкэй. Я догадался. А мы вот – странствующие ямабуси, собираем по всем провинциям пожертвования на восстановление храма Тодайдзи, что в Нара⁴⁸. Нынче держим путь в северные земли по тракту Хокурукудо⁴⁹.

Тогаси. Весьма похвально. Нечасто встретишь в наше время такое благочестие. Боюсь только, что монахам-ямабуси на этой заставе прохода нет.

Бэнкэй. Вот те на. И отчего же?

Тогаси. Сейчас расскажу. Дело было так. Говорят, Ёритомо рассорился со своим братом Ёсицунэ, а тот обратился за помощью к Хидэхира, наместнику дальнего края Митиноку⁵⁰. И чтобы туда добраться, они со спутниками выдают себя за странствующих монахов. Тогда господин из Камакура, желая их задержать, приказал повсюду возвести новые заставы. Одну из них мы и стережём.

Первый стражник. И нам велено досматривать всех ямабуси.

Второй стражник. Мы следим, чтобы монахи...

Третий стражник. ...Да хоть бы и один...

Втроём. ...Не прошмыгнули мимо!

Бэнкэй. Я понял, а всё ж позвольте: получается, вам велено изловить фальшивых монахов? Настоящих-то это, небось, не касается?

Первый стражник. Ещё чего, давеча как раз троих казнили!

Второй стражник. У нас даже всамделишным ямабуси пощады не видать!

Третий стражник. Только суньтесь, мы ни одного...

Втроём. ...в живых не оставим!

Бэнкэй. И что ж, был ли Ёсицунэ среди казнённых?

Тогаси. Довольно пустых вопросов! Не пропустим...

Втроём. ...никого!

Стражники и Тогаси отходят в правую часть сцены⁵¹.

Тогаси садится на табурет кадзураокэ⁵².

Бэнкэй. Что за безобразие, это же ни в какие ворота! Ну, деваться некуда, теперь нам только и осталось, что в последний раз воззвать к небесам. Станем же молиться, ибо скоро ждёт нас смерть. Монахи, идите сюда!

⁴⁷ Наримоно 鳴物 – буквально «звучащие» музыкальные инструменты. К ним относятся ударные (маленькие и большие барабаны *цудзуми*, барабан *тайко*), а также *сямисэн*.

⁴⁸ То:дайдзи 東大寺 – буддийский храм в городе Нара на юго-востоке Японии, где находится самая крупная статуя Будды. Храм был сожжён в 1180 г. в сражении между кланами Тайра и Минамото и восстановлен в 1195 г.

⁴⁹ Хокурукудо: 北陸道 (буквально «Северный путь») – дорога, которая шла вдоль северо-западного побережья острова Хонсю: и соединяла провинции Вакаса, Кага, Ното, Этидзэн, Эттю:, Этиго и Садо.

⁵⁰ Князь Хидэхира из Митиноку – имеется в виду Фудзивара-но Хидэхира 藤原 秀衡 (ок. 1122-1187), правитель провинции Муцу. См. сноску 27.

⁵¹ То есть на почётное место.

⁵² Кадзураокэ 葛桶 – табурет, используемый на сцене в японском театре. Как правило, выполнен в виде чёрного лакированного короба с декоративными изображениями в технике *макиэ* 蒔絵 (посыпка непросохшего лака золотым и серебряным порошком). Буквальный перевод – «футляр для парика» – предположительно указывает на происхождение этого реквизита.

Четверо самураев. Так точно!

Бэнкэй. Ну, склоним же головы напоследок!

Гидаю. Ах, теперь наши монахи-притворщики и вправду следуют пути Эн-но Убасоку⁵³. Вот-вот им придёт конец, а ведь каждый из них в душе является буддой.⁵⁴ О, Фудо-мёо⁵⁵ тому свидетель, покарают виновных в их смерти боги святилищ Кумано⁵⁶, это уж наверняка. Возглашая мантру «А-бира-ун-кэн»⁵⁷, монахи со стуком перебирают чётки. *(Начинается музыкальный проигрыш, звучит сямисэн, большой барабан тайко и флейта. Бэнкэй встает в середине сцены, его спутники по двое обступают его справа и слева, все склоняют головы в молитве. Тогаси задумчиво смотрит на них.)*

Тогаси. Вот это мужество в наш век упадка! Но вы сказали, что собираете на храм То:дайзи? А раз так, то и бумага надлежащая должна иметься. Сделайте одолжение, прочтите её вслух.

Бэнкэй. Ах, так вам бумагу подавай?

Тогаси. Вы уж потрудитесь.

Бэнкэй сохраняет невозмутимый вид.

Бэнкэй. Ну что ж, извольте.

Гидаю. И притворившись, словно у него и вправду есть та самая бумага, он достаёт из дорожной корзины свиток, и готовится читать.

Бэнкэй достаёт свиток и разворачивает.

Бэнкэй. Ну, в добрый час... *(Тогаси встает и пытается заглянуть в свиток. Бэнкэй всякий раз отбегаёт, оставаясь лицом к Тогаси и не давая тому подсмотреть.)* Всеблагой наш учитель⁵⁸ сокрылся за облаками нирваны, словно осенняя луна в небесах. Немудрено, что теперь не сыскать пробуждения от вечного сна, где все существа умирают и рождаются в бесконечном круговороте. Давным-давно жил на свете государь Сёму⁵⁹. Смерть разлучила его с любимой женой, и плакал он так горько, что не успевали высохнуть на щеках жемчужные нити слёз. И повелел он тогда для спасения своей души⁶⁰ построить храм, а в нём воздвигнуть статую Будды Вайрочаны⁶¹. Однако много лет спустя, на исходе годов Дзюэй⁶², погиб тот храм в огне. Не в силах смириться с потерей, монах Сюдзёбо Тёгэн⁶³ пролил слезы над бренностью всего сущего и, повинувшись высочайшему приказу, послал гонцов по всем провинциям, чтоб

⁵³ Эн-но Убасоку 役の優婆塞 – он же Эн-но Гёдзя, полупоупенный святой аскет, основатель учения *сюэндо*. См. сноску 26.

⁵⁴ Согласно буддийской доктрине, во всех живых существах сокрыта природа будды.

⁵⁵ Фудо-мёо: 不動明王 – грозное божество буддийского пантеона, отгоняющее демонов. Основное почитаемое существо в учении *сюэндо*.

⁵⁶ То есть главные божества, которым поклоняются в трёх святилищах Кумано 熊野三山 (святилища Хонгу 本宮, Сингу 新宮 и Нати 那智). Это божества Кэцумико-но ками 家都御子神 (воплощение Сусаноо), Хаятама-но ооками 速玉大神 (воплощение Идзанаги) и Фусуми-но ками 夫須美神 (воплощение Идзанами) соответственно.

⁵⁷ Абира-ункэн 阿毘羅吽欠 – мантра буддийской школы Сингон, обращённая к Будде Вайрочана. В храме То:дайзи, на который герои якобы собирают пожертвования, находилась статуя именно этого будды.

⁵⁸ То есть Будда Шакьямуни.

⁵⁹ Сё:му 聖武 (701 – 756) – японский император, который покровительствовал буддизму.

⁶⁰ Согласно второй благородной истине буддизма, причиной страданий живых существ являются их желания и привязанности. Таким образом, привязанность государя Сё:му к жене и горе от её смерти становится для него препятствием на пути к нирване, то есть к избавлению от страданий. Для исправления ситуации он принимается за благое дело – строительство храма.

⁶¹ Речь о храме То:дайзи в Нара и о статуе Большого Будды в его главном павильоне.

⁶² Дзюэй 寿永 – девиз правления в 1181–1183 гг. В эти годы продолжалась война между кланами Тайра и Минамото, храм сгорел во время военных действий.

⁶³ Тё:гэн (重源, 1121–1206) – буддийский монах, посвятивший жизнь восстановлению храма То:дайзи после пожара.

каждый, будь то богач или бедняк, монах или мирянин, мог пожертвовать на восстановление святыни⁶⁴. И всякий, кто даст хоть грош, хоть пол-сэна, да удостоится несказанного блаженства на этом свете, а после да возродится в Чистой земле⁶⁵, где будет восседать на тысяче лотосов⁶⁶. Писано с молитвой и благоговением перед Буддой, да будет так.

Ги даю. И небеса содрогнулись от его громового гласа.

То гаси. Что ж, я всё выслушал, и больше в вас не сомневаюсь. А всё-таки, вот что интересно. Много есть на свете последователей Будды, и среди них – отшельники ямабуси. Но облик их всегда грозный и воинственный, не вяжется это с вашим миролюбивым учением. Как ты это объяснишь?

Бэнкэй. Ну, это проще простого. По заветам нашего учения есть два царства: мир алмаза и мир чрева⁶⁷. А подвижничество наше в том, чтобы бродить в неприступных горах да истреблять лютых зверей и ядовитых змей, что несут зло в этот мир. Вот так являем мы любовь к ближнему своему. А по дороге, преодолевая лишения, копим мы духовную силу, чтобы даже злых духов суметь наставить на путь истинный. Но и в лучах солнца, и при свете луны, неустанно молимся мы о том, чтобы царило благополучие в Поднебесной. Так что души наши полны милосердия, а грозный облик устрашает демонов. Ведь таковы две грани буддийского учения. А сто восемь бусин в наших чётках – это ступени на пути к Будде⁶⁸.

То гаси. А вот ещё вопрос: облачаться в рясу монаху, конечно, пристало, но что это за странные шапки на вас?

Бэнкэй. Для нас шапка токин и ряса судзукакэ – то же, что для воина шлем и доспехи. Ведь за поясом у монаха острый меч Будды Амиды, а в руках посох – алмазный жезл Будды Шакьямуни⁶⁹, опора в дальних странствиях и на опасных горных перевалах.

То гаси. Но ведь монах, взяв посох, тем даёт себе поблажку в тяготах пути. А тем более отшельник вроде вас с алмазным посохом!

Бэнкэй. Какой вздор! Алмазные жезлы носят все, кто следует учению святого отшельника Алары Каламы⁷⁰ с индийской горы Дандака⁷¹. В ту пору, когда Шакьямуни ещё только стал

⁶⁴ Отсылка к «Хэйкэ моногатари» (平家物語, «Повесть о доме Тайра»), фраза почти дословно встречается в главе «Сбор подаяний», который также можно перевести как «Подписной лист о благотворительности Монгаку», что перекликается с названием пьесы.

⁶⁵ Чистые земли (яп. Дзё:до 淨土) – счастливые страны, где обретается тот или иной будда, и где его последователи могут возродиться в качестве последней ступени к освобождению. Здесь имеется в виду Страна высшей радости Сукхавати (яп. Гокураку 極樂) – название рая будды Амиды в амидаизме. Это течение буддизма становится особенно популярным в Японии в конце XII в., с приходом к власти военных домов. Именно тогда и разворачивается действие пьесы.

⁶⁶ Тысяча лотосов 数千蓮華 – типичный элемент описания Чистой земли. Лотос в буддизме считается символом чистоты и просветления, поскольку его цветы вырастают из грязи на речном дне. Также это атрибут будды Амиды, хозяина Чистой земли Сукхавати.

⁶⁷ Воплощение двух ипостасей будды Вайрочана в эзотерическом буддизме. Чрево – это мягкая сострадательная сторона этого будды, а алмазный жезл (или ваджра, яп. конго:дзуэ 金剛杖) – его совершенная мудрость и несокрушимая сила. Также очевиден символизм мужского и женского начал. Существует две мандалы, отражающие этот дуализм – «мандала мира алмаза» (Конго:кай мандара 金剛界曼荼羅) и «мандала мира чрева» (Тайдзо:кай мандара 胎藏界曼荼羅), о них Бэнкэй говорит далее.

⁶⁸ Сто восемь – сакральное число в буддизме. Помимо ста восьми бусин в чётках существуют сто восемь страстей, сто восемь томов высказываний Будды и т.д. Интерес к этому числу возникает ещё в индуизме, и предположительно вызван тем, что сто восемь – это гиперфакториал от трёх, то есть его можно записать в виде произведения единицы, двух двоек и трёх троек, а если выписать эти множители в три строки, то получается правильный треугольник.

⁶⁹ Символ несокрушимой силы. См. сноску 67.

⁷⁰ Алара Калама (яп. Арапа 阿羅邏) – святой отшельник, первый учитель Будды Гаутамы.

⁷¹ Дандака (яп. Дандоку 檀特) – название леса в Индии, где жило много монахов. В голодное время Будда Гаутама сумел накормить их всех силой своей святости, однако, те ответили неблагодарностью, так что лес был проклят Буддой. В этих же местах разворачиваются некоторые события «Рамаяны».

монахом, и не был наречён именем Будда Гаутама, Алара Калама стал его наставником, и почувствовав в ученике сильную веру, прозвал его так: сияющий просветлённый монах.

Тогаси. Рассказывай же дальше!

Бэнкэй. От святого Алары Каламы принял алмазный жезл Эн-но Гёдзя, основатель нашего благого учения. Так что посохи эти обладают волшебной силой, и сопровождают нас всюду, куда б мы ни пошли. А передаём мы их от учителя к ученику.

Тогаси. А всё-таки, вы следуете учению Будды, но опоясаны мечами. Ведь оружие это несёт смерть живым существам – или оно у вас только для устрашения? Поведай, зачем вам мечи?

Бэнкэй. Ах, это всё равно, что игрушечные лук и стрелы, вам бояться нечего. С гадами и тварями, которые претят закону Будды, разговор короткий: махнёшь разок мечом и всё тут. Люди, конечно, другое дело, а всё же, того злодея, что пойдет против мира и заповедей Будды, я готов прикончить. Ведь смерть одного может спасти жизни многим.

Тогаси. Допустим, земных существ, видимых глазу, вы сразите мечом. А ну как бесплотный дух или демон встанут на пути, как их одолеть?

Бэнкэй. А таких можно побороть девятисложной мантрой⁷². Куда уж проще!

Тогаси. Ну а почему вы так одеты?

Бэнкэй. Если в двух словах, то наряд наш – по образу великого Фудо-мёо⁷³.

Тогаси. А шапка токин на голове?

Бэнкэй. Это венец пяти мудростей Будды⁷⁴, а в складках её – двенадцать звеньев следствий и причин⁷⁵.

Тогаси. А ряса на плечах?

Бэнкэй. На наших бурых рясах – мандала девяти царств⁷⁶.

Тогаси. А что штаны?

Бэнкэй. Узор на штанах являет собой колесо кармы.

Тогаси. А восемь узлов на сандалиях?

Бэнкэй. Это значит, что мы ступаем по лотосам о восьми лепестках⁷⁷.

Тогаси. Ну а как правильно дышать?

Бэнкэй. Вот так. Выдыхаешь «а», вдыхаешь «н»⁷⁸.

Тогаси. Заодно уж спрошу, в чём смысл каждого знака девятисложной мантры? Ну-ка отвечай!

⁷² Девятисложная мантра 九字真言 – заклинание первоначально даосского происхождения, используемое монахами-*ямабуси*, а в дальнейшем – ниндзя. Состоит из девяти слогов, соответствующих им жестов-мудр и техник контроля сознания. Подробнее о мантре см. дальнейшие пояснения Бэнкэя по тексту пьесы и сноску 79.

⁷³ См. сноску 55.

⁷⁴ Пять мудростей Будды (яп. *goti* 五智) – пять типов мудрости, возникающие в сознании того, кто сумел достичь просветления. Это мудрость мира Дхармы 法界智, мудрость великого круглого зеркала 大円鏡智, мудрость природы равенства-равновесия 平等性智, мудрость чудесного видения-постижения 妙觀察 и мудрость достижения и действия-претерпевания 成所作智.

⁷⁵ См. сноску 39.

⁷⁶ Мандала – изображение вселенной в буддизме, а также индуизме. Будды, бодхисаттвы и др. здесь занимают место сообразно своей роли в деле спасения живых существ (подобно тому, как монахи рассаживаются «по чинам» во время обряда). Считается, что на мандалах мир представлен таким, как его видит будда. Мандала девяти царств (яп. *куэ-мандара* 九会曼荼羅) – представляет собой разновидность мандалы мира Алмаза.

⁷⁷ См. сноску 66.

⁷⁸ «А» и «н» 阿吽 – японское прочтение мантры «ом», заимствованной в буддизм из индуизма. Она состоит из первого и последнего знаков санскритского алфавита и в эзотерическом буддизме означает начало и конец, как альфа и омега в европейской культуре. В парных статуях Фудо-мёо: и стражей-львов комаину при входе в храм один из персонажей изображался с открытым ртом, а второй с закрытым, будто они произносят соответствующие звуки. Санскритскими символами украшена накидка Бэнкэя, отчасти поэтому они и появляются в разговоре.

Бэнкэй. Смысл девятисложной мантры хранится в секрете, и растолковать его непросто, но, чтобы убедить тебя, я попытаюсь. Звучит она так: «Рин – пё – то – ся – кай – дзин – рэцу – дзай – дзэн! Явитесь, духи-хранители!»⁷⁹. Когда произносишь эти слова, следует встать прямо и тридцать шесть раз сомкнуть зубы⁸⁰. Затем большим пальцем правой руки начертить в воздухе четыре горизонтальные линии и пять вертикальных. И тут же сказать: «Кюкю Нёрицурё⁸¹! Изыди злой дух!». И вот тогда-то любой демон, чёрт, неверный, призрак или мстящий дух испарится, словно иней в кипятке. Эта мантра разит непросветлённых будто острый меч Мо Е⁸². Стоит воину сотворить такое заклинание, и он непременно победит всех врагов. Что ж, вот я и растолковал тебе суть нашего учения сюэгэндо, но, если хочешь знать больше, объясню ещё. Поистине, безмерны достоинства нашего пути! Куда уж непосвящённым понять! Так что храни это знание в тайне и не рассказывай о нём никому. Побойся Будды! Склоним же головы перед великими небесными и земными божествами, буддами и бодхисаттвами. Больше мне добавить нечего.

Гидая. Тогаси впечатлён его ответом.

Тогаси. Как мог я хоть на секунду усомниться в твоём благородстве! Теперь я и сам желаю внести свою лепту. Эй вы, несите пожертвование!

Стража. Так точно!

Стража уходит со сцены.

Гидая. И вот стражи выносят белый узорчатый шёлк, коим славится провинция Кага⁸³. *(Стражники возвращаются и выносят ткани, круглое зеркало, завёрнутое в шёлк, и мешок с золотом. Всё это они показывают Тогаси и раскладывают на сцене.)*

Тогаси. Прошу, примите эти скромные дары на восстановление храма Тодайдзи. Надеюсь, и я теперь удостоюсь благословения Будды.

Бэнкэй. О, щедрый господин, за это ты обретёшь блаженство и на том, и на этом свете. Премного благодарны! Вот так и копятся благие дела! Мы с моими спутниками продолжим свой путь по ближайшим провинциям, чтобы собрать больше пожертвований. Зеркало и часть золота мы возьмём с собой, а к середине апреля вернемся, и до тех пор просим вас присмотреть за остальным. Однако, друзья, пора в путь!

Четверо самураев. Слушаемся!

Бэнкэй. Скорее, нам пора!

Четверо самураев. Идём!

Гидая. Ах, какое облегчение, наконец-то наши монахи-ямабуси могут идти дальше!

Собираясь уходить, Бэнкэй со спутниками ступают на ханамити.

Ёсицунэ идёт последним, как вдруг первый стражник, указывая на него, что-то шепчет на ухо Тогаси. Тогаси подаётся вперёд и выхватывает меч.

Тогаси. А ну-ка, носильщик. Стой!

⁷⁹ Дословно мантра переводится так: «Пусть предводители войска выстроятся передо мной». Впервые эта формула появляется в даосском трактате Баопу-цзы 抱朴子 (IV в.) и обращена к божествам-охранителям Лю-цзя 六甲. В Японии же мантра впервые фиксируется в XII в., в сочинении монаха Какубана 覺鑊 «Горин кудзи хиссяку» 五輪九字秘釈 («Тайное толкование пяти элементов и девяти слогов»). В нашем переводе пьесы магическая формула передана двояко: фонетически и по её магическому смыслу («явитесь, духи-хранители!»).

⁸⁰ В медицинском трактате философа Кайбара Экиэн (貝原益軒, 1630–1714) есть раздел по уходу за зубами, там он тоже советует применять эту практику.

⁸¹ Это заклинание, изгоняющее демонов, практиковалось даосами и последователями оккультного учения оммё:до: (陰陽道). Происходит от китайской бюрократической формулы, которая ставилась в конце документа: «Исполнить срочно и в соответствии с законом».

⁸² Меч Мо Е и меч Гань Цзян (яп. Бакуя 莫邪 и Кансё 干將) – парные мечи в китайской фольклорной традиции. Отождествляются соответственно с женским и мужским началом, инь и ян.

⁸³ Провинция Кага славилась росписью по шёлку в стиле кага-юдзэн 加賀友禅.

Все в замешательстве.

Бэнкэй. Ну, что там ещё?

Гидаю. Ах, какой кошмар! Этот страж что-то заподозрил, жизнь героев висит на волоске! Все тут же обступают Ёсицунэ.

*Бэнкэй стремительно возвращается на сцену
и обращается к Ёсицунэ.*

Бэнкэй. Эй, носильщик, чего встал?

Тогаси. Я так велел.

Бэнкэй. А в чём дело?

Тогаси. Уж очень этот носильщик похож кое на кого, вот я его и задержал.

Бэнкэй. Что ж тут такого? Люди все разные, бывает и так, что один на другого похож. Чему здесь удивляться? Кого, говоришь, он тебе напомнил?

Тогаси. Мне сказали, будто лицом он – вылитый Ёсицунэ, так что прошу его остаться для дальнейших разбирательств.

Бэнкэй. Что?! Этот что ль похож на Ёсицунэ? Ну, курам на смех! Мало того, что тащится, как черепаха, без него мы бы уже к вечеру до провинции Ното⁸⁴ добрались, так теперь ещё и это! Аж за господина Ёсицунэ его приняли, тьфу! А всё ты виноват, растяпа! Что это такое? А? Бестолочь, глаза б мои тебя не видели!

Гидаю. В притворном иступлении Бэнкэй заносит посох и с силой бьёт Ёсицунэ.

Бэнкэй ударяет Ёсицунэ посохом.

Бэнкэй. Пошевеливайся!

Гидаю. Бранит его Бэнкэй.

Тогаси. Но я ведь сказал, пропускать его...

Стража. ...нельзя!

Бэнкэй. Ах вы, разбойники! Небось на нашу поклажу глаз положили! (*Стражники надвигаются на него*). Ух я вас!

*Все замирают. Тогаси и караульные вскакивают с мест
и встают напротив самураев.*

Гидаю. Вот-вот они сойдутся в поединке.

*Бэнкэй поднимает монашеский посох, кланяется в обе стороны,
и замирает в позе китто-миэ⁸⁵.*

Бэнкэй. Ну раз вы сомневаетесь, то он ваш. Но вы уж тогда постарайтесь как следует разузнать, кто же это такой на самом деле. Или мне самому его зарубить?

Тогаси. Вот это да, какой грозный монах! Ишь разошёлся!

Бэнкэй. А что ж поделать, ты его сам заподозрил!

Тогаси. Да мне самому вон стражник сказал.

Бэнкэй. Так что, может мне его на месте прикончить? И сомнениям конец!

Тогаси. К чему спешить. Ясно, что стражник мой обознался, приняв его за другого. Уж я этого балбеса накажу! Теперь вам я верю, проходите.

Бэнкэй. Слышал, что господин сказал? Убивать я тебя не стану. Ты просто чудом уцелел. На сей раз прощаю, но впредь – смотри у меня.

Тогаси. Ну и я буду со своими построже. Равняйся!

Стражники. Есть!

⁸⁴ Ното соответствует северной части современной префектуры Исикава.

⁸⁵ *Миэ* 見栄 – фиксированная поза в театре Кабуки, сопровождаемая сценическим действием *нирами* 睨み – сведением глаз к переносице.

Гидаю. И вот смотритель заставы в сопровождении стражников удаляется за ворота. *(Тогаси быстрым шагом уходит со сцены, стражники следуют за ним. Звучит аккомпанемент кодама⁸⁶, Бэнкэй подаёт руку Ёсицунэ и усаживает его на почётное место в правой части сцены.)*

Ёсицунэ. Ну что, Бэнкэй? Не каждому дано так ловко выйти из положения. Ты ударил меня, словно простого слугу, и этим спас мне жизнь – небеса к нам сегодня благоволят! Всё по милости великодушного Хатимана⁸⁷. Я благодарен тебе от всего сердца!

Хитатибо. Как только окликнул нас смотритель заставы, тут-то я и понял, что настал твой звёздный час, Бэнкэй!

Исэ. Поистине, это нас уберёт светлый Хатиман, покровитель рода Минамото. Наконец-то можно отправляться в Митиноку!

Катаока. И правда, если б не выдумка нашего Бэнкэя, туго бы нам пришлось.

Камэи. Самим нам так ни за что не суметь!

Хитатибо. Мы все...

Вчетвером. ...в восхищении!

Бэнкэй. Пускай живём мы в последние времена⁸⁸, и говорят, что впереди одни невзгоды, а всё же луна и солнце пока не упали на землю. Повезло, чёрт возьми! Хвала небесам! Но ведь я посмел вас ударить, господин мой, хоть и без злого умысла. Теперь я дрожу от мысли о божественной каре, которая меня, без сомненья, постигнет. Да, пусть я силач и могу поднять целую тысячу кан⁸⁹, но когда рука моя занесла над вами посох, силы будто оставили меня. О, как вспомню – кровь стынет в жилах!

Гидаю. И тут Бэнкэй, что ни разу в жизни не плакал, впервые залился слезами. Но господин Ёсицунэ берёт его за руку. *(Все погружаются горестное молчание.)*

Ёсицунэ. Я, Ёсицунэ, родился в семье воинов, искусных в стрельбе из лука. Всю жизнь свою посвятил я старшему брату Ёритомо, всем сердцем стоял за него, и немало могучих врагов оставил лежать на дне Западного моря⁹⁰.

Бэнкэй. Таков наш удел – ах, сколько дней и ночей приютом нам были то горы, то равнины, то берег морской⁹¹...

Гидаю. Доспех им служил изголовьем, и не знали они ни минуты покоя. Вот корабли их, отдавшись воле ветров, качаются на волнах, а затем путь лежит сквозь снега, неприступные горы, где от вьюги не различить и копыт своего коня, лишь доносится шум волн из Сума и Акаси⁹². Три года длились их скитания, и там, где некогда выпадала роса, превращаясь

⁸⁶ *Кодама* 木霊 – аккомпанемент на барабанах. Буквально означает «дух дерева», затем обретает переносное значение «эхо». Размеренные удары барабанов передают гул ветра, разносящийся по долинам или над рекой.

⁸⁷ *Хатиман* 八幡 – синтоистское божество войны, культ которого был особенно распространён среди воинов.

⁸⁸ Бэнкэй говорит о буддийском понятии *маппо*: 末法, буквально “конец закона [Будды]”. Идея о «конце закона» связана с верой в то, что после ухода Будды Шакьямуни в нирвану его учение постепенно начинает искажаться, и оттого мир приходит в упадок. Будда в сутрах предсказывает три стадии этого процесса: «правильный закон», «подобие закона» и «конец закона». В Японии считалось, что эра *маппо*: наступила в 1052 году, более чем за сто лет до описываемых событий.

⁸⁹ Кан или каммэ 貫 – японская мера веса, 1 кан соответствует примерно 3,75 кг.

⁹⁰ Речь идёт о морском сражении в заливе Данноура (壇ノ浦の戦い, 1185 г.), в которой Ёсицунэ выступил полководцем. Эта битва стала решающей в противостоянии кланов Тайра и Минамото; основные силы Тайра были уничтожены.

⁹¹ Далее воспевается битва между Ёсицунэ и воинами клана Тайра.

⁹² Это указанием на другое столкновение между Минамото и Тайра – битва Ити-но Тани (一ノ谷の戦い, 20 марта 1184 г.). Акаси и Сума – это бухты во Внутреннем Японском море, на юго-западе острова Хонсю. В этой местности и произошло сражение. Кроме того, топонимы отсылают читателя к японскому роману «Повесть о Гэндзи», главный герой которого три года провёл в изгнании в этих местах.

в серебряный иней, уж всё поросло сорной травой⁹³. (*Бэнкэй сопровождает рассказ гидуаю пантомимой.*)

Вчетвером. Увы! Нам снова пора идти.

Гидуаю. И вот, ободряя друг друга, они пускаются в путь.

Все во главе с Бэнкэем встают и собираются идти.

Но тут на сцену выходят стражники: первый держит в руках большую чашу для вина на столике санбо⁹⁴, второй и третий несут по тыкве-горлянке с выпивкой⁹⁵, последним появляется Тогаси.

Тогаси. Постойте, монахи, не уходите! Погодите-ка минутку. (*Монахи и стражники меняются местами, поворачиваются друг к другу и кланяются*). Признаюсь, мы обошлись с вами непочтительно, и даже несколько грубо. Это не делает нам чести. Мы хотим принести извинения и угостить вас. Выпейте же с нами! (*Тогаси берёт со столика чашу, стражники наливают. Тогаси подаёт её Бэнкэю.*)

Бэнкэй. Ну, благодетель, ваше здоровье!

Гидуаю. А ведь правда, пропустишь с кем-нибудь по чашечке, и с тех пор уж вы связаны навсегда.

Бэнкэй принимает чашу, кланяется.

Гидуаю. Это было давным-давно,
А сердце и ныне в смущеньи!
Всего раз повстречался он с ней⁹⁶...
Но оставив мирскую жизнь, вернуться уже не в силах,
Ведь страшна людская молва.
Ах, неисповедимы пути любви!⁹⁷

Бэнкэй выпивает со стражниками.

*Затем он берёт поднос, оба стражника выливают туда всё оставшееся вино,
Бэнкэй пьёт залпом и хмелеет.*

⁹³ Этот поэтический образ означает, что слёзы, пролитые героями, со временем высохли.

⁹⁴ Санбо 三宝 – нечто среднее между маленьким столиком и подносом. При традиционной японской трапезе общего стола не было, гости сидели на полу и перед каждым кушанья ставились отдельно, на невысокой деревянной поставке.

⁹⁵ Тыква-горлянка – это бутылъ или фляга природного происхождения, визуально напоминает тыкву-баттернат: засушенный плод обычно использовали для хранения жидкостей. За счёт природного сужения между корпусом и горлышком такой сосуд было удобно повесить на пояс.

⁹⁶ Отсылка к пьесам Кабуки «Госё Дзакура Хорикава но Ё:ти» («Ночная схватка под вишнями дворца Хорикава», 所桜堀川夜討) или кукольного театра Бунраку «Бэнкэй дзё:си» («Посланец Бэнкэй», 弁慶上使). Там рассказывается о мимолётной любовной связи Бэнкэй и девушки по имени Осава. Он вынужден бежать со свидания, так и не увидев её лица, но оставляет ей половину алого кимоно, а вторую забирает с собой в надежде повстречаться вновь. Осава даёт жизнь дочери Бэнкэй по имени Синобу, но тот об этом не знает. Спустя восемнадцать лет он оказывается при дворе, где ему велено уберечь Ёсицунэ от брака с принцессой. Заговорщики решают, что Бэнкэй должен инсценировать смерть принцессы, убив вместо неё служанку. Этой служанкой и оказывается его дочь Синобу. В критический момент появляется мать Синобу – Осава, она узнаёт Бэнкэя по алому рукаву и видит у него в руках меч, обагрённый кровью дочери. Осава пытается рассказать умирающей, что Бэнкэй – её отец, но не успевает – той уже нет в живых. Считается, что именно тогда Бэнкэй впервые в жизни проливает слёзы.

⁹⁷ Эта песня *гидуаю*: объясняет отношение Тогаси к происходящему; он с самого начала догадался, кто перед ним, но проникся к героям сочувствием, и поэтому позволил им перейти заставу. Встреча с женщиной, упоминаемая в тексте, символизирует, что сердца людей остаются связаны между собой даже после однократной встречи, то есть связь, образовавшуюся между Тогаси и Бэнкэем после того, как Тогаси помог героям спастись.

Гидаю . О, что за прекрасный пейзаж!
По извилистому ручью пустим чашу⁹⁸,
и несёт её быстрый поток.
Уж вымокли в струящейся воде
Рукава одежд белотканых⁹⁹.
Вот и всё, давайте плясать!

Под музыку малых и больших барабанов все кланяются, вступает сямисэн.

Бэнкэй танцует отокомаи¹⁰⁰ и тоже кланяется.

Бэнкэй . Ну, добрый господин, за угощение – спасибо!
Тогаси . А теперь ты, добрый господин, потанцуй нам еще!
Бэнкэй . Долгих лет вам жизни, бандзай¹⁰¹!
Тысячу лет живет на скале черепаха.
Ариё-дон-до! И вам того желаю¹⁰²!

Начинается танец долголетия эннэн-но маи¹⁰³.

Гидаю . Давным-давно, еще юным послушником¹⁰⁴ на горе Хиэй, прослыл он прекрасным танцором эннэн-но маи.

Бэнкэй переходит ко второй части танца.

Бэнкэй . В горной глуши грохочет бурный поток, разбиваясь о скалы...

Гидаю . В горной глуши грохочет бурный поток, разбиваясь о скалы... То бушует водопад.
Ревёт горный водопад.

Бэнкэй переходит к заключительной части танца.

Гидаю . Ревёт горный водопад! Пока в золотых лучах он шумит непрерывно¹⁰⁵, поднимайтесь скорей, распрощайтесь с недремлющей стражей, что носит за спиной колчан и стрелы. Пора в путь – поклажу на плечи!..

⁹⁸ Поэтические турниры *утаавасэ* 歌合わせ. Состязания происходили следующим образом: участники делились на две команды, каждый опускал чашечку с сакэ в ручей, и пока она плыла по воде, участник должен был успеть сложить стихотворение на определённую тему. Та команда, чьё стихотворение по мнению жюри было сложено удачнее, зарабатывало очко.

⁹⁹ Следуя канонам японской литературы, переводчики воспользовались возможностью несколько переиначить стихотворение из поэтической антологии Манъё:сю: №957: Песня генерал-губернатора Дадзайфу царедворца Отомо [Табито].

Итак, друзья,

В заливе Касии

Морские водоросли соберем наутро,

Пусть даже вымокнет в струящейся воде

Рукав одежды нашей белотканый! [Манъёсю. Собрание мириад листьев, т. 1-3, перевод с японского, вступительная статья и комментарии А. Е. Глускиной. М., “Наука”, 1971-1972.]

¹⁰⁰ *Отокомаи* 男舞 – «мужская пляска» из театра Но, обычно исполняется воинами и историческими персонажами под музыку малых и больших барабанов.

¹⁰¹ Бандзай 万歳 – благопожелание «долгих лет жизни», дословно, десять тысяч лет.

¹⁰² Песня из пьесы театра Но «Окина».

¹⁰³ *Эннэн-но маи* 延年の舞 – придворный «танец долголетия», появившийся из богослужений в буддийских храмах, представлявший собой молитвословие о долголети и процветании всех гостей и предшествовавший их угощению.

¹⁰⁴ Здесь игра слов в японском языке: слово わか может означать как «молодость», так и являться отсылкой к одному из юношеских прозвищ Бэнкэя – *онивака* (鬼若).

¹⁰⁵ Песня из пьесы театра Но «Окина».

*Проигрыш катсягири¹⁰⁶ с малыми и большими барабанами.
Бэнкэй в танце подаёт спутникам знак идти. Ёсицунэ уходит по ханамити,
остальные следом за ним. Бэнкэй надевает на плечи дорожную корзину,
берёт посох паломника и кланяется Тогаси.*

Словно тигру на хвост наступив, заглянув в змеиную пасть, они чудом сумели спастись и теперь направляются в Муцу. (*Поклонившись, Бэнкэй встаёт на ханамити, Тогаси и стражники смотрят ему вслед. Бэнкэй стучит посохом об пол, барабаны начинают отбивать ритм кигасира¹⁰⁷ без элемента кидзами¹⁰⁸ – дробь большого барабана.*)

Опускается занавес

Звучит утикоми¹⁰⁹, затем какэри¹¹⁰, Бэнкэй кланяется, исполняет технику летящего шага *роппо*¹¹¹. Финальная дробь *хёсиги*, музыкальный проигрыш *атосягири*¹¹².

¹⁰⁶ Музыкальное сопровождение флейты и барабанов, возвещающее окончание акта.

¹⁰⁷ Кигасира 鬼頭 – музыкальная техника, которая начинает исполняться вместе с ударом Бэнкэя посохом, начинает звучать стук колотушки *хё:сиги* 拍子木, возвещающая о скором окончании спектакля.

¹⁰⁸ Кидзами 刻み – барабанные аккорды большого барабана в пьесах Но.

¹⁰⁹ Утикоми 打ち込み – музыкальная техника, исполняемая на большом барабане *тайко* и большом барабане *ооцудзуми*.

¹¹⁰ Музыкальная техника, исполняемая на флейте, большом барабане *ооцудзуми* и малом барабане *коцудзуми*. Музыка символизирует страдания воина.

¹¹¹ Техника *роппо*: 六方 (досл. «шесть сторон») – актёрская техника в театре Кабуки, согласно которой актёр движется по сцене, делая выпады руками и ногами. В соответствии с названием, он делает выпады руками и ногами в шесть разных сторон: север, юг, запад, восток, небо и землю.

¹¹² В театре Кабуки финальную мелодию исполняют на флейте и барабанах.

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-44-59

Японские минимаркеты *комбини*: уникальность, универсальность, региональные особенности

И.С. Тихоцкая, М.А. Петропавловская, С. Като

Аннотация. На базе анализа статистических и информационных источников, научных публикаций и собственного опыта авторы анализируют особенности стоящих в ряду удивительных японских изобретений, творений, практик минимаркеты – *комбини*, ставшие неотъемлемой частью образа жизни японцев и одной из своего рода визитных карточек страны. В научной литературе до сих пор не было комплексных работ, раскрывающих данный феномен, и практически совсем обойдены вниманием региональные их особенности, особенно география магазинов разных сетей. Цель данной статьи – осветить основной научный дискурс, охарактеризовать уникальность и универсальность – то, что, собственно, и составляет феномен *комбини*, а также выявить их региональные особенности. В исследовании наглядно показано, что пришедшие в 1973 г. в Японию из США, эти магазины полностью преобразились и постоянно развиваются, изменив концепцию магазина и представ уникальным явлением для всего мира. Описаны особенности ведущих сетей этих магазинов в их стремлении завоевать еще большую популярность у потребителей и появившиеся в последние годы нововведения, в том числе под влиянием пандемии Covid-19. Раскрывая феномен *комбини*, авторы, с одной стороны, отмечают их превращение в важную социальную инфраструктуру, отвечающую потребностям современного общества и особенно необходимую в условиях быстро прогрессирующего старения населения, а с другой стороны, – и их определенное негативное воздействие, в особенности на молодое поколение. Особую новизну представляет анализ региональных особенностей этих магазинов и иллюстрирующий их авторский картографический материал. Выявлено, что внутри префектур размещение *комбини* коррелирует с числом жителей (количество магазинов пропорционально населению муниципалитетов), и каждая из действующих на территории Японии 20 сетей *комбини* занимает свой определенный ареал размещения. Авторы заключают, что *комбини* отвечают интересам развития регионов страны в целом, и их роль в японском обществе трудно переоценить, а японский опыт может с успехом быть использован и в других странах, в том числе представлять интерес и для российских сетевых магазинов, все чаще позиционирующих себя в качестве магазинов шаговой доступности.

Ключевые слова: Япония, минимаркеты *комбини*, общественная инфраструктура, образ жизни японцев.

Авторы: Тихоцкая Ирина Сергеевна, доцент Кафедры социально-экономической географии зарубежных стран Географического факультета МГУ им М.В. Ломоносова. ORCID: 0000-0001-9248-4222; E-mail: iritiro@gmail.com

Петропавловская Мария Александровна, ПАО АФК «Система». ORCID: 0000-0001-9248-4222; E-mail: post2marya@mail.ru

Като Сидзуко, Университет Мэйдзи (Япония), Школа бизнеса. ORCID: 0009-0006-3802-2063; E-mail: katos@meiji.ac.jp

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Тихоцкая И.С., Петропавловская М.А., Като С. Японские минимаркеты *комбини*: уникальность, универсальность, региональные особенности // Японские исследования. 2024. № 1. С. 44–59. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-44-59

Japanese *konbini* minimarkets: Unique and universal character, regional characteristics

I.S. Tikhotskaya, M.A. Petropavlovskaya, Kato, S.

Abstract. Based on the analysis of statistical and information sources, scientific publications, and the authors' personal experience, the article analyzes the peculiarities of Japanese minimarkets that rank among amazing Japanese inventions, creations, and practices and have become an integral part of the Japanese way of life and a trademark of the country. In the academic literature, there have been no comprehensive works revealing this phenomenon so far, and their regional peculiarities, especially the geography of stores operated by different chains, are almost completely neglected. The purpose of this article is to highlight the key scientific discourse, to characterize the unique character and universality, which, in fact, constitutes the phenomenon of *konbini*, as well as to identify their regional features. The study clearly shows that these stores, which came to Japan from the United States in 1973, have been completely transformed and are constantly evolving, changing the store concept and presenting a globally unique phenomenon. It describes the characteristics of the leading chains of these stores in their endeavor to gain even greater popularity among consumers and the innovations that have emerged in recent years, including those caused by the Covid-19 pandemic. In revealing the phenomenon of *konbini*, the authors, on the one hand, note their transformation into an important element of social infrastructure, that meets the needs of modern society and is especially necessary in the context of rapidly progressing aging of the population, and, on the other hand, their certain negative impact, especially on the younger generation. The paper features an analysis of the regional characteristics of these stores and the copyrighted cartographic material illustrating them. It is revealed that, within prefectures, the location of *konbini* correlates with the number of inhabitants (the number of stores is proportional to the population of municipalities), and each of the 20 *konbini* chains operating in Japan is located in its own specific area. The authors conclude that *konbini* are in the interest of the development of the country's regions as a whole, and their role in Japanese society cannot be overemphasized. The Japanese experience can be relevant to other countries, including Russian chain stores.

Keywords: Japan, *konbini* minimarkets, social infrastructure, way of life of the Japanese.

Authors: *Tikhotskaya Irina S.*, Associate Professor, Faculty of Geography, M.V. Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0000-0001-9248-4222; E-mail: iritiro@gmail.com

Petropavlovskaya Mariya A., PAO AFK «Sistema». ORCID: 0000-0001-9248-4222; E-mail: post2marya@mail.ru

Kato Shizuko, Meiji University (Japan), School of Business Administration. ORCID: 0009-0006-3802-2063; E-mail: katos@meiji.ac.jp

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Tikhotskaya, I.S., Petropavlovskaya, M.A., Kato, S. (2024). Yaponskie minimarkety *kombini*: unikal'nost', universal'nost', regional'nye osobennosti [Japanese *konbini* minimarkets: Unique and universal character, regional characteristics]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 1, 44–59. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-44-59

Введение

С давних пор Япония окутана ореолом таинственности и уникальности. Хорошо известно, что на протяжении своей истории эта страна впитывала все новое, интересное, передовое, на выходе получая что-то неповторимое. Весь мир знает японские сады камней, икэбану, с Японией связывает и чайную церемонию и пр., хотя прототипы всего этого были созданы в соседних странах. Связано это, вероятно, с синтетичностью японской культуры (формировавшейся под духовно-эстетическим влиянием разных религий [Японский феномен 1996, с. 157]), и умением доводить все до совершенства.

Точно так же среди многочисленных удивительных японских изобретений, творений, практик, несомненно, присутствуют уникальные сетевые минимаркеты – *комбини*, представляющие одну из самых востребованных ниш розничной торговли в Японии. Концепция такого магазина была разработана в США, но именно в Японии создана его уникальная модель. Это круглосуточный магазин, преобразованный до неузнаваемости исходя из удобств для людей, и постоянно меняющийся в соответствии с новыми потребностями японского общества. Создан настоящий феномен, не знающий аналогов в мире.

Комбини вызывают интерес как уникальные для всего мира магазины, по существу, превратившиеся в Японии в базовую социальную инфраструктуру, центры активности для местного сообщества и даже в элемент поп-культуры. Эти работающие по франшизе магазины изменили образ жизни японцев, сделав их жизнь комфортнее, а также повлияв и на культуру питания и предоставления услуг. Став одной из визитных карточек страны, японские *комбини* действуют и на Гавайях, в Тайване, Гонконге и в континентальном Китае, Южной Корее и других азиатских странах. Анализ феномена и региональных особенностей ставших привычной частью жизни японцев *комбини*, несомненно, может представлять интерес и для российских сетевых магазинов, все чаще позиционирующих себя в качестве магазинов шаговой доступности.

Японские *комбини* развиваются, трансформируясь в соответствии с меняющимися потребностями как людей, так и бизнеса, и отвечая запросам индивидов, ведущих все более разнообразный образ жизни, что, собственно, и объясняет их жизнестойкость. Это рождает новый дискурс в анализе феномена и влияния *комбини* в обществе. О масштабах их влияния говорит, например, тот факт, что тренер национальной сборной Японии по футболу причиной плохих результатов своих подопечных назвал их приверженность *о-бэнто*¹ из *комбини*. А рэпер Мияти, утверждающий, что в атмосфере *комбини* «вы вступаете в кровное родство с тем, что происходит»², в 2021 г. на видеохостинге YouTube создал канал Konbini Confessions. Популярный японский писатель Такахаси Гэнъитиро отметил, что *комбини* в действительности представляют собой *комбиниэнсу кёкай*, т.е. «удобные церкви», подчеркнув, что именно «удобство» – религия японского общества. В связи с этим нельзя не заметить, что еще во второй половине 1980-х гг. в Японии было популярно выражение «*сабису-но кадзё куни*» («страна избыточного сервиса»). В самом деле, другую такую страну по доступным удобствам найти невозможно. Васидзу Рёку, специалист по маркетингу и писатель-фрилансер, цитируя «Город» Макса Вебера (на японском языке «*Тоси-но ронри*» (логика города)), пишет: действительно интересно отметить, что в условиях городской жизни, когда человеческие отношения скудны, люди идут в *комбини* в поисках «исцеления» как в утраченное место общения, что близко к той роли, которую в западных обществах играет церковь [Васидзу 2008, с. 156].

Интересно отметить исследования, содержащие критику *комбини*. По мнению ряда японских ученых, *комбини* в Японии выступают в качестве заменителей матери и семьи

¹ Еда, упакованная в коробочку.

² Konbini Confessions' captures the late-night antics of city dwellers. Japan Times. September 17. 2022.

в целом: доступные 24 часа в сутки, включая разнообразные предложения еды, именно они стали «удобнее, чем мать» и могут воспитывать детей [Miura 2005, p.112], подрывая традиционные устои семьи. При этом подчеркивается, что когда люди в любое время могут получить то, что хотят, появляется желание получать все желаемое немедленно. Доцент Японского женского университета Танака Дайсукэ отмечает, что *комбини* не только создают одиноких и изолированных индивидуумов, но и требуют нового вида отношений, отличных от свойственной японцам групповой принадлежности [Tanaka 2015]. *Комбини* также критикуют за то, что они являются сильным «стимулятором» для молодежи, способствующим «ночным бдениям». В одном из исследований даже установлена связь между ярким освещением, характерным для *комбини* и их вывесок, и слабой успеваемостью в школе [Ayukawa 2003].

Изучением *комбини* занимаются и западные ученые. Так, трудно не согласиться с Gavin H. Whitelaw, что *комбини* представляют не только деловой, но и социальный и культурный формат – «повседневную зону социальной активности, экономических транзакций и культурной трансляции» [Whitelaw 2008]. Он же наглядно доказывает, что клиенты *комбини* ценят и все больше полагаются на удобство предлагаемых в них услуг, приводя результаты исследования, показавшего, что 70% респондентов отмечают, что без *комбини* их жизнь была бы неудобной [Whitelaw 2018].

Что такое *комбини*

Комбини круглосуточно предлагают все самое необходимое в повседневной жизни: от разнообразных продуктов и готовых к употреблению блюд, различных напитков (включая пиво и алкоголь), косметических и гигиенических средств до носков и галстуков, батареек и зонтов, журналов и книг и т.д. – все, что только можно представить. Кроме того, благодаря развитию информационных технологий они предоставляют и разнообразные услуги: это и оплата счетов, бронирование и приобретение билетов (транспортных и на различные мероприятия), ксерокопирование, сканирование, печать, обслуживание банковских карт, получение посылок и отправка писем и пр. В них есть и бесплатный Wi-Fi и туалетные комнаты.

Иными словами, такие магазины – это соответствие новому образу жизни и ожиданиям всех и каждого, стремление удовлетворять все растущие потребности клиентов, компаний. Они как нельзя лучше отвечают своему названию (от английского *convenience* – удобство) – это действительно удобные магазины, постоянно предлагающие не только новые товары, но и новые услуги, которые могут выручить в любой ситуации в любое время. Без преувеличения, *комбини* – больше, чем просто магазин: это маленький мир, обеспечивающий всем самым необходимым современных людей. Причем мир быстроменяющийся, отвечающий все новым потребностям и чаяниям всех потенциальных клиентов. В зависимости от времени года в них предлагают интересные фирменные блюда, в соответствии с сезоном и основными праздниками. С наступлением лета на прилавках магазинов появляется много кондитерских изделий, содержащих свежие фрукты, а также традиционный зеленый чай *маття*. Даже побывавшие в Японии иностранцы с ностальгией вспоминают *комбини*: продаваемые в них *онигири*³ или *мэрон-пай*⁴ и т.д. А, например, известный японский футболист Наката Хидэтоси, игравший и в зарубежных клубах, в интервью признавал, что одной из наибольших трудностей для него при длительном нахождении за рубежом было отсутствие там *комбини*, а в СМИ упоминалось о том, что сразу после приземления в Нарита он спешил именно в них [Nishimura 2004, p. 46–48].

³ *О-нигири* – рисовый колобок или треугольник с начинкой, обернутый в сушеные водоросли.

⁴ *Мэронпан* – «дынный хлеб» – сладкая булочка со вкусом дыни, при изготовлении которой сама дыня не используется.

Япония, значительно уступавшая другим странам Большой семерки по числу иностранных туристов, с начала XXI в. все больше стремилась сделать пребывание в своей стране более комфортным и для них. И все большее число *комбини* становилось участниками программы *tax free*, устанавливало банкоматы, обслуживающие и иностранные кредитные карты. Во время самого катастрофического землетрясения в истории Японии, произошедшего на северо-востоке страны в 2011 г., *комбини* сыграли большую роль в обеспечении жизнедеятельности в пострадавших районах, предоставляя питьевую воду, продукты питания и туалеты тем, кто не смог вернуться домой [Tsuchiya, 2016].

В быстро стареющем японском обществе *комбини* становятся все более востребованными как магазины шаговой доступности и как предоставляющие услуги по доставке товаров на дом (заказы принимаются по телефону, что удобно и для работающих людей, которые забирают свой заказ по дороге домой после работы). Эта тенденция еще более усилилась вследствие пандемии COVID-19, когда важное значение приобрело сокращение контактов между людьми и посещения общественных мест, и резко возросла востребованность бесконтактной доставки.

Все в большем числе *комбини* в последние годы можно присесть за столик, чтобы тут же съесть купленные готовые блюда. Тем самым они обостряют конкуренцию в ресторанной индустрии – кофейни и закусочные теряют своих клиентов, которых соблазняет вполне доброкачественный на вкус среднего потребителя кофе за 100 иен. И по меткому выражению Д. Танака, они предоставили «круглосуточное пространство, в котором люди могут вести индивидуализированную социальную жизнь. Это место, куда можно зайти и выйти, ничего не покупая, не беспокоясь о чужих глазах» [Tanaka 2015].

Рис. 1. Lawson в городе Кавагоэ (вид с улицы и внутри).

Источник: Фото Т. Омата (слева) и И.С. Тихоцкой

В 2016 г. Мурата Саяка написала художественное произведение «Человек-комбини», ставшее международным бестселлером; книга переведена и на русский язык. Автор показала, что эти магазины позволяют вести комфортную жизнь и тем людям, представления которых о ней расходятся с тем, что в обществе признано «нормальным». Героиня противостоит существующим в обществе негласным общественным нормам – она уже 18 лет работает в *комбини*, не собирается выходить замуж и рожать детей или менять работу, свой образ жизни. Вот фраза, ярко иллюстрирующая ее образ мыслей: «Это начало нового дня, время, когда мир просыпается и шестеренки общества начинают двигаться. Я – одна из этих шестеренок, вращающихся по кругу. Я стала действующей частью мира, вращающейся во времени суток, называемом утром.»

По выражению проф. Рональда Саладина, *комбини* – суть отражение японского общества. Эти магазины показывают, как устроена социальная жизнь с точки зрения межличностных отношений, привычек, норм, ценностей и т.д. Однако, что происходит, когда кто-то

не вписывается в японские представления о здоровом смысле? С. Мурата не только показывает и раскрывает глубинные структуры японского общества, общепринятые нормы, но и повествует, какова жизнь людей, не соответствующих общепринятым ожиданиям. Это произведение – «призыв к созданию более «человеческого» общества, позволяющего найти свою нишу в нем и тем, кто в него не вписывается».⁵

Со второй половины 1990-х гг. *комбини* превратились в жизненно необходимую инфраструктуру (*сэйкацу инфура*), которую сравнивают с водо-, газо- и электроснабжением. Позже их стали называть социальной инфраструктурой (*сякайтэки инфура*) – наряду с банками, госпиталями, почтой. Данному статусу *комбини* способствовала их высокая адаптивность и способность для многих людей «быть всем в одном» – они выполняют не только функции классического супермаркета, но и предоставляют информационные, развлекательные и общественные услуги в одном месте. Если первоначально в *комбини* много времени проводили молодые люди, то постепенно все более популярными они становились и у более зрелых людей.

С учетом «серебряного цунами», быстро набирающего силу во всех регионах Японии, *комбини* все более учитывают потребности людей старших возрастов, представляющих наиболее быстро растущий сегмент потребительского рынка. Они предлагают более подходящую для них еду, расставляют необходимые им товары на нижних полках, устанавливают столики для того, чтобы можно было тут же присесть, чтобы перекусить или отдохнуть, организуют доставку товаров на дом. Например, сеть 7-Eleven еще в 2005 г. отметила тенденцию роста покупателей старше 50 лет, а по данным Takemoto⁶, число таких посетителей *комбини* за 1989–2013 гг. возросло в 16 раз, достигнув 5 млн в день.

Возникновение и развитие *комбини* в Японии

В коммерческой статистике Министерства экономики, торговли и промышленности Японии *комбини* как бизнес-категория определяются как магазины самообслуживания, которые продают еду и напитки, имеют торговый зал площадью от 30 до 250 м² и работают 14 и более часов в день. Сейчас в Японии действует 18 сетей *комбини*. Их история восходит к середине 1970-х гг. прошлого века. 50 лет назад, в 1973 г. американская сеть 7-Eleven открыла в Японии первый магазин, а за 1981–1991 гг. их число удвоилось и составило около 40 тыс. В начале 1990-х это была уже полноценная индустрия с новыми технологиями, постоянно расширяющимся ассортиментом и узнаваемой символикой. Таким образом появившийся как магазин товаров повседневного спроса *комбини* превратился в розничный бизнес с огромным объемом продаж: в 2020 г. их товарооборот (93 млрд долл.) приблизился к аналогичному показателю супермаркетов (118 млрд долл.).

В 2014 г. внутренний рынок *комбини* впервые превысил 10 трлн иен (83 млрд долл.), при этом около 80% пришлось на 3 компании: 7-Eleven, FamilyMart и Lawson⁷. В 2022 г. общенациональный объем продаж *комбини* достиг рекордно высокого уровня – 12,2 трлн иен, хотя их общее число снизилось с 58,4 тыс. в 2020 г. до 56,2 тыс. Число покупателей за 2021–2022 гг. возросло на 0,6% (но по сравнению с 2020 г. это немного меньше) и составляет 15,7 млрд. Очевидно, что во многом это связано с резко упавшим числом иностранных туристов

⁵ Murata Sayaka's Convenience Store Woman. Discussing Gender Identity and Society in Contemporary Japanese Literature. <https://www.dijtokyo.org/event/murata-sayakas-convenience-store-woman-discussing-gender-identity-and-society-in-contemporary-japanese-literature/> (дата обращения: 05.08.2023).

⁶ Takemoto, Ryota. Japan as a Society Dependent on Convenience Stores. Is Survival without Convenience Stores Impossible in the Era of Super-Aging? <http://www.japanpolicyforum.jp/archives/society/pt20160318011754.html> (дата обращения: 04.05.2023).

⁷ Nihon Keizai shimbun. July 22, 2015.

из-за пандемии⁸. Средняя стоимость покупок в расчете на одного покупателя увеличилась на 2,8%, до 715 иен⁹. По состоянию на конец марта 2023 г., больше всего торговых точек (в тыс.) имеют все те же 7-Eleven (21,3), FamilyMart (16,5) и Lawson (14,6), т.е. более 90%. Свыше 1 тыс. магазинов имеют еще три: заметно выросшая MiniStop (1,9), Daily Yamazaki (1,3) и SeicoMart (1,2)¹⁰. *Комбини*, которые присутствуют на японском рынке, различаются по ведению торговой политики и имеют яркие отличительные черты, в том числе стремясь внести свой вклад в решение социальных и экологических проблем, придерживаясь концепции устойчивого развития. При этом, естественно, все магазины заинтересованы в привлечении клиентов, и с этой целью каждая сеть обращается к нововведениям и в области кулинарии, и в предоставлении услуг. Так, Lawson намерена быть магазином, который «обожают все покупатели от детей до взрослых» и стремится предлагать продукты высшего качества, а также развлекательный контент. Одним из флагманских продуктов в ассортименте MiniStop – пользующееся успехом мягкое мороженое, сделанное из молока с Хоккайдо. SeicoMart, первый магазин которой открылся на 2 года раньше 7-Eleven, менее известна, так как, кроме Хоккайдо, действует только еще в двух префектурах: Ибараки (82 торговых точек) и Сайтама (10), но в последние годы удерживает первенство по степени удовлетворенности клиентов¹¹. Отличительной чертой магазинов этой сети является производство более 1 тыс. наименований продукции под собственным брендом Secoma, и они крупными буквами извещают об использовании местных ингредиентов острова Хоккайдо. В них представлен большой выбор вин и можно купить даже целый мешок местного риса.

Столкнувшись с перенасыщением рынка, усилением глобальной конкуренции и нехваткой рабочей силы, крупнейшие *комбини* пытаются внедрять и другие инновации, чтобы сохранять конкурентоспособность. Так, Lawson еще в 2015 г. внедрил систему, в которой искусственный интеллект в головном офисе консультирует менеджеров магазинов и опытных сотрудников по вопросам управления товарами во всех магазинах, а теперь намерена обслуживать покупателей, используя дистанционно управляемые аватары – располагая у касс самообслуживания и в проходах мониторы. Это позволяет трудоустраивать людей с ограниченными возможностями передвижения, которые могут работать из дома.

Влияние пандемии КОВИД-19 на *комбини*

Пандемия КОВИД-19 стала главным фактором мирового развития, затронув большинство стран мира и оказав серьезное воздействие и на жизнь людей, и на бизнес. Японская стратегия борьбы с новой инфекцией, которая исходила и из особенностей географического положения, и национального характера, менталитета, а также сложившихся правил поведения, показала свою состоятельность. Хотя еще весной 2020 г., во время первого введения в Японии чрезвычайной ситуации, вследствие отсутствия при этом запретительных мер, штрафов и наказаний в западной прессе ее назвали самой «беззубой» в мире, действенность ее не вызывает сомнений [Белов, Тихоцкая 2020], поскольку положение в Японии и в 2021 г. было гораздо более благополучным, чем во многих других странах.

⁸ В первом полугодии 2023 г. наметилась тенденция к восстановлению туристической отрасли в Японии: за 6 месяцев страну посетило более 10,7 млн иностранных туристов.

⁹ Japan Convenience Store Sales Hit Record High in 2022. Yomiuri. January 21, 2023.

¹⁰ [2023-Nenban]konbinisusutoa no tenpo-sū rankingu [Convenience Stores: Ranking by Number of Stores (2023 Edition)]. <https://www.nipponsoft.co.jp/blog/analysis/chain-conveniencestore2023/> (дата обращения: 16.08.2023). (In Japanese); Keizai sangyōshō shōgyō dōtai tōkei chōsa [Ministry of Economy, Trade and Industry Commercial Statistics Survey]. <https://www.meti.go.jp/statistics/tyo/syoudou/result-2/index.html> (дата обращения: 26.11.2023). (In Japanese).

¹¹ Here's Why Seico Mart Was Crowned the #1 Convenience Store in Japan. <https://www.tsunagu-japan.com/seico-mart-crowned-number-one-convenience-store/> (дата обращения: 17.08.23).

Вместе с тем постоянное обращение правительства к гражданам с призывом проявлять сдержанность и не выходить из дома без неотложных и срочных дел привело к сокращению часов работы разных магазинов и к отставанию продолжавших работать в прежнем режиме *комбини* по уровню ежемесячных продаж от супермаркетов, а также к закрытию в стране 376 минимаркетов всех сетей в целом. Наибольшие потери понесла Lawson – 238 магазинов, а также MiniStop – 193. При этом две другие крупнейшие сети открыли новые магазины: FamilyMart – 177 и 7-Eleven – 25. На фоне роста продаж в супермаркетах (и при резком падении в универмагах) *комбини* впервые испытали спад.

Причинами падения продаж в *комбини* стало то, что для приготовления еды дома (особенно когда призвали выходить за покупками один раз в три дня) гораздо удобнее приобретать товары в супермаркетах или мелкооптовых магазинах, где выбор значительно больше, а цены ниже. Кроме того, при переходе на онлайн режим работы люди стали больше времени проводить дома и заказывать продукты с доставкой на дом из близлежащих магазинов, и наибольший спад в численности магазинов показали те сети, где была менее развита или отсутствовала доставка товаров на дом. И в целом *комбини*, продажи в которых главным образом были связаны с удобством приобретать по дороге на работу различные готовые к употреблению блюда, утратили конкурентоспособность. Их реакцией стало, прежде всего, расширение товарного ряда в сельских районах за счет предложения свежих овощей и ранее почти не продававшихся там замороженных продуктов, а также традиционных японских блюд *натто*¹² и *тофу*¹³. Например, в Lawson продажи за апрель – декабрь 2020 г. выросли на 52%. Но в основном в условиях пандемии в *комбини* увеличились продажи сладостей и алкогольной продукции, и в ответ на изменение спроса они отказались от универсальной расстановки товаров на полках и стали учитывать местоположение магазина (среди жилых домов или вдоль дорог). Например, в 7-Eleven в магазинах, расположенных среди жилых домов, дополнительно установили полки с десертами. Для стимулирования продаж напитков в экспериментальном порядке их стали ставить не как обычно, за стеклом, а размещать в открытом доступе, и во многих магазинах рядом с ними располагать то, что может служить закуской. В магазинах, таким образом изменившим расположение товаров, продажи выросли, причем не только за счет сладостей и алкоголя.

Реакцией *комбини* на стремление людей меньше выходить из дома стало и изменение системы доставки на дом товаров, заказанных по интернету. Так, например, Lawson в 1500 магазинах по всей стране использует систему доставки компании Uber Eats¹⁴ и др. Конечно, товары становятся в таком случае дороже, чем при покупке в магазине, но в условиях пандемии число пользователей такими услугами, тем не менее, резко возросло.

Следствием пандемии стало и то, что в рамках усилий по сокращению отходов и убытков популярной стала тенденция реализации продукции с небольшим сроком хранения по сниженным ценам, что раньше было характерно лишь для супермаркетов. Если до сих пор при скидке на товары в сетях *комбини* были необходимы сложные процедуры (например, заполнение накладных от руки на каждый такой товар), то в новых условиях сети пошли на упрощение. Так, FamilyMart приклеивает только штрих-код, а Lawson, с согласия клиента, анализирует историю его покупок и примерно в то время, когда обычно приходит данный покупатель, передает ему на смартфон информацию о скидках на товары.

В 2021 г., в условиях продолжавшейся пандемии COVID-19, в минимаркетах FamilyMart и Lawson для расстановки товаров на полках магазинов стали использовать управляемые

¹² *Натто* – блюдо из сброженных соевых бобов, липко-тягучее, очень полезное для здоровья ввиду содержания полезных минералов и витаминов, но обладающее специфическим вкусом и непривычным запахом.

¹³ *Тофу* – продукт из сои с высоким содержанием высококачественного белка и незаменимых аминокислот.

¹⁴ Американская компания, предоставляющая услуги доставки еды, заказанной по интернету. Возникла в 2014 г., а с 2016 г. действует и в Японии.

оператором работы, создаваемые небольшим стартапом. Преимущество их использования заключается в том, что один оператор может одновременно заниматься этим в нескольких магазинах [Тихоцкая, Омата 2022.] В феврале 2021 г. сеть Lawson объявила о намерении продавать и лекарства. А в июле 2022 г. было сообщено о том, что в некоторых *комбини* жители Японии, получившие не менее двух доз вакцины COVID-19, смогут распечатывать свои паспорта вакцинации¹⁵.

Особенности размещения *комбини*

Комбини распространены от мыса Соя, самой северной оконечности Японии (магазин SeikoMart в городе Вакканай), до самой южной на острове Исигаки (в одноименном городе), который находится примерно в 400 км к юго-западу от острова Окинава (FamilyMart). Каждая из сетей *комбини* имеет свою нишу и занимает на территории Японии определенный ареал. Среди всех сетей выделяются три: 7-Eleven, FamilyMart и Lawson, самые крупные как по числу магазинов в Японии, так и по выручке. *Комбини* этих сетей распространены по всей территории Японии.

Все три сети-лидера присутствуют во всех 47 префектурах, хотя 7-Eleven, лидирующая по количеству магазинов, добилась этого медленнее всех, открыв свой первый магазин в префектуре Окинава лишь в 2019 г. (Lawson – в 1997 г., а FamilyMart – в 2006 г.). Seicomart, шестая по количеству магазинов, является почти исключительно местной сетью, насчитывающей более 1 тыс. торговых точек на Хоккайдо и еще 92 в двух других префектурах.

Анализ статистики, отражающей распределение лидирующих сетей по числу магазинов по территории страны, показывает, что четко выделяются три группы регионов. Первая – это регионы, где преобладает только одна, та или иная, сеть *комбини* (Хоккайдо, Канто, Сикоку и Окинава). Вторая – регионы, где выделяются два лидера (Тохоку, Тюбу, Кинки и Тюгоку). Третья группа характеризуется тем, что в разных префектурах доминирует та или иная из трех сетей-лидеров (Хокурику, Кюсю). Тогда как в большинстве префектур Кюсю первенство удерживает 7-Eleven, в префектуре Кагосима преобладают магазины FamilyMart (7-Eleven и Lawson представлены почти одинаково, а другие сети отсутствуют вовсе); в Оита лидирует Lawson. А в регионе Хокурику в трех из составляющих его четырех префектур – разные лидеры (рис. 2).

Внутри префектур размещение *комбини* полностью коррелирует с числом жителей: количество магазинов пропорционально населению муниципалитетов. Каждая из сетей постоянно следит за движением населения, а также учитывает меняющиеся вкусы и потребности в отдельных населенных пунктах.

Плотность *комбини* (число магазинов на 10 тыс. человек) дает представление о том, в каком из субъектов Японии наблюдается избыток, а в каком нехватка магазинов (рис. 3.), хотя в целом различия невелики: от 3,4 до 5,59. Прежде всего бросается в глаза наиболее высокая плотность в самом северном и самом южном регионах, Хоккайдо и Окинава соответственно. Большей плотностью *комбини* отличается Восточная Япония, где особенно выделяются префектуры Яманаси и Токио. С другой стороны, в Западной Японии наиболее низкой плотностью выделяется регион Кинки, прежде всего префектуры Нара, Сига, и Хёго. Столь же низкую плотность в регионе Кюсю имеет префектура Нагасаки.

Проведенный анализ статистических данных¹⁶ показывает, что увеличение числа *комбини* произошло в основном на Окинаве (на 30 магазинов), а также в Западной Японии

¹⁵ COVID vaccine passports to soon be printable at Japan convenience stores. Japan Times. July 22. 2022.

¹⁶ Todofuken deta rankingu. https://uub.jp/pdr/m/c_12b.html#2 (дата обращения: 01.10.2023). (In Japanese).

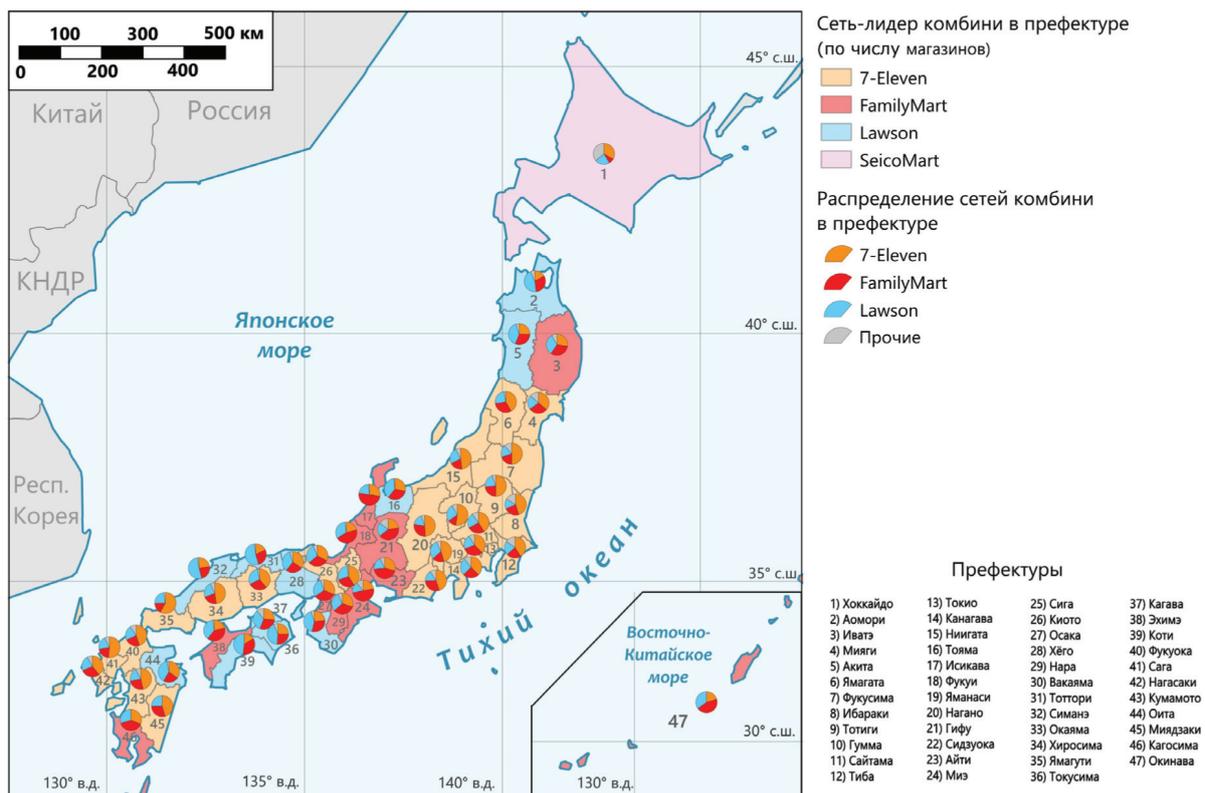

Рис. 2. Сети-лидеры по числу магазинов и доля трех крупнейших сетей по префектурам Японии

Источник: составлено по данным Японского бюро статистики, Интернет-ресурса Marfan и расчетам М.А. Петропавловской

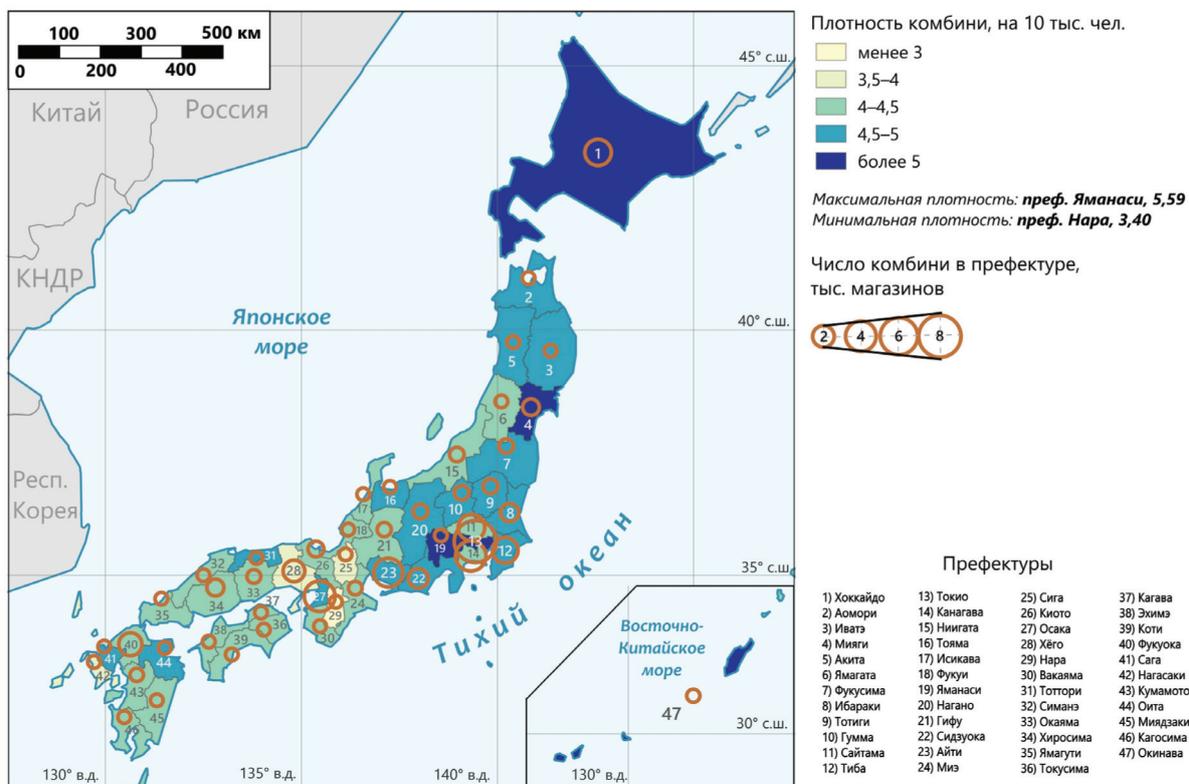

Рис. 3. Плотность комбини по префектурам Японии
 Источник: Составлено по данным Японского бюро статистики, Интернет-ресурса Marfan и расчетам М.А. Петропавловской

(и главным образом в префектурах Хиросима (19) и Осака (15); и больше чем на 5 магазинов – в Оита, Сага, Окаяма). В Восточной Японии было отмечено уменьшение числа *комбини* во всех префектурах, за исключением Тотиги и Иватэ, где появилось 2 и 3 новых магазина соответственно. В наибольшей степени сокращение коснулось префектур, входящих (Канагава) или примыкающих (Сидзуока и Ибараки) к Столичному региону, а также префектуру Айти. Единственной префектурой, в которой число *комбини* осталось без изменений, стала Тоттори, для которой характерна их высокая плотность.

Минимальное расстояние от одного *комбини* до другого в целом по Японии составляет 528 м¹⁷. В городах расстояние между ними варьирует от 50 до 200 м, а цепочка из них образует некую инфраструктуру – и торговую, и социальную, где покупатели могут воспользоваться услугами любой из сетей.

Региональное разнообразие продукции

Япония славится своей национальной кухней, и в 2013 г. ее традиционная кухня вошла в Список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. Японская кухня, которая известна во всем мире, является собирательным образом блюд из разных префектур, каждая из которых включает характерные для той или иной местности ингредиенты и гордится своим особым блюдом или продуктом. Главными факторами, определяющими становление местной кухни, являются географическое положение и природные ресурсы (поскольку в японской кухне первостепенное значение имеет свежесть и сезонность потребляемых продуктов), а также специфические исторические факторы и процессы, происходившие на территории региона. И именно географическое положение региона является важнейшим фактором, определяющим своеобразие национальной кухни в разных частях страны.

Комбини стараются соблюдать кулинарные предпочтения жителей той части страны, в которой они находятся, и используют ингредиенты, типичные для данной территории. Поэтому на прилавках *комбини*, находящихся в разных префектурах, можно встретить уникальные продукты и готовые обеды, которые не продаются больше нигде. Основным продуктом японской кухни, безусловно, является рис. Рисоводство распространено по всей территории страны, и самообеспеченность им составляет 98–100% (префектуры Ниигата и Хоккайдо лидируют). В блюдах почти всех префектур встречается и пшеница, самообеспеченность которой, напротив, крайне низка (менее 20%). Лидером по сбору пшеницы также является Хоккайдо. Большим разнообразием отличаются разные виды лапши: *удон*¹⁸, *рамэн*¹⁹ и *соба*²⁰ – также одни из основных блюд японской кухни, особенно популярные в регионах Хоккайдо, Тохоку и Хокурику, где исторически выращивают пшеницу и гречиху. Вследствие разного географического положения входящих в эти регионы префектур дополняющие ее ингредиенты различны. Так, чем дальше территория от морского побережья, тем чаще можно встретить лапшу с добавлением овощей или мяса.

Комбини разных префектур предлагают готовые обеды на основе лапши и из привозного сырья, но при этом руководствуются предпочтениями жителей данных территорий. Например, в *комбини* таких префектур, как Ниигата, Нагано и Хоккайдо гречневая лапша будет продаваться без дополнительных ингредиентов (не считая соуса и зеленого лука), чего не встретишь

¹⁷ Takemoto Ryota. Japan as a Society Dependent on Convenience Stores. Is Survival without Convenience Stores Impossible in the Era of Super-Aging? <http://www.japanpolicyforum.jp/archives/society/pt20160318011754.html> (дата обращения 21.08.23).

¹⁸ Широкая пшеничная лапша.

¹⁹ Тонкая пшеничная лапша.

²⁰ Гречневая лапша.

в других префектурах. А префектуру Фукуи отличает наличие в ней куска рыбы или стружки из тунца.

Онигири – самый известный компонент японского фаст-фуда, продающийся во всех префектурах, но для каждой характерны свои вариации. Наиболее типичные ингредиенты для всех *онигири*, которые продаются в японских *комбини*, – это *натто*, тунец, икра, лосось, креветка и слива. На Хоккайдо ассортимент *онигири* шире: с несколькими видами лосося и икры, а также представляющие собой смесь риса, кунжута, *вакамэ*²¹. Отличительной чертой *онигири* на Хоккайдо является также их размер: как и *суси*, они больше обычных *онигири* в два раза. В регионах Тюгоку, Канто и Сикоку— *онигири* с добавлением японской приправы *сисо*²² или кусочков *тофу*, маринованной сливы и курицы. В регионе Канто разнообразие *онигири* самое большое по сравнению с остальными территориями Японии. Особенно широк ассортимент в префектуре Токио. Все сети *комбини* отправляют из разных префектур небольшие партии своей продукции в Токио, где любая региональная продукция пользуется особым спросом у туристов.

Отличительная черта почти всех блюд окинавской кухни – наличие свинины. Предпочтение именно этого вида мяса у жителей Окинава сложилось еще во времена существования государства Рюкю, которое на протяжении многих лет активно торговало с Китаем и Кореей и перенимало кулинарные предпочтения континентальной Азии. Из Китая пришел и батат, менее прихотливый к условиям выращивания и более устойчивый, чем рис, к воздействию тайфунов, которые постоянно обрушиваются на Окинаву, что стало настоящим спасением для жителей региона. После Второй мировой войны и до 1972 г. Окинава находилась под контролем США, и под влиянием американских военных в префектуре появились и отличающиеся от азиатской кухни блюда.

На островах Рюкю из-за близкого к тропическому климата, который не типичен для основной территории Японии, произрастают ананасы, манго, папайя и гуава, из которых готовят десерты и соусы, а также добавляют их в рис. Очень популярен экзотический родственник тыкве плод гойя, иногда называемый горькой дыней. В результате в *комбини* на Окинаве представлен широкий ассортимент блюд как со свининой, так и десертов из ананасов и манго в течение всего года. И в целом готовые обеды, напитки, сладости и фрукты, продаваемые в окинавских *комбини*, не встречаются больше нигде в стране.

На протяжении года в Японии выращивают большое количество разнообразных сельскохозяйственных культур, и каждый месяц на прилавках магазинов продаются разные виды фруктов или овощей, а также блюда, приготовленные из сезонных плодов.

Самой любимой и часто покупаемой ягодой в Японии является клубника, ее сезон приходится на январь – май²³, и в этот период она произрастает почти на всей территории Японии, поскольку возделывается в теплицах. Некоторые сети *комбини*, такие как 7-Eleven, Lawson, FamilyMart и SeicoMart имеют собственные фермы, на которых выращивается в том числе и клубника. Остальные компании закупают ее у местных фермеров или импортируют из Китая. В Японии лидерами по производству клубники являются префектуры Ибараки и Сидзуока.

Сакура – известный символ Японии, и с ее цветением приходит и сезон сбора ее лепестков. В период с марта по май во всех магазинах начинается продажа продуктов, содержащих сок лепестков сакуры, в том числе и чай из сакуры, имеющий очень небольшой срок употребления и оригинальный вкус, который оценить могут далеко не все. Особой популярностью пользуются десерты и напитки. В сезон цветения сакуры в Японию из разных стран мира приезжает

²¹ Бурые водоросли, широко используемые в японской кухне.

²² Растение, листья которого используются для приготовления соусов и оформления блюд.

²³ Собственно, клубника по-японски – *итиго* (*ити* – один (или первый), *го* – пять).

большое количество туристов, для которых все, что связано с сакурой, является сувениром. Поэтому в магазинах на продукты с этим вкусом большой спрос. Цветение сакуры начинается с южных территорий и продвигается на север страны, и к первым числам мая сакура начинает цвести уже на Хоккайдо. В *комбини* до конца сезона цветения сакуры продается большое количество десертов с ее добавлением. Некоторые из сетей выпускают также и мороженое. Популярнейшим десертом в этот период является пирожное «сакура», состоящее из бисквитной основы и сверху покрытое слоем желе с добавлением сока лепестков и цветка сакуры. Они необыкновенно вкусны, хотя внешне очень напоминают простой комок теста.

Дыня, в отличие от клубники и сакуры, является региональным продуктом, поэтому продукция из неё чаще встречается лишь в нескольких префектурах. Так, ее можно назвать одним из символов Хоккайдо, крупнейшего производителя дынь в Японии. С июня по август во всех *комбини* этого региона имеется огромное разнообразие десертов с дыней. Особой популярностью пользуется мороженое со вкусом дыни, а также содовая и фирменные сладости Kit-Kat, которые можно встретить не только в фирменных магазинах компании на Хоккайдо, но и в *комбини*, находящихся недалеко от главных достопримечательностей городов этого региона. Одним из лидеров по выращиванию дынь является и префектура Ибараки, но там, в отличие от Хоккайдо, бренд дыни не развит²⁴. Одним из наиболее известных продуктов со вкусом дыни является вышеупомянутый *мэронпан*. Некоторые *комбини* Хоккайдо изготавливают особые дынные булочки, которых нигде больше не найти.

Заключение

Комбини, которые, как и многое другое на протяжении своей истории японцы заимствовали, превратились в уникальные магазины, ставшие неотъемлемой частью образа жизни японцев. Большое количество и высокая плотность отличают их от всех других магазинов. Услуги, которые предоставляются в *комбини*, становятся все более разнообразными и очень облегчают повседневную жизнь японцев. Материнская компания 7-Eleven Japan, Seven & i Holdings, согласно данным «Нихон кэйдзай симбун», по общественному признанию в 2015 г. занимала первое место в рейтинге, обойдя таких популярных гигантов, как Ajinomoto, Toray или Тойота. Возможность приобретения готовых блюд, которые можно взять с собой или тут же и разогреть, изменило и культуру питания японцев.

Японские *комбини* можно назвать очередным японским феноменом, так как они могли возникнуть лишь в такой стране, как Япония, где созданию удобств в быту, предоставлению разнообразных услуг, позволяющих обеспечивать бытовые потребности «вне дома», уделяется особое внимание. При этом они меняют и пищевые привычки японцев, и социальные ценности. Ставшие незаменимой инфраструктурой в Японии, они вызывают ностальгию не только у японцев, оказывающихся за рубежом, но и у иностранцев, побывавших в Японии. *Комбини* – не просто успешный коммерческий формат розничной торговли, но и, безусловно, по меткому выражению Пенг Ванг, – социальный микрокосм и то, что обеспечивает связь с Японией и ностальгию по ней [Peng Wang 2019].

Комбини используют грамотные стратегии размещения. Внутри префектур их количество коррелирует с числом жителей: оно пропорционально населению муниципалитетов. Новые магазины появляются, прежде всего, в городах с наибольшей плотностью населения, и размещаются в шаговой доступности от места жительства или работы как можно большего числа потенциальных клиентов. Каждая из 18 сетей *комбини* занимает определенный ареал,

²⁴ Gilbreath, Aaron. The thing about Japanese convenience stores is that they're awesome. <https://thesmartset.com/conbini-life-kyoto-japan/> (дата обращения: 10.01.2024).

внутри которого происходит развитие их магазинов. Они компактны и предоставляют возможность купить за короткое время все, что может понадобиться в повседневной жизни, и в отличие от супермаркетов не связаны с перемещением по большому пространству или простаиванием в очереди на кассе. Число этих магазинов шаговой доступности увеличивается с каждым годом, и связано это с тем, что потребность в них растет. В современной Японии быстро прогрессирует старение населения: доля лиц старше 65 лет, для которых жизненно важно иметь поблизости такого рода социальную инфраструктуру, приблизилась к 30%. В связи с этим *комбини* все чаще позиционируются как магазины «пешей доступности», и уже ставится вопрос о необходимости открытия большего числа магазинов, особенно в тех районах, где доля пожилых уже сейчас превышает 30–35 % населения. Можно сказать, что *комбини*, как формат розничной торговли, способные быстро реагировать на изменения, происходящие в современной Японии, представляют отражение проблем современного японского общества и одновременно их решение, существенно облегчая жизнь всех японцев: и лиц старших возрастов, и одиноких, и работающих женщин, и домохозяек, а также все возрастающего числа *каимоно наммин* («беженцев шопинга»). Последних министерство экономики, торговли и промышленности Японии определяет как людей, для которых совершение повседневных покупок затруднено из-за отсутствия поблизости магазинов и транспортных сетей, т.е. к ним относят всех «испытывающих неудобства в связи с отсутствием магазинов шаговой доступности» [Takemoto 2016, p.8]. Очевидно, что депопуляция, охватившая уже все префектуры Японии, приведет к дальнейшему росту *каимоно наммин*, и, соответственно, к дальнейшему возрастанию роли *комбини*.

В отличие от других общедоступных видов социальной инфраструктуры, таких как медицинские учреждения или автозаправочные станции, где обслуживаются люди с определенными потребностями, *комбини* посещают все, независимо от возраста, пола, профессии, национальности. Незаменима и помощь *комбини* женщинам в выполнении ими традиционной роли *рё:сай кэмбо* (хороших жен и мудрых матерей) в современном японском обществе (хотя домохозяйки, пользующихся услугами *комбини*, нередко критикуют). А как показало катастрофичное землетрясение 2011 г., достойное самой высокой похвалы предоставление этими магазинами необходимых услуг во время стихийных бедствий крайне востребовано, и роль их незаменима.

Комбини не только все время расширяют диапазон предоставляемых услуг, но и оказывают заметное влияние на японское общество: меняют ритуалы питания, способствуют более широкому распространению нового образа жизни – *охиторисама* (одиноко проживающие люди, опирающиеся только на собственные силы в противовес традиционной для японского общества взаимопомощи, что часто возникает по независимым от человека причинам, в том числе в старости), трансформации социальных ценностей, появлению таких понятий, как *гайсёку* (еда вне дома), *накасёку* (готовая еда, приобретаемая в магазине) и *найсёку* (еда, приготовленная дома). Особенно заметным в японском обществе, в том числе не в последнюю очередь в связи с *комбини*, стало и *косёку* — питание членов семьи по разным причинам отдельно.

Комбини учитывают предпочтения жителей префектур и выпускают блюда, соответствующие кухне того или иного региона, стараясь создавать продукцию, которая была бы уникальна и продавалась только в одном месте. Разрабатывающие их компании ориентируются на сельское хозяйство определенной территории, выпуская лимитированную продукцию, закупая сырье в основном у местных фермеров; есть и сети, которые выращивают нужный продукт на нескольких фермах в разных концах страны. Готовые обеды, которые продаются на Окинаве или Хоккайдо, отличаются от тех, что продаются в других префектурах. Почти каждая префектура имеет продукт, который ассоциируется именно с их территорией и имеет свой бренд – *мэйбуцу*, ярким примером которого является, например, уже упомянутая

дыня Хоккайдо. Кухня, сельское хозяйство и торговля тесно связаны между собой, составляя цепочку из нескольких компонентов, в которой одно помогает развиваться другому. Очевидно, что *комбини* отвечают интересам развития и регионов в целом. Иными словами, роль *комбини* в японском обществе трудно переоценить.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Белов А.В., Тихоцкая И.С. Первая волна пандемии COVID-19 в Японии: социальные и экономические аспекты. *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 10. С.14–21.
- Мурата Саяка. *Человек-комбини*. Москва: Popcorn Books. 2020.
- Тихоцкая И.С., Омата Т. Япония: инновации в обществе под влиянием пандемии COVID-19. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 5. С. 29–36.
- Японский феномен / под ред. К.О. Саркисова. Москва: Институт Востоковедения РАН. 1996.

REFERENCES

- Belov A.V., Tikhotskaya, I.S. (2020). Pervaya volna pandemii COVID-19 v Yaponii: sotsial'nye i ekonomicheskie aspekty [The First Wave of COVID-19 Pandemic in Japan: Social and Economic Considerations]. *Aziya i Afrika segodnya*, 10, 14–21. (In Russian).
- Murata, Sayaka. (2020). *Chelovek-kombini* [Convenience Store Woman]. Moscow: Popcorn Books. (In Russian).
- Sarkisov, K.O. (Ed.) (1996). *Yaponskii fenomen* [Japanese Phenomenon]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. (In Russian).
- Tikhotskaya I.S., Omata T. (2022). Yaponiya: innovatsii v obshchestve pod vliyaniem pandemii COVID-19. [Japan: Innovations in Society Under the Influence of COVID-19]. *Aziya i Afrika segodnya*, 5, 29–36. (In Russian).

* * *

- Ayukawa, Jun. (2003). Night-Time and Deviant Behavior: The Changing Night Scene of Japanese Youth. In Steger, B. & Brunt, L. (Eds.). *Night-Time and Sleep in Asia and the West: Exploring the Dark Side of Life* (pp. 149–70). New York: Routledge Curzon.
- Konbini-Nation: The Rise of the Convenience Store in Post-Industrial Japan*. Retrieved January 22, 2022, from https://www.researchgate.net/publication/334017246_Konbini-Nation_The_Rise_of_the_Convenience_Store_in_Post-Industrial_Japan
- Miura, A. (2005). *Shigoto o shinakereba, jibun wa mitsukaranai. – furitā sedai no ikiru michi* [If You Don't Work, You Won't Find Yourself. – The Way of Life of the *Freeter* Generation]. Tokyo: Shōbunsha. (In Japanese).
- Moriaki, Takeko. *Kombini riyō:-kata no sho:hi ko:do: to nihon kaimono shu:kan. Nihon de Kombini ga hayaru riyū.* [The consumption dynamics and shopping habits in Japan. The reason of Kombini popularity]. (In Japanese).
- Nishimura, Kota. (2004). Tatta ichinen de supīdo saisei dekita riyū nihon ichigenki na saisei kigyō, tohato no mochi bēshon kakumei. [Why They Were Able to Revitalize Their Business in Just One Year: The Motivation Revolution of the Most Energetic Revitalized Company in Japan, Tohato]. *Shūkan Tōyō Keizai*, 5903, 46–48. (In Japanese).
- Takemoto, Ryota. (2016). *Konbini nanmin* [Convenience Store Handicap]. Tokyo: Chūōkōron-Shinsha. (In Japanese).

- Tanaka, Daisuke. (2015). *Gendai nihon no kombini to kojīn-ka shakai – jōhō-ka jidai ni okeru nettowāku no shōhi* [Convenience Stores and Personalized Society in Contemporary Japan: “Network Consumption” in the Information Age]. Retrieved May 4, 2023 from <https://core.ac.uk/download/pdf/235234911.pdf> (In Japanese).
- Tsuchiya, J. (2016). The impact of the 2011 tsunami and earthquake on distribution systems in the Tohoku region. In R. Gilbreath, P. P. Karan & U. Sukanuma (Eds.), *Japan After 3.11: Global Perspectives on the Earthquake, Tsunami, and Fukushima Meltdown*. Lexington: University Press of Kentucky.
- Wang, Peng. (2019). *Konbini as Microcosms: How Japanese Convenience Stores Both Shape and Are Shaped by Their Society*. Retrieved August 14, 2023 from https://era.library.ualberta.ca/items/4a860cd3-66df-4125-8b95-8f2ceba8f204/view/df8d0cd9-1c1b-40d3-9bf8-b79ceba488f2/Wang_Peng_201904_MA.pdf
- Washizu, Tsutomu. (2008) *Kōkyō kūkan toshite no kombini. Shinka suru shusutemu 24 jikan 365 nichī* [Konbini as social space]. Asahi Shimbun. (In Japanese).
- Whitelaw, G.H. (2008). Learning from small change: Clerkship and the labors of convenience. *Anthropology of Work Review*, 29(3), 62–69.
- Whitelaw, G.H. (2018). Konbini-Nation. The Rise of the Convenience Store in Post-Industrial Japan. In K.J. Cwiertka & E. Machotka (Eds.), *Consuming Life in Post-Bubble Japan: A Transdisciplinary Perspective*. Amsterdam: Amsterdam University Press.

Поступила в редакцию: 02.10.2023

Received: 02 October 2023

Принята к публикации: 22.01.2024

Accepted: 22 January 2024

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-60-73

От торговых войн к политическому соглашению: история конфликтного взаимодействия между Японией и ЕЭС (1970–1991 гг.)

М.П. Чижевская

Аннотация. Данная статья посвящена анализу отношений Японии и Европейского Экономического Сообщества (ЕЭС) в 1970-х – 1980-х гг. Статья объясняет, как стал возможен переход от фиксации на торговых спорах к подписанию политического соглашения в 1991 г.; почему институционализация отношений между крупными экономическими державами и одновременно партнерами США не произошла раньше. Автор отказывается от традиционного – историко-описательного метода анализа данного периода на основе хронологии событий. Вместо этого применен логический метод – выявлены объективные и субъективные факторы, под воздействием которых эти отношения трансформировались. Во введении обосновывается актуальность темы, выделяются особенности отношений Японии и Европейского союза как наднационального объединения, объясняется выбор хронологических рамок исследования. Основная часть статьи поделена на четыре раздела. В первом из них дается общая характеристика периода, раскрывается сущность торговых конфликтов, выделяются наиболее яркие эпизоды торгового противостояния и их последствия. Второй раздел посвящен классификации методов ЕЭС в решении торговых споров. Выделены меры, направленные на ограничение японского импорта в ЕЭС и, напротив, меры для стимулирования европейского экспорта. В третьем разделе обозначаются причины низкой заинтересованности обеих сторон в развитии политического партнерства и прослеживаются первые шаги к его установлению. Четвертый раздел посвящен политическому соглашению 1991 г. – Гаагской декларации и причинам, по которым подписание этого всеобъемлющего политического соглашения стало возможным. В заключении сформулированы выводы исследования. Среди объективных факторов, которые препятствовали активному развитию политического диалога в 1970-х – 1980-х гг. можно назвать отсутствие общей политической повестки ввиду географической отдаленности акторов; ориентацию обоих партнеров на США в сфере безопасности, что снимало необходимость установления новых партнерств. Среди субъективных факторов препятствием служила сознательная фиксация европейцев на торгово-экономических противоречиях в ущерб расширению повестки переговоров; сомнение японского истеблишмента в субъектности ЕЭС, которое исчезало по мере успешного расширения блока и его политической интеграции. Подписание Гаагской декларации стало возможным, когда обе стороны пришли к осознанию того, что для управления торговыми конфликтами необходимо создать политическую институциональную рамку, в которой противоречия можно было бы эффективно решать на регулярной основе.

Ключевые слова: Япония, Европейское Экономическое Сообщество, японо-европейские отношения, торговые конфликты, торговые войны, Гаагская декларация 1991 г.

Автор: Чижевская Мария Павловна, старший преподаватель кафедры международных отношений и политических процессов стран Азии и Африки Института востоковедения и африканистики Национального Исследовательского Университета Высшая Школа Экономика в Санкт-Петербурге

(адрес: 190121, Санкт-Петербург, Союза Печатников ул., д. 16). ORCID: 0000-0002-2778-2554; E-mail: mchizhevskaya@hse.ru.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Чижевская М.П. От торговых войн к политическому соглашению: история конфликтного взаимодействия между Японией и ЕЭС (1970–1991 гг.) // Японские исследования. 2024. № 1. С. 60–73. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-60-73

From trade wars to political agreement: History of the EEC-Japan conflictive dialogue (1970–1991)

M.P. Chizhevskaya

Abstract. The article is devoted to the relations between Japan and the European Economic Community (EEC) in the period of the 1970s–1980s. It explains how these relations shifted from fixation on trade issues to signing the Hague Declaration of 1991 – the first bilateral political agreement; why institutionalization of the relations between these two economic powers and, at the same time, US partners did not happen earlier. The author chose not to use traditional descriptive research method based on chronological ordering in favor of a logical method based on discovery of objective and subjective factors influencing EU-Japan relations. The Introduction includes research relevance, peculiarities of the relations between Japan and the European Economic Community as a supranational organization, and the chronological framework explanation. The main part of the article is divided into four parts. The first one focuses on the basic characteristics of the period, the reasons for trade frictions, their most notable examples being singled out. The second part is devoted to the classification of the methods which the European side used to settle disputes. Their measures are classified in two categories: the measures aimed at the limitation of the Japanese import and at the stimulation of the EEC export. The third part traces the reasons why both sides expressed little interest in establishing political partnership, as well as traces the first steps aimed at its promotion. The final part focuses on the Hague declaration and the reasons which made its signing possible. The Conclusion contains the main results of the research. The author proposes that the objective factors for slow development of the political dialogue were the absence of common political agenda, which can be explained by geographical remoteness of the actors; orientation of both actors at the US in the security sphere, which eliminated the need to establish new partnerships. Among the subjective factors are the European elites' fixation on trade frictions, which harmed the expansion of the negotiations agenda, and the Japanese elites' uncertainty about the EEC's identity as a fully legitimate European actor. This uncertainty was gradually eliminated with successful expansion of the bloc and its political integration. The signing of the Hague declaration became a reality when both sides saw the necessity of creating a political institutional framework for the settlement of trade frictions on a regular and constructive basis.

Keywords: Japan, European Economic Community, EU-Japan relations, trade frictions, trade wars, 1991 Hague Declaration.

Author: *Chizhevskaya Maria P.*, Senior Lecturer, Institute of Oriental and African Studies, National Research Institute Higher School of Economics in St. Petersburg (address: 16, Soyuzya Pechatnikov str., St. Petersburg, 190121, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-2778-2554; E-mail: mchizhevskaya@hse.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Chizhevskaya, M.P. (2024). Ot torgovykh voyn k politicheskomu soglasheniyu: istoriya konfliktного vzaimodeistviya mezhdu Yaponiei i EES (1970–1991 gg.) [From trade wars to political agreement: History of the EEC-Japan conflictive dialogue (1970–1991)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 1, 60–73. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-60-73

Введение

История взаимодействия Японии и Европейского Экономического Сообщества (ЕЭС) редко привлекает внимание специалистов по истории международных отношений, поскольку природа этого взаимодействия в биполярный период (1945–1991 гг.) была почти исключительно экономического характера. Это объясняется, во-первых, особенностями европейской интеграции, основным мотивом которой было облегчение торгово-инвестиционного взаимодействия между государствами-участниками, и, во-вторых, отсутствием общей политической повестки у Японии и объединенной Европы, принадлежащих к разным регионам мира.

Тем не менее, история этих отношений представляет интерес и с политологической точки зрения, поскольку объясняет, каким образом конфликтный диалог второй половины XX в. преобразовался в современные «отношения без конфликтов» [Носов 2010]. Цель данной статьи – выявить факторы, которые препятствовали установлению полноценного политического диалога между Японией и ЕЭС в течение биполярного периода, и факторы, которые сделали возможным его институционализацию в 1991 г. с принятием Гаагской декларации.

Важная особенность японо-европейских отношений состоит в том, что одна из сторон – это интеграционный блок, который в течение всего биполярного периода расширялся, вовлекая новые государства-члены. Имея длительную историю взаимодействия с отдельными западноевропейскими странами, такими как Франция или Германия, японская дипломатия сталкивалась со сложностями в формировании стратегии относительно наднационального экономического союза с центром в Брюсселе. Эволюция взглядов японского истеблишмента на нового европейского актора представляет особый интерес в контексте настоящего исследования.

Началом рассматриваемого периода служит 1970 г. В этом году произошла передача полномочий по ведению торговых переговоров от отдельных европейских государств единому органу, Европейской комиссии. В том же году было основано Европейское политическое сотрудничество – система консультаций между министрами иностранных дел по политическим проблемам, что стало шагом к формированию единой внешней политики объединения [Журкин 2015, с. 16]. Эти процессы поставили перед руководством Японии задачу выработать курс относительно нового блока.

Период 1970-х – 1980-х гг. был наиболее сложным для японо-европейских отношений в биполярный период, поскольку именно на это время пришлось т. н. торговые войны, когда ЕЭС вело борьбу с Японией за уравнивание торгового баланса. Кульминационной точкой стал 1982 г., когда Европейская комиссия подала на Японию иск в ГАТТ, возбудив таким образом судебное расследование в рамках этой организации. В течение этих двух наиболее конфликтных десятилетий ЕЭС и Япония искали инструменты для решения торговых споров, подспудно готовя платформу для установления политического диалога.

Окончание периода – 1991 г., когда была подписана Гаагская декларация, задавшая институциональные рамки диалогу Японии и ЕЭС. Именно с этого года конфликтный диалог предыдущего периода начал переходить в русло конструктивного диалога, продолжающегося и сейчас.

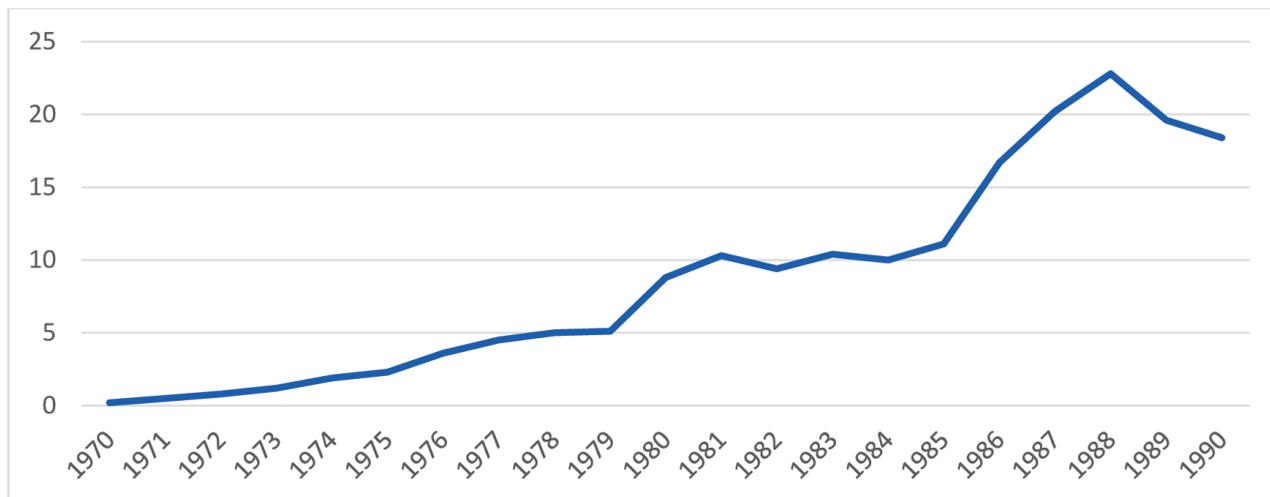
Торговые конфликты как основа взаимоотношений Япония-ЕЭС в 1970-х – 1980-х гг.

Период 1970-х – 1980-х гг. в японо-европейских отношениях представляет собой череду конфликтных взаимодействий на почве несбалансированной торговли.

К началу 1970-х гг. экономика ЕЭС столкнулась с ростом безработицы на фоне растущей конкуренции с качественными и доступными по цене японскими товарами. В первую очередь это касалось высокотехнологичных отраслей: сталелитейной, кораблестроения, автомобилестроения, производства бытовой электроники; позже машиностроения, фармацевтики, производства телекоммуникационного оборудования.

В течение всего периода 1970-х – 1980-х гг. Япония наращивала экспорт в ЕЭС значительно быстрее, чем ЕЭС в Японию. В результате наблюдался существенный дисбаланс торговли, который увеличивался практически каждый год.

Таблица 1. Торговый баланс Японии в торговле с ЕЭС, млрд долл. США

Посчитано по: Foreign Trade, Balance of Payments and International Cooperation / Historical Statistics of Japan. <https://web.archive.org/web/20170716004330/http://www.stat.go.jp/english/data/chouki/18.htm> (дата обращения: 23.08.2023).

Если в 1970 г. дефицит ЕЭС составлял 186 млн долл. США, то к 1980 г. он увеличился до 8,8 млрд долл., к 1990 – до 18,4 млрд. Рост дисбаланса европейские бизнесмены и чиновники связывали с закрытостью японского рынка и существованием нетарифных барьеров¹ – неценовых и неколичественных ограничений, которые Япония накладывала на импортируемые товары и услуги. В качестве факторов закрытости рынка, кроме того, называли доминирование на японском рынке *кэйрэцу* (яп. 系列) – крупных промышленно-финансовых групп, закрытую систему дистрибуции товаров, государственное регулирование экономики, протекционизм в отношении растущих отраслей промышленности [Gilson 2000, p. 229–30].

Характерной чертой всего периода служит инициативность европейской стороны, сосредоточенной исключительно на экономическом взаимодействии с Японией и практически игнорировавшей все остальные возможные области сотрудничества. Как отмечает японский эксперт в области международных отношений Цуруока Митито, в атмосфере постоянной фиксации на проблемах торгового дисбаланса было сложно развивать политические отношения. Во-первых, все отведенное на совещания время уходило на обсуждение экономических проблем, поэтому на вопросы дипломатического сотрудничества физически не хватало времени. Во-вторых, европейская сторона воспринимала попытки Токио обсудить политические вопросы с подозрением и считала, что Япония хочет перевести тему, чтобы «заболтать» актуальные проблемы [Tsuruoka 2006, p. 374–375].

Наиболее заметными событиями, иллюстрирующими позицию ЕЭС в отношении Японии, стали «шок Доко» 1976 г.; утечка в 1979 г. внутреннего документа ЕЭС, в которой японцев характеризовали как «трудоголиков», живущих в «кроличьих норах»; «инцидент Пуатье» 1982 г.

¹ Нетарифные барьеры (меры) включают меры, применяемые при пересечении границ, например таможенные процедуры, а также меры, применяемые в стране-импортере, например, в отношении сертификации, фитосанитарного контроля, защиты интеллектуальных прав и др.

«Шок Доко» (яп. 土光ショック *доко: сёкку*) – это закрепившееся в историографии название эффекта, который произвела бизнес-миссия Японии в ЕЭС 1976 г. под руководством известного в то время бизнесмена Доко Тосио (яп. 土光敏夫 *Доко: Тосио*), главы Федерации экономических организаций Японии *Кэйданрэн* (яп. 経団連, сокр. от 日本経済団体連合会 *нихон кэйдзай дантай рэнго:кай*). Подобные миссии регулярно отправлялись в ЕЭС для стимулирования экономических связей и решения отдельных проблем. Известность миссия Доко получила по той причине, что именно на нее обрушилась неожиданная по своей интенсивности критика со стороны европейских политиков и бизнесменов. Европейцы обвиняли Японию в слишком быстром наращивании экспорта при том, что она не обеспечивала возможности для аналогичного роста европейского экспорта. Обвинения европейской стороны касались главным образом роста японского экспорта в пяти высокотехнологичных отраслях, которые европейские страны считали особенно чувствительными из-за роста безработицы: автомобили, электроника, производство шарикоподшипников, сталелитейная отрасль и кораблестроение [Wilkinson 1980, p. 206–207].

В Японии этот эпизод способствовал тому, что проблема дисбаланса японо-европейской торговли начала освещаться в публичном пространстве [Conte-Holm 1996, p. 29–30]. По возвращении в Японию Доко убедил премьер-министра Мики Такэо (яп. 三木武夫, 1974–1976) в неотложности проблемы торгового дисбаланса, что привело к ужесточению ограничений в пяти указанных отраслях². С 1976 г. проблема дисбаланса торговли с ЕЭС вышла на межправительственный уровень и стала активно освещаться в СМИ: тогда в прессе отношения Японии и ЕЭС начали характеризовать как «торговые противоречия», а иногда и «торговые войны» [Wilkinson 1980, p. 208].

Следующим по хронологии инцидентом, отразившим накал противоречий, стала утечка рабочего документа чиновников ЕЭС в 1979 г. Ставший достоянием общественности отчет о причинах торгового дисбаланса с Японией включал такие определения японцев, как «трудоголики, живущие в кроличьих норах»» (англ. workaholics living in rabbit hutches, яп. ウサギ小屋に住む働き中毒, *усаги коя-ни суму хатаракитю:доку*), что вызвало волну недовольства в Японии.

Британский японовед Э. Уилкинсон, служивший в токийской миссии ЕЭС в 1974–1979 гг., отмечал, что, хотя этот доклад запомнился японцам в первую очередь обидными определениями, на самом деле он содержал развернутую критику европейской производственной и торговой практики в отношении Японии, а также подчеркивал, что положительный торговый баланс Японии вытекает из большей конкурентоспособности японцев [Wilkinson 1980, p. 222].

Той же позиции придерживался и вице-президент комиссии ЕЭС, член комиссии по внешним связям Вильгельм Хаферкамп (1977–1985 гг.). По его словам, обвинения европейцев в нарушении японцами правил торговли, применении нетарифных барьеров, демпинге и т.д. были безосновательны, а корень отставания европейских компаний лежал в большей эффективности японских предприятий. Задачей европейцев он видел изучение методов организации производства в Японии, которые можно перенести на европейскую почву [Хаферкамп 1982, с. 182–184].

Проблематика необходимости учиться у японцев имеет интересную историческую подоплеку. После «открытия» Японии в 1854–1855 гг. коммуникация между японцами и европейцами строилась по линии ученик-учитель, где позицию «учителей» несколько десятилетий, вплоть до 1920-х – 1930-х гг., занимали европейцы. Снисходительность, присущая «учителю» перед пусть способным, но все же учеником, европейцы сохранили вплоть до послевоенного времени, несмотря на поражения, понесенные европейскими

² Добровольные ограничения экспорта уже действовали в сталелитейной отрасли, производстве электроники и автомобилей.

войсками, в особенности британскими, от Японии на начальном этапе Второй мировой войны. Только к концу 1970-х гг. страны Западной Европы начали признавать, что им самим есть чему учиться у Японии. Тем не менее, конфликты на почве торговли продолжались еще некоторое время.

В 1982 г. произошел т. н. инцидент Пуатье. Французские власти отказались выдать разрешение на выгрузку 200 тыс. японских видеомагнитофонов на территории Франции. Всю партию перенаправили в небольшую внутреннюю таможню в г. Пуатье, что значительно усложнило реализацию товара и увеличило ее сроки. Это была попытка сдержать наплыв дешевой японской электроники: в частности, японские видеомагнитофоны к тому моменту занимали более половины всего европейского рынка [Nelson 2012, p. 344]. Выбор таможни был неслучаен: в 732 г. в битве при Пуатье войска под предводительством Карла Мартелла остановили проникновение арабов в Западную Европу, что давало повод для недвусмысленных ассоциаций. «Инцидент Пуатье» не был единичным случаем: французские власти распорядились применять данную практику ко всем товарам, импортируемым из Японии.

Сформулировать основные предпосылки торговых конфликтов можно таким образом:

1. Японский экспорт в 1970-х – 1980-х гг. рос значительно быстрее европейского, что отражало более высокую эффективность японских предприятий. Особенно остро это проявлялось в чувствительных для европейцев областях: сталелитейной, кораблестроении, автомобилестроении, производстве бытовой электроники; позже – машиностроении, фармацевтике, производстве телекоммуникационного оборудования.

2. Закрытость японского рынка делала европейские товары на японском рынке менее конкурентоспособными, чем японские на европейском, однако это лишь отчасти объясняло рост торгового дисбаланса.

3. Нежелание европейцев изучать менталитет японцев, структуру японского внутреннего рынка осложняло задачу проникновения европейских товаров и сводило все переговоры к односторонним требованиям ЕЭС менять регулирование рынка или искусственно ограничивать экспорт.

Попытки решения торговых споров

На пути решения существовавших проблем европейская сторона предпринимала разнообразные меры, чтобы добиться уравновешенного торгового баланса. Условно их можно разделить на те, что направлены на ограничение японского импорта в ЕЭС, и, напротив, на стимулирование европейского экспорта.

Меры, направленные на ограничение японского импорта в ЕЭС

1. Количественные ограничения на национальном уровне.

Национальные количественные ограничения на импорт японской продукции были зафиксированы в договорах, подписанных между Японией и отдельными европейскими странами в 1962–1964 гг. [Gilson 2000, p. 17]. Эти договоры должен был заменить рамочный договор между Японией и Европейской комиссией, которая с 1 января 1970 г. начала представлять интересы всех шести стран ЕЭС³.

В ходе переговоров 1970–1972 гг. европейцы предлагали практически полностью открыть свой рынок в ответ на аналогичную меру со стороны Японии, а также ввести механизм проверки и устранения т. н. нетарифных мер. Переговоры были прерваны в 1972 г.: европейская сторона настаивала на включении в соглашение «защитительной оговорки»⁴, что

³ На тот момент в ЕЭС входили Франция, Германия, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург.

⁴ «Защитительная оговорка» — это условие в договоре, согласно которому европейские страны могли вводить дополнительные ограничения на ввозимые из Японии товары, если их наплыв создает затруднения для реализации собственной продукции на внутреннем рынке. Такие оговорки были включены в торговые соглашения

было неприемлемо для Японии [Hardy 2015, p. 28]. Таким образом, экономические отношения между Японией и ЕЭС продолжили развиваться без рамочного документа, а на национальном уровне сохранялась практика количественных ограничений японского импорта.

2. Подписание заявления Усиба – Хаферкамп 1978 г.

Первым развернутым японо-европейским документом стало Совместное заявление, подписанное 27 марта 1978 г. министром Японии по внешнеэкономическим вопросам Усиба Нобухико (яп. 牛場信彦, 1977–1979 гг.) и вице-президентом комиссии ЕС, членом комиссии по внешним связям Вильгельмом Хаферкампом⁵. Заявление содержало обязательства Японии обеспечить экономический рост в 1978 г.⁶ за счет внутреннего роста, а не наращивания экспорта, сократить активное сальдо платежного баланса на треть по сравнению с 1977 г., сократить дисбаланс в торговле с ЕЭС к осени 1978 г., ликвидировать часть нетарифных мер, препятствовавших импорту из стран блока.

Однако эти обещания не были юридически обязывающими. Поэтому единственным результатом подписания заявления было удовлетворение сторон: европейцы получили письменное признание, что проблемы в торговых отношениях все же существуют, и хотя бы теоретическую возможность призвать Японию к ответу на основании письменных обещаний. Японцев же устраивало то, что они, продемонстрировав желание решить накопившиеся проблемы, так и не взяли на себя никаких реальных обязательств. Как видно по данным Табл. 1, ни в 1978, ни в 1979 г. сокращения дисбаланса в японо-европейской торговле не произошло.

3. Вынесение торгового спора на обсуждение ГАТТ в 1982 г.

Кульминацией торговых трений стало требование руководства ЕЭС провести консультации с Японией в рамках ГАТТ в марте 1982 г., что вывело японо-европейский конфликт на международный уровень.

Японским властям были предоставлены письменные свидетельства, которые подтверждали нарушения японской стороной принципов ГАТТ на основании статьи XXIII Генерального Соглашения, озаглавленной «Аннулирование или сокращение выгод». В представленных материалах, подготовленных на основе обширного анализа японских источников и статистики, руководство ЕЭС заявляло, что у Японии более низкий, чем у других развитых стран уровень импорта промышленной продукции: 2,5% ВВП в 1981 г. против 5,7% у ЕЭС и 5% у США. Закрытость японского рынка объяснялась существованием явных и неявных торговых барьеров, нетарифных барьеров, доминированием крупных экономических групп *кэйрэцу* в производстве и дистрибуции товаров, что затрудняло иностранным поставщикам налаживание каналов продаж⁷.

Переговоры проводились трижды: 17–18 мая, 9–10 июля, 11–12 сентября 1982 г., однако не дали ожидаемого ЕЭС результата. В апреле 1983 г. руководство ЕЭС запросило Совет ГАТТ создать рабочую группу, чтобы третья сторона могла проверить ситуацию на соответствие требованиям организации⁸.

Тем не менее, в результате консультаций сторонам удалось достигнуть некоторых компромиссных решений.

Японии и отдельных западноевропейских стран 1960–1962 гг.

⁵ EC and Japan Issue Joint Statement on Trade. April 5, 1978. http://aei.pitt.edu/60065/1/BN_7.78.pdf (дата обращения: 23.08.2023).

⁶ В Японии финансовый год начинается 1 апреля, поэтому имело смысл брать обязательства на год в конце марта.

⁷ Japan – Nullification or Impairment of the Benefits Accruing to the EEC under the General Agreement and Impediment to the Attainment of GATT Objectives. April 8, 1983. P. 1–3. <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/GG/L5599/5479.PDF&Open=True> (дата обращения: 30.08.2023).

⁸ Ibid., p. 4.

Япония согласилась начать переговоры по введению добровольных ограничений на экспортные поставки ряда товаров, которые были признаны комиссией ЕЭС наиболее «чувствительными».

Переговоры проходили в январе – феврале 1983 г. между представителями комиссии ЕЭС и японского Министерства внешней торговли и промышленности в атмосфере строгой секретности, поскольку не все договоренности предполагалось предавать огласке. Комиссия просила японскую сторону о «модерировании» экспорта для того, чтобы дать возможность европейским производствам провести реструктуризацию и повысить конкурентоспособность. В список таких «чувствительных» товаров вошли видеомэгафоны, трубки для цветных телевизоров, станки с числовым программным управлением, автомобили, малотоннажные грузовики, вилочные автопогрузчики, мотоциклы и кварцевые часы [Mohler and Van Rij 2015, p. 62–63].

Сторонам удалось достичь согласия по количественному ограничению японского импорта, однако Япония была готова выполнять договоренности только в том случае, если во Франции прекратится «практика Пуатье», слушания в рамках ГАТТ относительно статьи XXIII будут свернуты, а Европейская комиссия сделает все возможное, чтобы в отдельных европейских странах были отменены индивидуальные ограничения на ввоз японских товаров. Например, максимальный импорт японских автомобилей во Франции был ограничен до 3% регистрируемого нового автотранспорта, в Италию – до 3,3 тысяч автомобилей в год [Молодякова 2008, с. 194]. Европейцы удовлетворили два первых требования⁹, а конец ограничениям на импорт в отдельные европейские страны был положен только в марте 1989 г., что стало результатом отдельных переговоров [Кеск 2015, p. 95–96].

Меры, направленные на стимулирование европейского экспорта в Японию

4. Организация программ, направленных на изучение японского рынка и рост экспорта ЕЭС в Японию.

Одним из способов продвижения своих товаров на японский рынок стала организация различных программ, направленных на информирование европейских бизнесменов о японских торговых практиках, укрепление деловых связей. Одной из первых в 1979 г. была запущена Программа подготовки руководителей. В 1987 г. был открыт Центр промышленного сотрудничества между Японией и ЕС, в 1990 г. запущена программа «Ворота в Японию». Также открывались информационные центры и семинары для компаний, которые нацелены на расширение бизнеса в Японии, организовывались торговые миссии в Японию, создавались отраслевые ассоциации между японскими и европейскими компаниями, первой из которых стала ассоциация производителей электроники.

Были и частные инициативы отдельных европейских стран. Например, в 1988 г. министерство торговли Великобритании совместно с японскими деловыми кругами начало кампанию «Возможности Японии», в результате которой британский экспорт в Японию удвоился [Conte-Holm 1996, p. 39]. В дальнейшем, в 1990-х гг., такая практика получила еще большее развитие, хотя и не была достаточной для того, чтобы коренным образом изменить баланс в японо-европейской торговле.

Для снижения напряженности японо-европейские отношения нуждались в создании соответствующих институтов, которые бы позволили наладить регулярный диалог и решать острые вопросы не в «ручном» режиме, а на основе разработанных правил. Несмотря на насущную необходимость, Япония и ЕЭС в течение 1970-х – 1980-х гг. с трудом шли к созданию

⁹ Деятельность рабочей группы в рамках ВТО была прервана. Источник: GATT Dispute Settlement System. November 10, 1989. P. 74. <https://www.worldtradelaw.net/document.php?id=history/urdsu/W4R1.pdf&mode=download> (дата обращения: 30.08.2023).

таких механизмов на фоне приоритета экономических вопросов над политическими. Тем не менее, политические вопросы в течение рассматриваемого периода все же появлялись, хоть о полноценном диалоге говорить было рано.

Формирование политического диалога на фоне торговых конфликтов

Причин, по которым политический диалог развивался вяло, кроме указанного желания европейцев фокусироваться только на экономике, было несколько:

1. ЕЭС и Япония относятся к разным регионам мира, и в течение всего периода 1970-х – 1980-х гг. они были сосредоточены на региональных вопросах. Очевидных острых проблем, характерных для соседних стран, которые бы требовали регулярных контактов (например, проблема территориального размежевания, общая региональная угроза, миграционная проблема), у Японии и стран ЕЭС не было.

2. И Япония, и страны ЕЭС в течение всего периода были ориентированы на США, которые полностью закрывали их потребности в обеспечении безопасности, что снимало необходимость в поиске альтернативных союзников.

Тем не менее, Японию и ЕЭС объединял фактор холодной войны: оба актора были единомышленниками с США в их борьбе с коммунистической угрозой. Именно это в конечном счете и стало катализатором для выстраивания политической повестки.

В период 1970-х – 1980-х гг. отношение Японии к ЕЭС как интеграционному образованию было неопределенным: японской стороне было удобнее, привычнее и понятнее иметь дело с ведущими европейскими государствами на двусторонней основе [Conte-Holm 1996, p. 28–29]. Европейский проект в глазах руководства Японии еще должен был доказать свою дееспособность. При этом Япония чувствовала необходимость в том, чтобы диверсифицировать политические связи, сосредоточенные исключительно на США.

В 1973 г. к ЕЭС впервые присоединились новые страны: Великобритания, Дания и Ирландия, увеличив число государств-членов до девяти. Вступление в ЕЭС Великобритании значительно упрочило позиции этого объединения в глазах Японии, поскольку эта страна традиционно являлась ее ключевым партнером в регионе, будучи ближайшим союзником США.

Первые попытки налаживания диалога по вопросам, выходящим за рамки торгового сотрудничества, предпринимались в 1970-х гг.

В мае 1973 г. по результатам визита министра иностранных Японии Охира Масаёси (яп. 大平正芳, 1972–1974 гг.) в Брюссель было выпущено совместное коммюнике, в котором затрагивались не только традиционные вопросы торгового урегулирования, но и перспективы возможного сотрудничества по линии Восток-Запад, расширения ЕЭС, а также финансовый и энергетический блоки. Тогда же было решено учредить регулярные консультации на высшем уровне между комиссией ЕЭС и Правительством Японии каждые полгода для решения торгово-экономических вопросов [Gilson 2000, p. 26–27].

В октябре 1974 г. открылась постоянная миссия ЕЭС в Токио, в 1979 г. – постоянная миссия Японии в Брюсселе. Начиная с 1978 г. проводились ежегодные встречи между представителями Японии и Европейского Парламента [Frattolillo 2016, p. 36].

Зарождение японо-европейского политического диалога можно отнести к началу 1980-х гг.

Первыми скоординированными внешнеполитическими решениями стали совместное с США бойкотирование Олимпийских игр в Москве в 1980 г. и введение экономических санкций против СССР в ответ на ввод советских войск в Афганистан [Iwanaga 2000, p. 31]. Несколько крупных международных событий этого периода также способствовали зарождению

и развитию политического диалога: это ирано-американский кризис 1979 г. и ракетный кризис в Европе в середине 1980-х гг.

В ответ на захват заложников иранскими радикалами в американском посольстве в Тегеране 4 ноября 1979 г. ЕЭС и Япония, как ближайшие союзники США, также должны были выразить свою оценку произошедшему. Если Вашингтон полностью разорвал отношения с Тегераном и заморозил иранские активы в США, реакция Брюсселя и Токио была более сдержанной, хотя и солидарной. Новым явлением стала выработка совместного решения между ЕЭС и Японией. В апреле 1980 г. послы Японии и стран-членов ЕЭС в Тегеране выразили совместный протест в отношении президента Ирана. 21 апреля 1980 г. японский министр иностранных дел Окита Сабуро (大来 佐武郎, 1979–1980 гг.) с пятью европейскими коллегами согласовали ужесточение санкций против Ирана [Gilson 2000, p. 31].

В ходе ракетного кризиса в Европе, когда на советско-американских переговорах обсуждалась возможность ликвидации ядерных сил промежуточной дальности только с европейской территории, премьер-министр Японии того времени Накасонэ Ясухиро (中曾根康弘, 1982–1987 гг.) выступил жестко против этой идеи. Он заявил, что в результате принятия стратегии «европейского нуля» вместо «глобального нуля» Советский Союз может передислоцировать ядерный потенциал с европейского военного театра на азиатский, что создаст существенную угрозу для безопасности Японии. Решение было найдено на саммите Большой семерки 1983 г. в г. Уильямсбург, США, когда лидеры европейских стран, США и Японии совместно пришли к заключению о том, что безопасность стран Семерки является «неразделимой». Впоследствии, на советско-американских переговорах 1987 г. стороны сошлись на концепции «глобального нуля» [Tsuruoka 2006, p. 378].

В течение 1980-х гг. состоялся ряд переговоров, направленных на выработку общих позиций. Такие переговоры, например, прошли в январе 1983 г., когда в повестку входили, в том числе, вопросы взаимоотношений со странами третьего мира, инициативы в области науки, окружающей среды, энергетики. В марте 1983 г. было решено учредить регулярные встречи на уровне министров иностранных дел Японии и страны-председателя ЕЭС с периодичностью раз в полгода [Мукал 2011, p. 55–56].

Резкое изменение международной обстановки в 1989–1991 гг. в связи с распадом СССР и всего социалистического блока означало окончание холодной войны и масштабную перестановку сил во всем мире. В изменившейся международной обстановке стало возможным подписание первого всеобъемлющего соглашения между Японией и ЕС, который подвел своеобразный итог развитию отношений в 1970-х – 1980-х гг. – Гаагской декларации.

Гаагская декларация: начало институционализации отношений

Совместная декларация об отношениях между Европейским Сообществом и его государствами-членами и Японией, известная как Гаагская декларация, была подписана 18 июля 1991 г. Подписание документа стало важным шагом в развитии японо-европейского диалога: он задал четкую структуру политическому диалогу и ясно очертил принципы взаимодействия. Созданию и подписанию документа способствовали несколько обстоятельств.

Во-первых, торговые разногласия между Японией и ЕЭС сохранялись, а действенного механизма для управления торговыми отношениями и смягчения трений по-прежнему не существовало.

Во-вторых, в то время как двусторонние связи Японии с отдельными европейскими государствами развивались достаточно активно, взаимодействие с ЕЭС как единым надгосударственным образованием пребывало в неопределенном состоянии. Длительные, но несистематические контакты нуждались в официальном оформлении [Gilson 2000, p. 91–92].

Во время саммита «Большой семерки» 1990 г. в Хьюстоне, США, представители японской делегации узнали о планах по заключению декларации между ЕЭС и США, которая устанавливала организационные рамки для взаимодействия между двумя сторонами, определяла основные сферы сотрудничества¹⁰. Японское Министерство иностранных дел выдвинуло аналогичное предложение Европейской комиссии, известное как «предложение Овада» по фамилии ответственного за него заместителя министра иностранных дел Японии Овада Хисаси (小和田恆, 1989–1991 гг.). На основе «предложения Овада» и началась работа над текстом декларации [Keck 2015, p. 112–113].

Гаагскую декларацию в утвержденной редакции подписали во время первого саммита Япония-ЕЭС 18 июля 1991 г.¹¹

В политической сфере были приняты следующие принципы:

- содействие урегулированию международных и региональных конфликтов и укреплению ООН и других международных организаций;
- поддержание социальной системы, основанной на свободе, демократии, верховенстве закона, защите прав человека и рыночной экономике;
- расширение политических консультаций и, насколько это возможно, координации внешнеполитических решений, которые могут повлиять на сохранение мира и стабильности, включая вопросы международной безопасности, такие как нераспространение ядерного, химического и биологического оружия, нераспространение ракетных технологий и международного трансфера обычных вооружений.

В сфере глобальной политики стороны договорились:

- поддерживать стремление развивающихся стран, особенно беднейших из них, достичь прогресса в политическом и экономическом развитии;
- объединять усилия перед лицом глобальных вызовов, таких как вопросы охраны окружающей среды, сохранение природных ресурсов и энергоносителей, терроризм, международная преступность и торговля наркотиками.

В качестве регионов, представлявших интерес для обеих сторон, указывались Центральная и Восточная Европа на одной части Евразийского континента и Азиатско-Тихоокеанский регион – на другой.

Можно констатировать, что декларация носит достаточно общий характер, содержит известные принципы и идеи. В этом смысле ее принятие вряд ли можно назвать реальным прорывом в отношениях между Японией и ЕЭС. Главный смысл, который содержался в этом документе, – создание настоящей, прочной институциональной основы для дальнейшего развития двусторонних контактов, а также системы, в которой могли более конструктивно решаться торговые споры.

Практическое значение имел консультационный механизм, введшийся для реализации указанных целей декларации. Он включал:

1. Ежегодные саммиты поочередно в Европе и Японии, в которых участвуют, с одной стороны, президент Европейского Совета и президент Европейской комиссии, и, с другой стороны, премьер-министр Японии;
2. Ежегодные встречи на министерском уровне между представителями Европейской комиссии и Правительства Японии;
3. Проводимые дважды в год консультации между министром иностранных дел Японии и «внешнеполитической тройкой» ЕС, в которую входят два министра от стран ЕС и член Европейской комиссии, отвечающий за внешнеполитические связи;

¹⁰ Речь идет о Трансатлантической декларации, заключенной между ЕЭС и США в 1990 г.

¹¹ Joint Declaration on Relations between The European Community and its Member States and Japan. July 18, 1991. <https://www.mofa.go.jp/region/europe/eu/overview/declar.html> (дата обращения: 31.08.2023).

4. Проведение регулярных брифингов с обеих сторон по ключевым вопросам внешней политики.

В дальнейшем Япония и ЕС приняли ряд документов, конкретизирующих их позиции. В 1995 г. Европейская комиссия опубликовала доклад «Европа и Япония: следующие шаги»¹², в котором при наличии политической повестки очевидный упор делался на экономическую составляющую. Также был принят ряд отдельных совместных программ Японии с крупнейшими странами ЕС – Великобританией, Германией и Францией [Togo 2010, p. 271–273].

Главной заслугой подписания Гаагской декларации стал вывод отношений с обсуждения экономических конфликтов на более широкую платформу политических и глобальных вопросов. На этой основе Япония и ЕЭС продолжили строить диалог, который в течение 1990-х гг. потерял накал предыдущих десятилетий: экономическая ситуация «выровнялась» за счет успешной интеграции стран-членов ЕЭС в Европейский Союз и захватившей Японию с 1990 г. рецессии. Несмотря на то, что торговый баланс в первой половине 1990-х гг. продолжал сводиться в пользу Японии, готовность обеих сторон идти на компромиссы позволила вывести отношения на уровень бесконфликтного диалога, на котором они пребывают и сегодня.

Среди причин, позволивших Японии и ЕЭС прийти к политическому соглашению и сгладить противоречия 1970-х – 1980-х гг., можно назвать:

1. Важность европейского рынка для Японии, нуждавшейся во внешних рынках на фоне торговых споров с США и падением курса иены в 1971 г., а следовательно – готовность идти на компромиссы с требованиями руководства ЕЭС.

2. Япония, в течение рассматриваемого периода ориентированная на отношения почти исключительно с США, нуждалась в дружественных отношениях с альтернативными игроками, наиболее близкими из которых по степени политического и экономического развития были страны ЕЭС. Этому способствовало и то, что вес объединения в глазах руководства Японии постепенно рос с присоединением новых государств-членов.

3. Брюссель к концу 1980-х гг. пересмотрел свою позицию в отношении Японии: от защиты внутреннего рынка путем импортных квот и требований искусственного ограничения экспорта со стороны Японии европейцы перешли к стремлению изучить и понять Японию и японский рынок, чтобы более эффективно взаимодействовать с этой страной.

Заключение

Торговые конфликты, которые иногда характеризуют как «торговые войны», развернулись в 1970-х – 1980-х гг. из-за стремительного роста дефицита ЕЭС в торговле с Японией. Для гармонизации торговли руководство ЕЭС прибегало к различным формам стимулирования собственного экспорта в Японию и давления на партнера с целью ограничить японский экспорт в страны ЕЭС. Недовольство европейской стороной японскими торговыми практиками было отчасти справедливым – японский рынок действительно был более закрытым в сравнении с другими ведущими экономическими державами из-за применяемых нетарифных мер, внутренней структуры японского рынка, продиктованной традицией и историей страны, из-за государственного регулирования рынка. Однако встать на путь нормализации экономических отношений европейцам удалось лишь когда в политическом и экономическом истеблишменте ЕЭС созрело понимание того, что успех японцев связан не только с указанными «нечестными» с точки зрения европейцев практиками, но и объективными обстоятельствами – большей эффективностью японских предприятий и конкурентоспособностью японских товаров.

¹² Europe and Japan: the Next Steps. Communication from the Commission to the Council. March 8, 1995. <http://aei.pitt.edu/4316/1/4316.pdf> (дата обращения: 05.09.2023).

Возвращаясь к обозначенной во введении цели исследования, можно сформулировать факторы, которые воздействовали на японо-европейские отношения в 1970-х – 1980-х гг.

Установлению полноценного политического диалога между Японией и ЕЭС на фоне торговых противоречий препятствовали, во-первых, фиксация европейцев на торгово-экономических вопросах и сознательное игнорирование политических тем несмотря на стремление Японии включать в повестку вопросы более широкого спектра.

Во-вторых, большое значение имело отсутствие общей политической повестки, что проистекало из географии: принадлежность к разным регионам определяла разнородность внешнеполитических проблем, для решения которых можно было бы объединять усилия.

В-третьих, во внешней политике оба актора ориентировались на США, которые в достаточной мере обеспечивали их безопасность и снимали необходимость искать новые партнерства.

Институционализация отношений Японии и ЕЭС в 1991 г. стала возможна в условиях окончания холодной войны и первых попыток диверсифицировать политические связи. Также этому способствовало признание японской стороной субъектности ЕЭС благодаря расширению и успешной интеграции. Со стороны европейцев политическое сближение следовало за осознанием необходимости изучать японские торговые практики, японское общество, японскую политическую систему, чтобы облегчить решение торговых споров и выстроить конструктивный регулярный диалог.

Таким образом, путь Японии и ЕЭС от торговых войн к политическому соглашению лежал в углублении понимания друг друга, признании Японией самостоятельной роли ЕЭС в европейской политике и европейцами – эффективности японской экономической модели. Создание фундамента политических отношений с подписанием Гаагской декларации 1991 г. обеспечило развитие диалога в последующие десятилетия, лейтмотивом которого станет приверженность обеих сторон ценностям демократии и ориентация на США во внешней политике и безопасности. Сглаживание экономических противоречий в течение 1990-х гг. и отсутствие базовых противоречий – ценностных или территориальных конфликтов, проблем исторической памяти, приведет к установлению в 2000-х гг. лишнего глубокого наполнения, но равноправного и гармоничного диалога.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Журкин В.В. Структуры и инструменты внешней политики ЕС. *Европейский Союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность* / под ред. Ал.А. Громыко и М.Г. Носова. Москва: Весь мир. 2015. С. 15–28.
- Молодякова Э.В. Отношения Японии со странами Западной Европы. *Внешняя политика Японии: история и современность* / под ред. Э.В. Молодяковой. Москва: «Восточная литература» РАН. 2008. С. 190–207.
- Носов М.Г. ЕС-Япония: отношения без конфликтов. *Европа и Азия: экономика, политика, безопасность*. Москва: Институт Европы РАН: «Русский сувенир». 2010. С. 45–64.
- Хаферкамп В. Япония и ЕЭС: нелегкое партнерство. Реферат доклада, подготовленный Н. Н. Ивановой. *Обострение межимпериалистических противоречий (США-Западная Европа-Япония)*. Реферативный сборник. Москва: ИНИОН. 1982. С. 182–184.

REFERENCES

- Haferkamp, W. (1982). Yaponiya i EES: nelegkoe partnerstvo. Referat doklada, podgotovlenniy N. N. Ivanovoi [Japan and the EEC: Uneasy Partnership. Summary of the Report, Prepared by N. Ivanova]. In *Obostrenie*

- mezhimperialisticheskikh protivorechii (SSHA-Zapadnaya Evropa-Yaponiya). Referativnyi sbornik* [Exacerbation of Inter-Imperialist Contradictions] (pp. 182–184). Moscow: INION. (In Russian).
- Molodyakova, E. (2008). Otnosheniya Yaponii so stranami Zapadnoi Evropy [The Relations Between Japan and the Western European Countries]. In E. Molodyakova (Ed.), *Vneshnyaya politika Yaponii: istoriya i sovremennost'* [Japan's Foreign Policy: History and the Present Time] (pp. 190–207). Moscow: “Vostochnaya literatura” RAN. (In Russian).
- Nosov, M. (2010). ES-Yaponiya: otnosheniya bez konfliktov [EU-Japan: Relations Without Conflicts]. In M. Nosov, *Evropa i Aziya: ekonomika, politika, bezopasnost'* [Europe and Asia: Economics, Politics, Security] (pp. 45–64). Moscow: Institut Evropy RAN; “Russkii souvenir.” (In Russian).
- Zhurkin, V. (2015). Struktury i instrumenty vneshnei politiki ES [Structures and Instruments of the EU Foreign Policy]. In Al. Gromyko & M. Nosov (Eds.), *Evropeiskii Soyuz v poiske global'noi roli: politika, ehkonomika, bezopasnost'* [The European Union in Search for a Global Role: Politics, Economics, Security] (pp. 15–28). Moscow: Ves' mir. (In Russian).

* * *

- Conte-Holm, M. (1996). *The Japanese and Europe. Economic and Cultural Encounters*. Athlone.
- Frattoillo, O. (2016). *Diplomacy in EU-Japan Relations. From the Cold War to the Post-Bipolar Era*. Routledge.
- Gilson, J. (2000) *Japan and the European Union: A partnership for the twenty-first century*. Palgrave Macmillan.
- Hardy, M. (2015). 1970–1982: Growing difficulties and the GATT procedure. In J. Keck, D. Vanoverbeke, & F. Waldenberger (Eds.), *EU-Japan relations, 1970–2012: From confrontation to global partnership* (pp. 27–57). Routledge.
- Iwanaga, K. (2000). Europe in Japan's Foreign Policy. In B. Edstrom (Ed.), *The Japanese and Europe. Images and Perceptions*. Stockholm University Japan Library.
- Keck, J. (2015) 1987–1990: Keeping relations on an even keel. In J. Keck, D. Vanoverbeke, & F. Waldenberger (Eds.), *EU-Japan relations, 1970–2012: From confrontation to global partnership* (pp. 78–110). Routledge.
- Mohler, R., & Van Rij, J. (2015). 1983–1987: Export moderation as a panacea or can Japan change? In J. Keck, D. Vanoverbeke, and F. Waldenberger (Eds.), *EU-Japan relations, 1970–2012: From confrontation to global partnership* (pp. 58–77). Routledge.
- Mykal, O. (2011). *The EU-Japan Security Dialogue: Invisible but Comprehensive*. Amsterdam University Press.
- Nelson, P.A. (2012). The Lisbon Treaty effect: Toward a new EU-Japan economic and trade partnership? *Japan Forum*. 24(3), 339–368. <https://doi.org/10.1080/09555803.2012.699456>
- Togo, K. (2010). *Japan's foreign policy, 1945-2009: The quest for a proactive policy*. Brill.
- Tsuruoka, M. (2006). EU to nihon. Pātonāshipu-no kōzu [The EU and Japan. Partnership Pattern]. In T. Tanaka, K. Shōji (Eds.) *EU tōgō no kiseki to bekutoru. Toransunashanaruna seiji shakai chitsujo keisei-e no mosaku* [General development path and vector of the EU. In search for its place in the emerging transnational political order] (pp. 371–395). Keiō gijuku daigaku shuppansha. (In Japanese).
- Wilkinson, E. (1980). *Misunderstanding. Europe vs. Japan*. Chūōkōronsha.

Поступила в редакцию: 05.10.2023

Received: 05 October 2023

Принята к публикации: 22.01.2024

Accepted: 22 January 2024

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-74-97

Медвежий праздник и мир *инау* на Хоккайдо в описании Мацуда Дэндзюро 1799–1800 гг. (по материалам «Рассказов о северных варварах»)

А.В. Климов

Аннотация. Рукопись Мацуда Дэндзюро: (松田伝十郎, 1769–1843) «Рассказы о северных варварах» («Хокуидан», 北夷談) является ценным источником по истории российско-японских отношений, освоении японцами северных территорий, заселенных айнами, их отношений с японцами, меновой торговли. Письменный источник состоит из семи тетрадей. Мы пользовались той рукописью, что хранится в Государственном архиве Японии (Кокурицу ко:бунсёкан, 国立公文書館), учрежденном в 1971 г. Она размещена на официальном сайте архива¹. Время ее создания приходится на первые годы периода Бунсэй (文政, 1818–1831). В ней в хронологическом порядке описаны события с 1799 по 1822 г., когда Мацуда находился на службе в землях айнов. Рукопись написана скорописью. Во второй половине первой тетради «Рассказов» описаны медвежий праздник и мир *инау*. Текст сопровождается многочисленными зарисовками, которые дают дополнительную информацию, отсутствующую в самом тексте. Описания относятся к ноябрю-декабрю 1799 г. Мацуда был, вероятно, одним из первых, кто кратко изобразил праздник и разные по форме *инау*, и другие культовые предметы айнов. Для сравнения с описанием, сделанным японским чиновником, привлекаются мнения авторитетных отечественных исследователей по данным темам. Рукопись «Хокуидан» не переведена ни на один из европейских языков, за исключением русского. Автор настоящей статьи представил на суд читателей перевод отдельных фрагментов рукописи в главах коллективных монографий [Климов 2020, с. 214–254; Климов 2021, с. 277–334; Климов 2022, с. 151–170]. За основу перевода был взят текст рукописи, опубликованный в десятичной серии письменных памятников в четвертом томе «Собрания исторических материалов о жизни простого народа Японии» («Нихон сёмин сэйкацу сирё: сю:сэй», 日本庶民生活史料集成) в четвертом томе [Matsuda 1969, p. 77–175]. Кроме указанной серии, «Рассказы» были опубликованы в пятом томе шеститомной серии письменных памятников под названием «Библиотека: Северные Врата» («Хокумон со:сё», 北門叢書), изданном в 1972 г.

Ключевые слова: Мацуда, медвежий праздник, *инау*, айну, Апута/Абута, «Рассказы о северных варварах».

Автор: Климов Артем Вадимович, старший преподаватель кафедры японоведения, Институт востоковедения и африканистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (СПб) (адрес: 190068, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова д. 123а); ORCID: 0000-0002-3461-6677; E-mail: avklimov@hse.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Климов А.В. Медвежий праздник и мир *инау* на Хоккайдо в описании Мацуда Дэндзюро 1799–1800 гг. (по материалам «Рассказов о северных варварах») // Японские исследования. 2024. № 1. С. 74–97. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-74-97

¹ Рукопись «Рассказы о северных варварах» размещена на официальном сайте архива. <https://www.digital.archives.go.jp/file/1225358.html> (дата обращения: 28.08.2023).

The bear festival and the world of *inau* in Hokkaido as described by Matsuda Denjūrō 1799–1800 (Based on “Tales of the Northern Barbarians”)

A. V. Klimov

Abstract. The Manuscript by Matsuda Denjūrō 松田伝十郎 (1769–1843) "Tales of the Northern Barbarians" ("*Hokuidan*," 北夷談) is a valuable source on the history of Russian-Japanese relations, the development by the Japanese of the northern territories inhabited by the Ainu, relations and barter between them and the Japanese. The written source consists of seven notebooks. We used the manuscript that is kept in the National Archives of Japan (*Kokuritsu Kōbunshokan*, 国立公文書館), established in 1971. The material is posted on the official website of the archive. The time of its creation falls on the first years of the Bunsei 文政 era, which lasted from 1818 to 1831. It describes the events from 1799 to 1822 in chronological order, i.e., the events that occurred during the 24 years of Matsuda's service in the lands of the Ainu. The manuscript is written in cursive (Japanese: "grass writing," *sōsho* 草書). The second half of the first book of the "Stories" deals with the bear festival and the world of *inau*. The text is accompanied by numerous sketches. Matsuda was probably one of the first who briefly described the festival and various *inau*, cult objects of the Ainu. For comparison with the statements of the Japanese official, the opinions of authoritative Russian researchers on these topics are used. The illustrations in the manuscript are of great value. They provide additional information that is missing from the text itself. Matsuda's descriptions refer to November – December 1799. The "*Hokuidan*" manuscript has not yet been translated into any of the European languages, with the exception of Russian. The author of this article provides translations of fragments of the written source in the chapters of published collective monographs [Klimov 2020, pp. 214–254; Klimov 2021, pp. 277–334; Klimov 2022, pp. 151–170]. The translation was carried out from the published text of the Japanese manuscript in the ten-volume series of written monuments titled Collection of Historical Materials About the Life of the Common People of Japan (*Nihon shomin seikatsu shiryō shūsei* 日本庶民生活史料集成) in the fourth volume [Matsuda 1969, pp. 77–175]. In addition to this series, the "Stories" were published in Old Japanese in the fifth volume of a six-volume series of written monuments called Library: Northern Gate (*Hokumon sōsho* 北門叢書), published in 1972.

Keywords: Matsuda, bear festival, *inau*, Ainu, Aputa/Abuta, “Tales of the Northern Barbarians.”

Author: Klimov Artyom V., Senior Lecturer, Department of Japanese Studies, Institute of Oriental and African Studies, National Research University Higher School of Economics (Saint Petersburg) (address: Russia 190068, Saint Petersburg, Kanala Griboyedova Emb., 123a). ORCID: 0000-0002-3461-6677; E-mail: avklimov@hse.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Klimov, A.V. (2024). Medvezhii prazdnik i mir *inau* na Khokkaido v opisaniï Matsuda Dendzyuro 1799–1800 gg. (po materialam «Rasskazov o severnykh varvarakh») [The bear festival and the world of *inau* in Hokkaido as described by Matsuda Denjūrō 1799–1800 (Based on “Tales of the Northern Barbarians”)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 1, 74–97. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-74-97

Введение

Мацуда Дэндзю:ро: (松田伝十郎, 1769–1843) – чиновник низкого ранга военного правительства (*бакуфу* 幕府), которого послали осваивать земли, заселенные айнами на Хоккайдо, Сахалине и южных островах Курильской гряды, именуемых «землями варваров» (*эдзоти* 蝦夷地). Он работал в непосредственном контакте с местным населением. Поэтому его дневниковые записи под названием «Рассказы о северных

варварах» («*Хокуидан*» 北夷談, далее «Рассказы») содержат ценную информацию для исследователей, занимающихся российско-японскими отношениями и освоением японцами земель айнов в самом начале XIX в.

В той части «Рассказов», которая посвящена службе Мацуда в Хакодате и его окрестностях, он упоминается под именем Дзинсабуро: (仁三郎) – имя отчима, которое ему перешло после смерти последнего. За основу был взят текст рукописи на старояпонском языке, опубликованный в 1969 г. в «Собрании исторических материалов о жизни простого народа» [Matsuda 1969, p. 77–175]. Рассматриваемые события 1799–1800 гг. отражены на страницах 83–94 печатного текста письменного памятника вместе с черно-белыми иллюстрациями. Также была привлечена и сама рукопись (страницы 86–165) в цифровом варианте, которая хранится в фонде Кабинета министров под шифром 35114 (найкаку бунко 35114, 内閣文庫35114) Государственного архива Японии (Кокурицу ко:бунсёкан, 国立公文書館). В самой рукописи рисунки представлены в цветном изображении. До сих пор нет перевода «Рассказов» на западноевропейские языки, а также отсутствуют подробные исследования, посвященные этому источнику. Западные европейские и американские исследователи только упоминают имя Мацуда Дэндзю:ро:, чаще всего в связи с Мамия Риндзо: (間宮林蔵, 1780–1844), которому отдают пальму первенства в открытии того, что Сахалин является не полуостровом, а островом.

1-го дня 1-й луны 12-го года периода Кансэй (寛政, 25 января 1800 г.) во исполнение приказа сёгуна клан Мацумаэ передал земли [Восточных] варваров² под прямое управление военному правительству. Автор «Рассказов» называет два пункта на линии разграничения Восточных земель: поселения *Сириути-мура* (知内村)³ на одноименной реке и *Мицуиси* (ミツイシ)⁴.

В связи с этим согласно распоряжению, пришедшему из Эдо, Мацуда получил приказ от О:та Дзю:эмон (太田十右衛門), О:сима Эйджиро: (大島栄次郎), Мидзукоси Гэмбээ (水越源平衛) остаться на зимовку на Хоккайдо и подготовиться к ведению закупок в айнских поселениях от *Васи-но ки* (鷲の木)⁵ до *Хоробэцу* (ホロベツ)⁶. Мацуда вместе с Тояма Мотодзю:ро: в 15-й день

² Нынешний Хоккайдо был разделен на собственно японские земли клана Мацумаэ полуостров Осима в южной части острова, на «Восточные земли варваров» (хигаси эдзоти 東蝦夷地), часть Хоккайдо, обращенная к Тихому океану, а также острова Кунашир и Итуруп и «Западные земли варваров», часть острова, обращенная к Охотскому морю. Сахалин (японцы называли его Карафутто) получил название «Северные земли варваров» (Кита эдзоти 北蝦夷地) или же «Дальние земли варваров» (Оку эдзоти 奥蝦夷地). После незавершенной буржуазной революции Мэйдзи в 1869 г. появился топоним Хоккайдо.

³ Топоним *Сириути* (知内) этимологически восходит к двум словам айнского языка: *тири* (チリ) • *оти* (オチ), со значением: место, где соколы водятся. К слову сказать, сокол является ныне одним из символов городского поселения *Сириути-тё:*.

⁴ Топоним *Мицуиси* (ミツイシ) восходит к айнскому слову в японском произношении *питтоуси* (ピットウシ) – «земля, полная мелких камней». В настоящее время это название местности пишется иероглифами 三石 или же 三ツ石 (в дословном переводе: «три камня»). Собственно владения клана Мацумаэ первоначально ограничивались небольшой территорией полуострова *Осима-ханто:* (渡島半島). Местечко *Мицуиси* находилось на границе владений даймё Мацумаэ, отсюда начинались земли «варваров», то есть айнов. Со второй половины периода Эдо (1603–1868) Мицуиси административно стало относиться к «Восточным землям варваров» (хигаси эдзоти 東蝦夷地).

⁵ Топоним дан в иероглифическом написании в отличие от многих других случаев. Сбоку мелким шрифтом письменными знаками азбуки *хируганы* дано чтение *окуруиганой*.

⁶ Редкий случай. В тексте «Рассказов», как правило, Мацуда не ставит значки озвончения. Но в этом случае над письменным знаком хэ へ поставлен значок *полунигори* (*хандаку омпу* 半濁音符) и должен в этом случае читаться как *пэ*, а не へ или *бэ* べ. Нам известно, что довольно часто слово «река» (на айнском языке *бэцу* べつ), завершает топонимы на японском языке. Поэтому, вероятно, было бы логично предположить, что следует читать название этой местности как *Хоробэцу* (ホロベツ). В подтверждении этой мысли мы можем найти на современной карте Хоккайдо городское поселение под этим названием, но в иероглифическом написании 幌別. Однако, в толковом словаре «Нихон дайхякка дзэнсё», 日本大百科全書 (Ниппоника ニッポニカ) дается

10-й луны 11-го года девиза правления Кансэй (寛政, 12 ноября 1799 г.) покинул *Хакодатэ*. Из-за начавшегося большого снегопада, они в тот день были вынуждены остановиться в деревне *О:но-мура* (大野村). После окончания снегопада они отправились в горную местность *Каябэ* (カヤベ, ныне в иероглифическом написании 茅部), убедились в правильности логистики маршрутов, определили места складов и сторожевых постов на торговых участках. Мацуда и Тояма остались на зимовку в местности под названием *Апута* (アプタ). Мацуда приводит иероглифическое написание этого топонима (虻田), подобранное по близкому звучанию: *абу* (虻) – *слепень* и *та* (田) – *рисовое поле*. [Matsuda 1969, p. 83]. Но при этом бином будет читаться уже как *Абута*, а не *Апута*. Этимологически название местности восходит к айнскому слову в японском произношении *Апута-нэцу* (река, создающая рыболовные крючки)⁷. Мацуда нес службу в означенной местности с 31 октября 1799 г. по 1 января 1801 г. В период Эдо (1603–1868) здесь занимались животноводством.

Медвежий праздник

Описанию медвежьего праздника⁸ отведен один фрагмент в рукописи, который можно назвать абзацем. В его начале в тексте сделан отступ и над ним стоит иероглиф «один» (*ити* 一), обозначающий начало нового абзаца следующей темы. Сначала идет текст, потом – рисунки. В опубликованном виде «Рассказов» иллюстрации приводятся в черно-белом варианте плохого качества. Детали практически не считываются. Поэтому мы воспроизводим их в цветном варианте, по возможности, вместе с текстом на них, взятом из рукописи, хранящейся в Государственном архиве Японии. Рисунки несут дополнительную информацию к тексту и визуализируют наиболее важные и непонятные для непосвященных сцены праздника, которые трудно передать словами. Мацуда подчеркивает важность этого обряда в жизни варваров (идзин 夷人).

В рукописи в абзаце, предшествующем описанию праздника, сообщается, что Мацуда вместе с сослуживцем Тояма Мотодзю:ро: остановились на зимовку в селении Апута. В первом предложении следующего абзаца сообщается: «Говорят, что не только в этом месте (то есть Апута. – *А.К.*), но и во всех землях варваров, проводят этот праздник» [Matsuda 1969, p. 83]. С определением точной даты возникают затруднения. Автор «Рассказов» ее не указывает. Мацуда пишет, что он с сослуживцем покинул Хакодатэ в 15-й день 10-й луны 11-го года периода Кансэй (12 ноября 1799 г.). Но дату прибытия в Апута и время проведения праздника не сообщает. Однако Мацуда отмечает, что айны на Хоккайдо проводят медвежий праздник в 10-ю или 11-ю луну, что соответствует промежутку времени с 29 октября по 25 декабря 1799 г. (1-й день 10-й луны 11-го периода Кансэй приходится на 29 октября, а последний, 29-й, день этой же луны – на 26 ноября 1799 года). В случае же с 11-й лунной, состоящей из 29-ти дней, – это с 27 ноября по 25 декабря 1799 г. Скорее всего, праздник проходил во второй половине ноября после прибытия Мацуда в Апута. Можно констатировать, что его описание праздника было, если не первым, то одним первых в истории мировой этнографии.

Для сравнения и лучшего понимания праздника мы будем обращаться к обстоятельной статье Б.О. Пилсудского (1866–1918) о медвежьем празднике в начале XX столетия. При этом надо иметь в виду не только временной разрыв более века между этими описаниями, но и разницу в локации: Мацуда находился на Хоккайдо, Б.О. Пилсудский – в южной части

следующее объяснение: «название местности восходит к айнскому слову *Поропэцу* (ポロベツ, что означает *Большая река*). <https://kotobank.jp/word/%E5%B9%8C%E5%88%A5-1417568> (дата обращения: 08.03.2022).

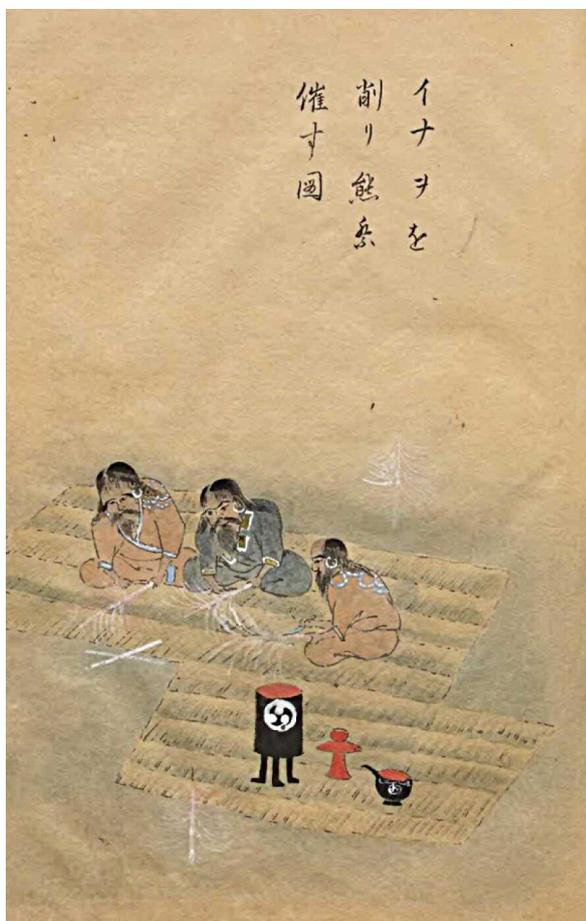
⁷ Источник: <https://kotobank.jp/word/%E8%99%BB%E7%94%B0-26716> (дата обращения: 08.03.2022).

⁸ В 2017 г. мною был сделан доклад по этой теме и опубликованы тезисы [Климов 2017, с. 147–148].

острова Сахалин. Последний отмечает, что «Айны о. Иезо главную часть праздника проводят на дворе. Но там более мягкий климат позволяет устраивать пляску и угощение под открытым небом. На Сахалине это невозможно. Обычно праздники происходят в конце ноября и в начале декабря, когда уже выпадает немало снега, и у всех является желание ютиться около весело потрескивающего огня. Хотя в прежнее время на зиму большинство айнов Сахалина переселялись в землянки, но медвежьи праздники никогда в них не совершались. В эти землянки не переносили даже лакированной посуды, употребляемой при питье “саке”, так как она там легко портилась» [Пилсудский 1914, с. 99].

А.М. Соколов считает, что айны устраивали означенный праздник в конце декабря – начале января. «Это было время, когда пищевые запасы подходили к концу, поэтому с практической точки зрения суть праздника сводилась к распределению запасов пищи среди обитателей своей и соседней деревень» [Соколов 2014, с. 426].

Обратимся к описанию медвежьего праздника, сделанного Б. Пилсудским. Он отмечает, что место убиения медведя заранее готовится, украшается: «За домом, на опушке леса, толпа

Илл. 1. «Сцена, на которой изображено изготовление инаво, подготовка к проведению медвежьего праздника» (イナヲを削り熊祭を催す図 инаво-о кэдзури кумамацури-о моё:су дзу)⁹

молодых парней и взрослых айнов приготавлила “инау ко” или место, где должно было произойти убиение медведя. 60 молодых елочек с очищенными снизу ветками и оставленными зелеными верхушками были воткнуты одна возле другой образуя роль стены. Немного впереди, в одну линию, поставлены были 6 высоких «инау», которые были затем, на высоте 2 аршин, связаны длинными прутьями, а меж них вставлялись 60 коротких одинаково заструженных «инау», образуя плотную полосу развевающихся пучков стружек. Перед образовавшейся красивой стенкой в нескольких шагах воткнули высокий, в 5 сажень, тонкий вилообразный столб, обе верхушки которого были украшены пушистыми «инау». Пока шла установка украшений для лобного места, мальчики топтали высохшую траву на всем расстоянии от него до медвежьей клетки» [Пилсудский 1914, с. 90–91].

Обращает на себя внимание магическое число предметов на лобном месте: 60 елочек, образующих подобие стенки, 60 коротких *инау* и 6 высоких *инау*. Дать корректное объяснение этой магии чисел в настоящее время не представляется возможным.⁹

Мацуда, по всей видимости, присутствовал на самом действе в день убиения медведя и на проведении ритуала питья *саке* и совершения трапезы. Поэтому у него нет описания оформления «лобного места» накануне убиения медведя. Тем не менее, на первой по счету

⁹ Иллюстрация № 1 находится на странице 99 рукописи «Рассказов», хранящейся в Государственном архиве Японии (Кокурицу ко:бунсёкан) в Токио. Официальный сайт. <https://www.digital.archives.go.jp/img/pdf/1225358> (дата обращения: 14.07.2023).

зарисовке мы видим, как три айна старательно строгают необходимое количество *inau* для проведения праздника (автор «Рассказов» иллюстрации не нумерует по порядку, но мы ввели такую нумерацию для удобства читателей).

На рисунке мы видим, что айны уже вынесли на место проведения праздника лаковые японские дорогие емкости для *sakэ* (большие и малые), циновки, на которых сидят три айны, изготавливающие кружево *inau*. Материалом для циновок служили тростник, осока, рогоз, мискант, мягкий колосняк. «Для переплетения основы использовались крученые нити из волокон крапивы, луба липы, реже бересклета, а для орнамента – окрашенные стебли, растительное волокно или цветные полосы хлопчатобумажной ткани. Рогоз на айнском языке назывался *си-кина*, что означало «истинная трава». Часто циновки делали именно из него» [Соколов 2022, с. 82]. А.М. Соколов также отмечает: «У айнов циновки являлись незаменимым атрибутом повседневного быта, а также религиозных практик. По праздникам они могли использоваться как подстилки для ритуальной лакированной посуды, а в повседневности – для завертывания ценных предметов. Их также вешали на стены, покрывали полы, в случае необходимости занавешивали входную дверь, окна или дымоход. Более того, специальные циновки использовались в погребальном культе» [Соколов 2022, с. 81].

Ни на одном из рисунков, при беглом осмотре, мы не сможем обнаружить 60 елочек, о которых говорил Б. Пилсудский. Но, если внимательно присмотреться к иллюстрациям 6 и особенно 7, то за ритуальной стенкой из циновок видны, по всей видимости, блеклые силуэты едва различимых елочек в розовом цвете. Однако в тексте Мацуда ничего о них не говорит.

Приведем полный перевод короткого текста, посвященного этой теме, разбивая его на фрагменты и стараясь соотнести их с рисунками. «Ранней весной медведица рождает медвежонка, его отлавливают, и женщина из варваров кормит его своим молоком и растит. С наступлением 5-й – 6-й луны (предположительно май-июнь месяцы. – А.К.) его содержат как собачонку. Затем, изготовив клеть из деревянных жердей, помещают внутрь и кормят сушеной рыбой» [Matsuda 1969, p. 83]. Б. Пилсудский в связи с этим сообщает, что содержать медведя обременительно, потому что нужно его кормить, как члена семьи, «не хуже, чем едят сами айны» [Пилсудский 1914, с. 83].

Обратимся к следующей иллюстрации. Видимо, Мацуда сделал рисунок клетки перед тем, как медведя стали силой извлекать из нее (илл.2).

Этот рисунок идет вторым по счету в рукописи¹⁰. Иллюстрация размещена на развороте двух страниц. Пояснительный текст гласит: «Сцена содержания медвежонка [в клетке]» (Когума-о ё:ику-суру дзу 子熊を養育する図). Здесь изображена клеть, в которую помещают подростка медвежонка. Он сидит в ней до смертного часа. Сама клеть из крупных жердей размещена над землей, с которой медведь, судя по иллюстрации, не имеет соприкосновения.

Продолжим краткое описание праздника, сделанное Мацуда. «С наступлением 10-й – 11-й луны (предположительно октябрь-ноябрь месяцы. – А. К.), собираются прежде всего, родственники хозяина, кормящего медведя, а также его знакомые и старейшины из ближайших селений. В назначенный день все в праздничных одеждах (харэги 晴れ着) с луками и стрелами выстраиваются шеренгой. К ним выпускают из клетки откормленного медведя, тонкой веревкой обвязывают, прикрепляя его к столбу, установленному посередине места действия. Хозяин пускает стрелу первым, затем по очереди родственники стреляют, и уже ослабевшего медведя душат бревнами" (илл. 3) [Matsuda 1969, p. 83].

¹⁰ Иллюстрация № 2 находится на с. 102–103 рукописи Мацуда. Официальный сайт Государственного архива <https://www.digital.archives.go.jp/img/pdf/1225358> (дата обращения: 14.07.2023).

Илл. 2. Иллюстрация размещена на развороте двух страниц. Пояснительный текст гласит: «Сцена содержания медвежонка [в клетке]» (Когума-о ё:ику-суру дзу 子熊を養育する図)

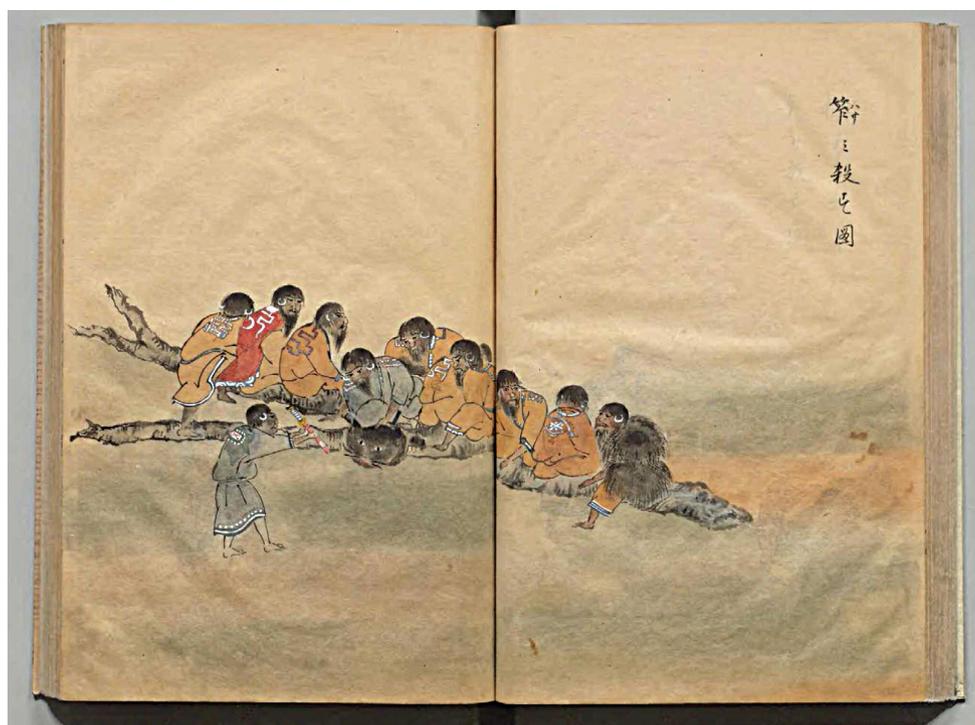
Илл. 3.¹¹ «Сцена выгона [медведя] из клетки и пускание стрел [в него]» («Ори-о даси я-о ханасу дзу», 欄を出し矢を放す図).

¹¹ Иллюстрация № 3 размещена на с. 104–105 рукописи Мацуда. Официальный сайт Государственного архива <https://www.digital.archives.go.jp/img/pdf/1225358> (дата обращения: 14.07.2023).

Илл. 4.¹² «Сцена выгона [медведя] из клетки и пускание стрел [в него]» («Ори-о даси я-о ханасу дзу», 欄を出し矢を放す図).

Обе иллюстрации составляют единое пространство.

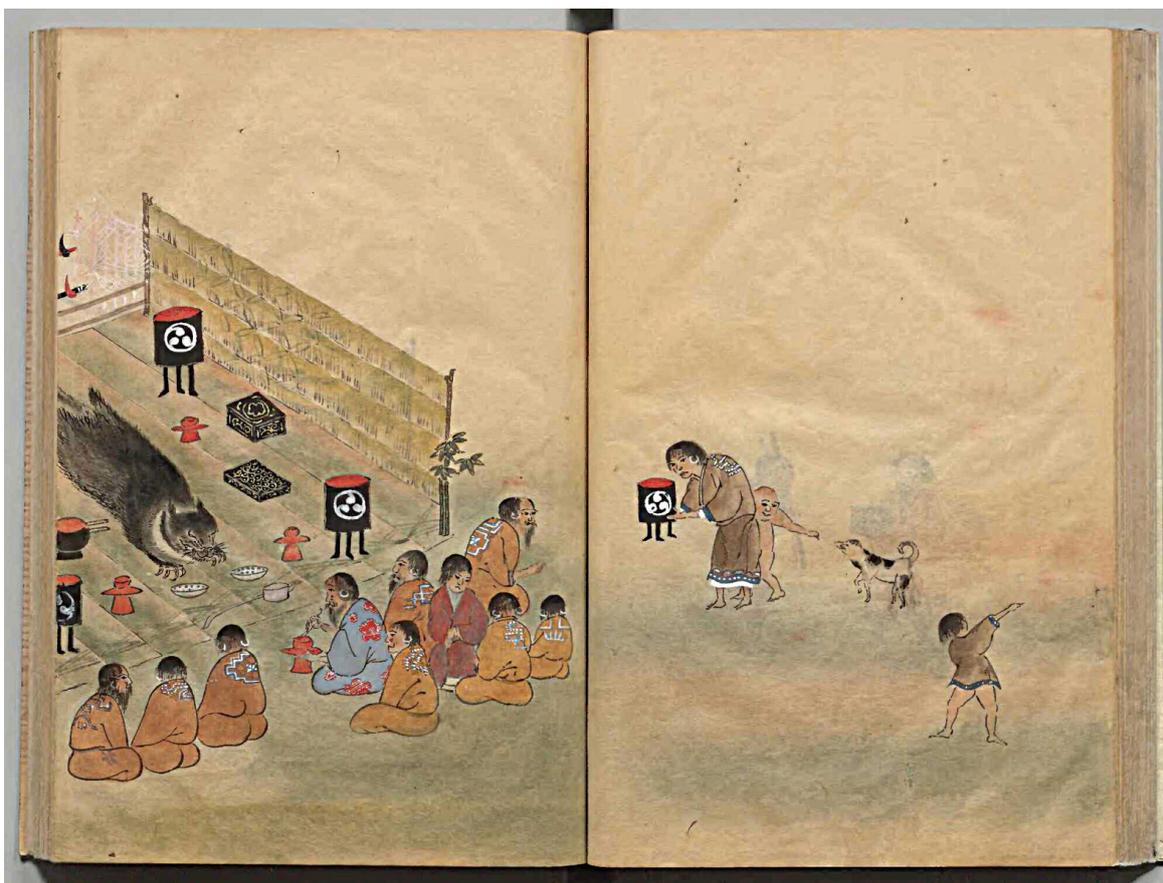
Илл. 5.¹³ «Сцена удушения медведя» (Хасамикоросу дзу 笮み殺す図).

¹² Иллюстрация № 4 находится на с. 106–107 рукописи Мацуда. Официальный сайт Государственного архива <https://www.digital.archives.go.jp/img/pdf/1225358> (дата обращения: 14.07.2023).

¹³ Иллюстрация № 5 находится на с. 108–109 рукописи Мацуда. Официальный сайт Государственного архива <https://www.digital.archives.go.jp/img/pdf/1225358> (дата обращения: 14.07.2023).

Сбоку оуригоной маленькими знаками катаканы в рукописи дано чтение первого иероглифа 𐄎 – хаса(ми), *ми* написано в вертикальном столбце сразу же после иероглифа.

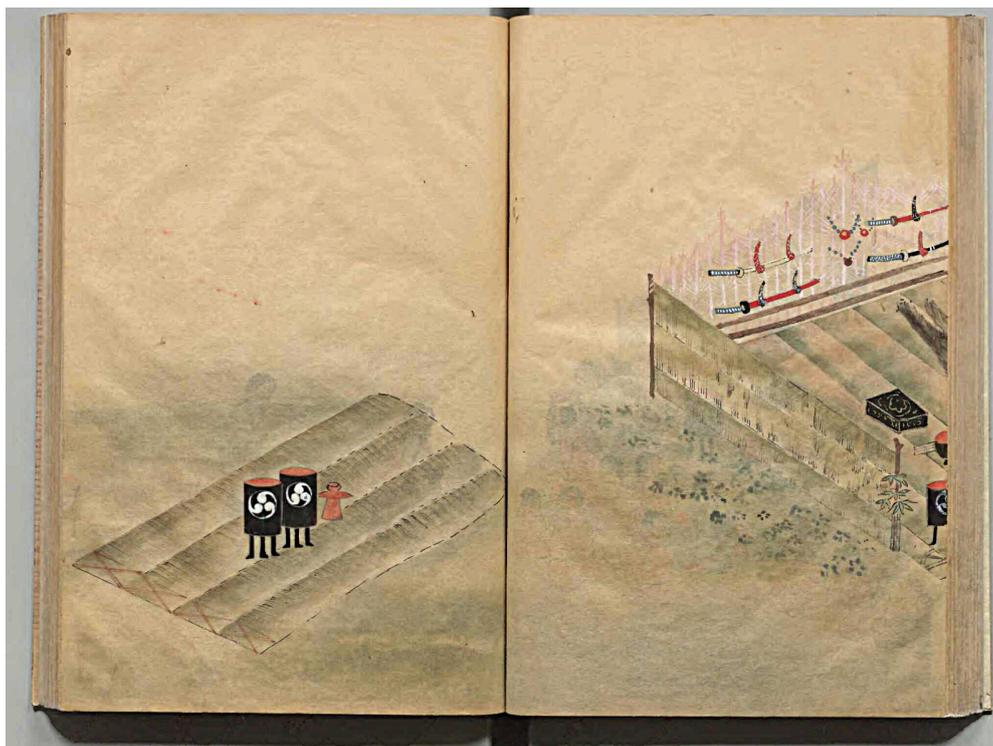
А.М. Соколов уточняет, что на Хоккайдо «медведя часто душили при помощи двух бревен (айнск. *нумпа-ни*). Такой обычай объяснялся нежеланием проливать на землю кровь. Хоккайдцы боялись, что это помешает возрождению души убитого медведя в новом животном. Впрочем, в разных местностях обряд удушения (айнск. *рэкути-нумпа*) мог различаться» [Соколов 2014, с. 430). Автор «Рассказов» об этом ничего не пишет, но, если мы обратимся к иллюстрациям, то увидим, что медведя действительно душат двумя бревнами (илл. 6).

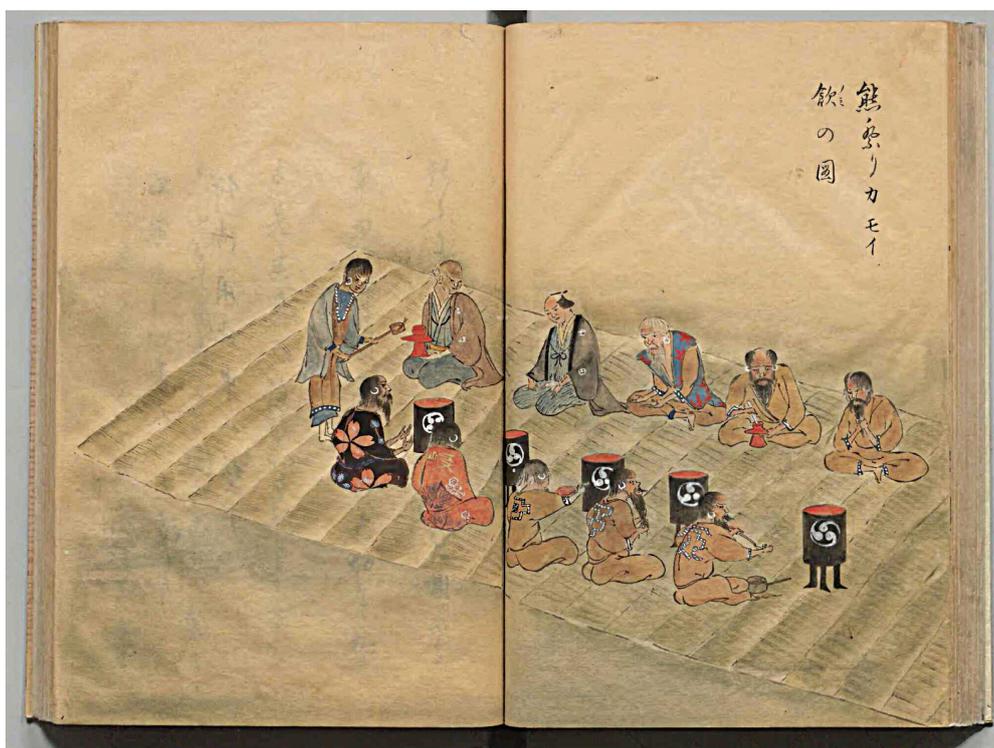
Илл. 6¹⁴

Иллюстрации 6 и 7 представляют собой единое целое. На илл. 7 мы видим ноги медведя, два лаковых сосуда на трех ножках и красную чашу. За лицевой стеной ритуальной стены из циновок, сзади туши медведя, находятся елочки, о которых писал Б.О. Пилсудский. На циновках, образующих заднюю стену, развешаны японские мечи катана, дорогие японские лаковые изделия. Айны собрались перед мертвым медведем, который повернут, как это предписывалось, головой на восток (илл. 6). Об ориентации туши медведя на восток Мацуда, вероятно, не знал. Во всяком случае об этом он ничего не написал.

¹⁴ Иллюстрация № 6 находится на с. 110–111 рукописи Мацуда. Официальный сайт Государственного архива <https://www.digital.archives.go.jp/img/pdf/1225358> (дата обращения: 14.07.2023).

Илл. 7¹⁵

Илл. 8¹⁶. «Сцена ритуального питья сакэ на медвежьем празднике»
 (“Кумамацури камои номи-но дзу” 熊祭りカモイ飲の図).

¹⁵ Иллюстрация № 7 находится на с. 112–113 рукописи Мацуда. Официальный сайт Государственного архива <https://www.digital.archives.go.jp/img/pdf/1225358> (дата обращения: 14.07.2023).

¹⁶ Иллюстрация № 8 находится на с. 114–115 рукописи Мацуда. Официальный сайт Государственного архива <https://www.digital.archives.go.jp/img/pdf/1225358> (дата обращения: 14.07.2023).

Мы видим, что на почетных местах сидят на пятках два самурая, подогнув под себя ноги, в японской одежде с гербами и с прической, принятой у военного сословия. Мацуда сообщал, что остается зимовать в этих краях вместе с Тояма Мотодзю:ро:. Может быть, они здесь и изображены? Айны же сидят на циновках, скрестив ноги, в два ряда, напротив друг друга, по пять человек. Между ними поставлены пять объемных лаковых сосуда с алкоголем, один на двоих. *Сакэ* разливает женщина. Она начинает с почетных гостей-японцев, сидящих в верхнем от нас ряду слева. В нижнем ряду справа айны в ожидании, когда нальют ему *сакэ*, курит табак из трубки, именуемой *кисэру* (煙管, зачастую писали знаками слоговой азбуки *катаканой* – キセル). Чаша для табака сделана из металла, а трубка – из дерева. Небольшие лаковые чашки, из которых пьют *сакэ*, и лаковые сосуды на трех ножках, из которых черпают напиток, сделаны в Японии. Айны меняли рыбу, морепродукты, циновки, сплетенные из трав, на лаковые изделия, котелки, мечи и т.д. Деревянный черпак на длинной ручке напоминает японский, имевшийся при входе в синтоистские святилища и буддийские храмы для ополаскивания рта и омовения рук.

А.Б. Островский, опираясь на результаты исследования Б. Пилсудского, описывает проводы души выращенного в неволе медведя, уходящей в горный мир, упоминает *инау* и японские мечи, отправляемые с ним. «Перед убиением медведя к нему обратился почтенный старец, произнося: «...Мы для тебя приготовили *инау*, для твоего удовольствия развесили сабли, поставили вилообразный столб <...> Усевшись внутри [на верхушке вилообразного столба], возьмешь с собою лучи, идущие от свежих *инау* и от повешенных драгоценностей <...> Будет у тебя на спине, ближе к шее, ноша с *инау*, а ближе к хвосту – ноша сабель» [Островский, Сем 2019, с.55; Пилсудский, 1914, с. 159]. «Медведь, перед своим уходом от людей, должен был увидеть, как торжественно его провожали. Только ради него вынуты были все дорогие вещи, которые в обычное время никому не показываются и годами лежат нетронутые в сумах, в темных углах юрты. ... мужчины выносили из юрты к лобному месту те сабли и старые колчаны... Туда же понесли и специально для этого предназначенные циновки, которые в развернутом виде прислонили к поставленному накануне забору» [Пилсудский 1914, с. 108], состоящему из 60 молодых елочек. «У забора хлопотал и заправлял сам хозяин. ... Развешивание сабель требует немалого знакомства с ними. Сабли имеют свою иерархию по своему достоинству, которое им дает не качество клинка, а тот или иной рисунок на последнем или резьба на ножках. Бывают вырезаны линии, имеющие подобие гор, облаков, следы ног цапли или большого кулика, а также след медвежьей лапы.

Хозяин из учтивости должен был повесить на главном месте, – следовательно, с правого края забора (а если глядеть на него, то с левой руки), – те сабли, которые привезены чужими; свои собственные, хотя бы и хорошие, надо вешать ближе к другому, менее важному концу забора. <...>

Между саблями повесили плоские деревянные колчаны, выложенные серебряными бляшками. Принесли также и предметы, относящиеся к медвежьему культу: специальный ящичек ..., куда клались ножи, употребляемые исключительно для разрезания медвежьей туши, и талисманы в виде свертков, обмотанных веревочками из стружек дерева, наз. «инау-ру». Что было в каждом из них, не было видно» [Пилсудский 1914, с. 109–110].

Автор «Рассказов» заключает описание праздника следующему словами: «После этого [присутственное место] украшают сосудами (кибуцу 器物), которые варвары причисляют к драгоценностям, устанавливают *инаво* (イナヲ¹⁷, это своего рода палочки или веточки, сопоставимые с молитвенными бумажками *хэйхаку* (幣帛) в синтоизме у нас на родине), им

¹⁷ В настоящее время за культовыми предметами айнов в виде палочек с завивающимися стружками закрепился термин *инау*. В данном случае в переводах на русский язык мы следуем за Мацуда, который называет их *инаво*.

они поклоняются, что-то молитвенно-монотонно распевая. А затем, приготовив еду, едят сырое мясо (наманику 生肉), приносят свою долю заранее приготовленное к этому случаю неочищенного сакэ (нигоридзакэ 濁り酒), устраивают пирушку (сакамори 酒盛りをする).

Женщина ([на языке варваров] *мэноко* メノコ), которая растила и кормила его своим молоком еще медвежонком, горько рыдает и очень печалится, когда на ее глазах пускают в него стрелы и убивают. Душераздирающее зрелище. И, тем не менее, *мэноко* принимает участие в пиршестве и ест мясо. Видишь это, и испытываешь оторопь» [Matsuda 1969, p. 83].

Описание кормления женской грудью медвежонка, данного Мацуда, отличается от описания Б. Пилсудского, сделанного им со слов пожилого айна: «Старик мне подтвердил справедливость встреченного мною в одной книге об айнах утверждения, что малых медвежат кормят грудью женщины. Случается это крайне редко и лишь тогда, когда медвежонок взят совсем детенышем. Тогда он так мал, что приносят домой, вложив в рукавицу. Кормилицей выбирают, которая не кормит детей и не надеется иметь их, но у которой еще имеется в груди молоко. До 6 месяцев продолжается кормление медвежонка грудью. За все это время женщина не прикасается к женским работам: она не варит, не режет ножом еды, не шьет. На празднике она не ест мяса воспитанного ею медведя» (подчеркнуто мною. – А.К.) [Пилсудский 1914, с. 83–84].

Мацуда же говорит об обратном: она участвует в обрядовой трапезе. Это его особенно удивило. Кроме того, Пилсудский сообщает, что на Сахалине «женщины не участвуют в разливании «саке», как это сохранилось до сих пор на о. Хоккайдо. <...> на Сахалине всегда «саке» было мало, им дорожили и потому должны были лишиться женщин права быть виночерпиями. Они плохо соображали, сколько кому можно и следует налить, не умели скрыть некоторое количество напитка на потом, на похмелье. Впрочем, полного запрета нет и поныне, а в некоторых семьях держится старый обычай айнов, что женщины готовят и разливают «саке»; при этом они обвязывают себе голову скрученным платком, как это носят женщины с о. Хоккайдо» [Пилсудский 1914, с. 129–130].

Мацуда заключает рассматриваемый текст словами: «В приложении ниже помещаю зарисовки медвежьего праздника» [Matsuda, 1969, p. 83–84]. От себя добавим: они дают нам порой больше информации, чем ее содержится в тексте.

Медвежий праздник получил широкое распространение среди аборигенов Сахалина и нижнего течения Амура. А.В. Боронец указывает на отличие медвежьего праздника у айнов. Это «было не просто проведение обряда, а и подготовка к нему, которая могла растянуться на два-три года. Ведь медведь для церемонии выращивался в селении, в семье, как полноправный её член, родственник. Тогда как у многих других народов Севера принято было ловить и торжественно убивать зверя. Отличие медвежьего праздника айнов от других амурсахалинских в том, что айны вскармливали медвежонка грудью женщины-кормилицы. Обряд подпиливания и чернения медвежонку клыков ассоциировался с татуировкой губ у женщин, если это была самка, и бритьём передней части головы у мужчин, если медвежонок – самец (влияние тончей – коренных жителей Курильских островов)» [Боронец 2013, с. 12].

Мир *инау*

На первой иллюстрации, посвященной медвежьему празднику, Мацуда изобразил трех айнов, занятых изготовлением *инау* для медвежьего праздника. Поэтому логично, что в следующем абзаце он переходит к более подробному рассмотрению *инау*. У автора «Рассказов» отсутствует глубокий научный анализ ритуальных предметов под названием *инау*, и трудно его ожидать от исследователя конца XVIII – начала XIX в. Но, тем не менее, его замечания, наблюдения и сейчас представляют немалый интерес. Прежде чем мы перейдем

к следующему абзацу-теме рукописи, не будет лишним привести мнения авторитетных отечественных ученых относительно *инау*.

По мнению Штернберга этимология слова «инау» восходит к двум существительным: *ин* – дерево и *ау* – язык. Каждая стружка заструганной палочки представляет собой язык дерева. «Айну так и называют ее “инау”, т. е. оратором, так как каждая такая заструганная палочка является посланцем к божеству, языком, обращаемым к тому или другому хозяину, а посол, разумеется, должен обладать красноречием. Но если действует речь одного языка красноречивого человека, то тем сильнее будет красноречие этих сотен языков, которые в виде стружек окружают эту божественную палочку. Вот почему айну в самый опасный момент жизни, когда он едет на лодке и волна грозит его затопить, вынимает припасенную на всякий случай палочку, тут же застругивает ее и бросает в море, приговаривая: “Иди и скажи хозяину моря, скажи, что я погибаю, а у меня дети” и т. д. И он уверен, что палочка “инау” поможет» [Штернберг 1936, с. 438].

С.П. Крашенинников, говоря об айнах, живущих на Курильских островах, следующим образом описывает культ *инау*. «Бога столь же мало знают, как и камчадалы. В юртах имеют вместо идолов кудрявые стружки, которые они весьма хитро делают. Сии стружки называют они *ингул* или *иннаху*, содержат в некоем почтении, однако не мог я того выведать, за бесов ли они вменяют или за бога. В жертву приносят первопромышленного зверя, при чем мясо сами съедают, а кожу при них вешают, и когда юрты за ветхостию оставляют, то не берут с собою из них ни жертвенных кож, ни стружек, впрочем носят с собою оные стружки во всякие опасные пути на море, и бросают в случае бедствия в воду, ...умилостивить надеются. Такой образ идолослужения приняли от курильских и южных камчадалов, кои живут на первом Курильском острове и на Лопатке, как надежное средство к безопасному плаванию по морю» [Крашенинников 1949, с. 468–469].

В рукописи Мацуда представлены цветные рисунки различных видов *инау*¹⁸. Он не нумерует рисунки и не делает никаких пояснений на них, что вызывает порой затруднения при соотнесении их с описаниями в тексте. Поэтому мы приводим рисунки *инау* из рукописи «Нравы варваров с иллюстрированными объяснениями» («Эдзо сэйкэй дзусэцу», 蝦夷生計図説について) другого автора – Мураками Симанодзё: (村上島之丞, известен также, как Хата Авакимару (秦檜丸, 1760–1808))¹⁹, поскольку у Мураками на самих рисунках есть пояснительные записи, которые позволят нам более точно соотнести иллюстрации с текстом рукописи Мацуда.

А теперь перейдем к «Рассказам» Мацуда, к тому разделу, где он дает общее описание *инау*. а затем в девяти коротких абзацах – разным по форме девяти *инау*. В первом он излагает общие положения и сравнивает их с японскими молитвенными бумажками *гохэй* в синтоизме [Matsuda 1969, p. 84]. Во втором описываются два вида *инау* огня, в мужском и женском облики [Matsuda 1969, p. 84, 89], в третьем – *инау*, приносящем в дом покой и гармонию [Matsuda 1969, p. 88]. В четвертом абзаце изображается *инау* в виде невода-мочалки, который использовалось, по словам автора «Рассказов», на судах [Matsuda 1969, p. 89]. Пятый абзац посвящен *инау*, использовавшемуся во время проведения дуэли на палицах, шестой – *инау*-оберегу. Седьмой абзац описывает *инау*, который используется при убийстве птицы. В восьмом абзаце речь идет об *инау*, который располагался внутри жилища. И, наконец, в девятом абзаце сообщается об *инау*, которым выражают почтение морскому божеству, отправляясь на промысел. [Matsuda 1969, p. 89]. Описание девяти *инау* имеет очень лапидарный характер. В заключение говорится:

«Изображения *инаво* представлены выше.

Изображения *инаво*.

¹⁸ Рисунки *инау* размещены на страницах 136–137 рукописи Мацуда без каких бы то ни было пояснительных записей. Официальный сайт: <https://www.digital.archives.go.jp/file/1225358.html> (дата обращения: 28.08.2023).

¹⁹ Официальный сайт рукописи Мураками Симанодзё: <http://www.26211ue.sakura.ne.jp/author> (дата обращения: 10.01.2022).

Это – *хэй/нуса* (палочка или веточка с молитвенными бумажками в синтоизме. – А.К.) в нашем Отечестве.

Кару, – означает изготавливать²⁰.

[Айны] поклоняются небесным и земным божествам при пожарах, болезнях, когда отправляются на охоту в горы и в море на промысел.

Инаво, к которым обращаются [айны] в перечисленных случаях, отличаются и по способу изготовления, и по наименованию.

Все *инау* отличаются друг от друга, как это видно на рисунках выше» [Matsuda 1969, p. 89–90].

Итак, Мацуда приводит 12 зарисовок разных по форме *инау*. Кроме того, он представил еще одну иллюстрацию, в которой изображен процесс их изготовления. Итого получается 13 рисунков. Но описаний этих предметов культа – девять. Поэтому в настоящей статье представлены иллюстрации только девяти *инау*. Четыре зарисовки здесь не приводятся, поскольку о них не идет речь в «Рассказах».

Приведем первый наиболее пространственный абзац. «Инаво можно сравнить с *гохэй* (御幣) (бумажными полосками-оберегами у входа в синтоистское святилище. – А. К.) в нашей стране. В землях варваров всему, начиная с Неба и Земли, и по разному поводу трепетно поклоняются богам. В этой стране самое важное – поклонение [божествам]. Поэтому, чем бы вы ни занимались, что бы ни делали, прежде всего, должны почитать богов и поклоняться им. И это называют [на языке варваров] *камаи* • *номи*²¹ (カマイノミ). *Камаи* – означает божество, а *номи* – молиться, почитать. При молении божествам *камаи* • *номи* обязательно используют *инаво*. Поэтому *инаво* – наиважнейший предмет при почитании пресветлых богов (симмэй 神明). Прежде всего, смири свое тело, очисти сознание и плоть, а после этого сделай предметы, что изображены на рисунках²². Создаваемые формы *инаво* разительно отличаются друг от друга в зависимости от того, к какому божеству с молитвами обращаются. Кроме того, *инаво* имеет и другое название: *нуса* (ヌシヤ)» [Matsuda 1969, p. 84].

Мацуда одним из первых, если не первый, провел сравнение *инау* с бумагой в виде *гохэй*. С.А. Арутюнов пишет, что в Японии «под влиянием айнских *инау*, которые и у айнов являются заменителями, жертвоприношения приобрели форму *гохэй*. <...> Дальнейшее переосмысление привело к тому, что из жертвы *гохэй* превратились во вместилище божества, и если раньше верующие приносили их в храм, то позже сами жрецы раздавали *гохэй* верующим, а те уносили их из храма домой и водружали на алтарь. Из указанных фактов явствует, что первоначально *гохэй* были довольно близки к айнским *инау*, но с течением времени все больше от них удалялись. Такое положение оправдано, если считать, что японцы заимствовали данный обычай от айнов» [Арутюнов 1957, с. 8].

Штернберг немало времени посвятил изучению культа *инау* и пришел к следующему обобщающему выводу: «*Инау* – заструженные деревья и деревяшки, в виде человеческих фигур, служащие заступниками за людей перед божествами; сила их – в многочисленных языках-кудряшках, в необычайной степени увеличивающих убедительность их речей. Нынешнее разнообразие их форм и назначения – результат долгой эволюции. Вначале, вероятно, довольствовались пучком стружек, державшихся на одном коротком стержне, наподобие застругиваемой для разведения огня палки.

²⁰ А.Ю. Акулов в пространной статье «Реконструкция традиционных представлений айну о мире (по материалам фольклорных текстов)» на странице 173 пишет, что *Кар* – «делать (с целью получить результат)»» file:///E:/Books/70214706.pdf (дата обращения: 29.08. 2023). В японском языке в силу его фонетических особенностей, вероятно, *kar* превратился в *кару*.

²¹ В тексте на японском языке нет разбивки на два слова. Это видно из приведенного словосочетания на японском языке, записанного знаками *катаканы*.

²² На рисунках Мацуда приводит образцы изображений 12 *инаво*.

С течением времени стали оказывать больше внимания самому стержню (телу посредника), стали наделять его зарубками, головкой, руками, а стружки располагать как дополнение к фигуре, в виде волос, кос, растительности на теле и т.д. С другой стороны, получили самостоятельное развитие и самое разнообразное применение стружки сами по себе, отдельно, без стержня. Это произошло под влиянием эволюции в самом отношении к инау.

Вначале простые «языки» перед богами, инау, в силу важности их роли, в силу привычки относиться к ним как к необходимому во всех случаях жизни предмету культа, приобрели самостоятельное значение святости и божественности. Им стали приписывать самостоятельную чудодейственную силу. Отсюда, с одной стороны, стали смотреть на инау не только как на заступников перед богами, но и как на предметы, удобные и полезные самим богам. Так, на медвежьем празднике заструженные деревья перед ареной предназначаются частью самому медведю, частью его матери, очевидно, как простые амулеты для этих божественных существ. Боги так же нуждаются в них, как и люди. Соседи айнов, ороки, когда делают целебное изображение тигро-человека, прикрепляют ему на грудь такое же миниатюрное изображение, как его собственный амулет.

С другой стороны, инау стали обычными амулетами и для людей. Первое применение из них стали делать в случаях болезни. Больные части тела, особенно голову, стали обвязывать стружками (стержень в таких случаях мешал применению)». [Штернберг 1936, с. 60–61].

Во втором абзаце Мацуда пишет: «Во время почитания бога огня (*хи-но ками*, 火の神) используют *инаво*, которое называют *абэ · сяма · уси · инаво* (アベシヤマウシイナヲ). *Абэ* – огонь, *сяма* – рядом, *уси* – поставить, установить, то есть, это – *инаво*, которое помещают рядом с огнем. А есть еще одно, которое называют *бин · нэ · абэ · сяма · уси · инаво*. Оба этих предмета культа обязательно используют во время почитания бога огня. [Это] *инаво* – различается на мужское и женское, они отличаются по форме. *Бин* – означает *мальчик*, а *нэ* – *служебное слово* (дзёго 助語). *Сяма · уси · инаво* – это, как уже ранее объяснялось, имеет то же значение; иными словами, это – *инаво*, которое устанавливают рядом с огнем мальчики. [Словосочетание] *мати · нэ · абэ · сяма · уси · инаво* состоит из *мати* – женщина и *нэ* – служебного слова» [Matsuda 1969, p. 89]²³.

Далее приводятся изображения инау, взятые нами из упомянутой рукописи Мураками Симанодзё: (илл. 9).

В рукописи Мацуда «Рассказы» это же изображение, только без пояснительной записи, размещено на странице 142²⁴.

«*Кикэтиноинаво* *кике · чи · ной · [и]наво*²⁵ используют при молении о семейном покое в доме. *Кикэ* – означает срезать, строгать²⁶, *ти* – служебное слово. *Нои* – крутить, скручивать. Этот *инаво* выстрогали, поворачивая [вокруг оси]» (Мацуда 1969, с. 89). Ниже приводится его изображение.

В рукописи Мацуда изображения обоих *инау* находятся на страницах 144 и 145.

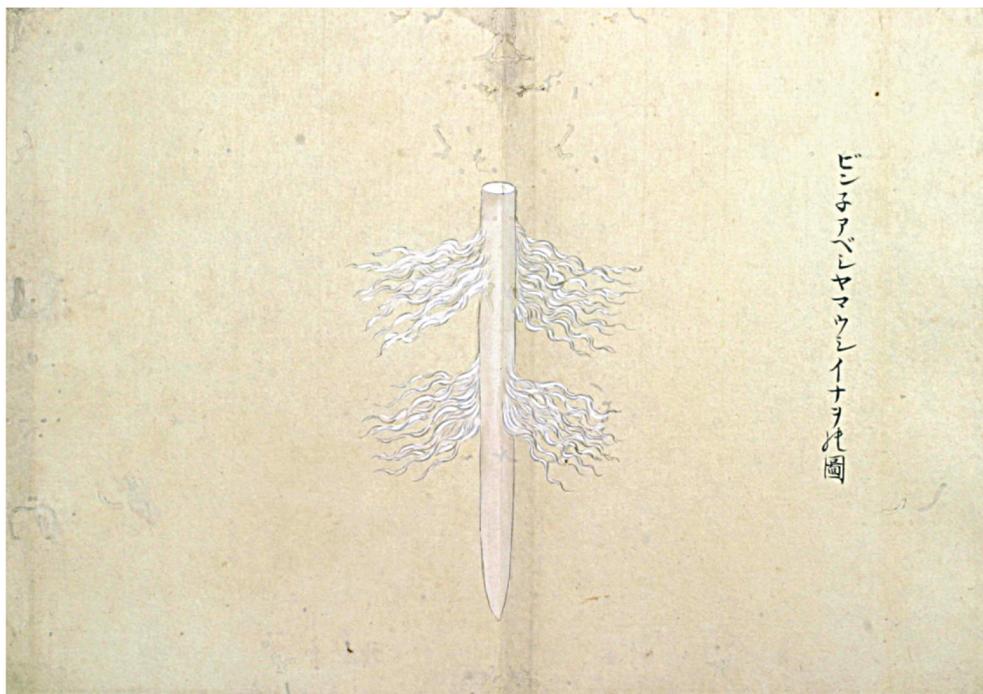
Далее Мацуда кратко описывает *харукэ инаво*. Слово *харукэ* ハルケ – веревка, а *харукэ · инаво* ハルケイナヲ – *инаво* из веревки. А также его называют *тоси инаво* (トシ · イナヲ, *инаво* из невода). *Тоси* トシ – невод, используемый на судне.

²³ Продолжая мысль Мацуда, вероятно, следовало бы заключить этот пассаж выводом, что словосочетание *мати · нэ · абэ · сяма · уси · инаво* означает, что женщина устанавливает этот предмет культа рядом с огнем. Но автор «Рассказов» не стал делать этого, считая, по всей видимости, избыточным.

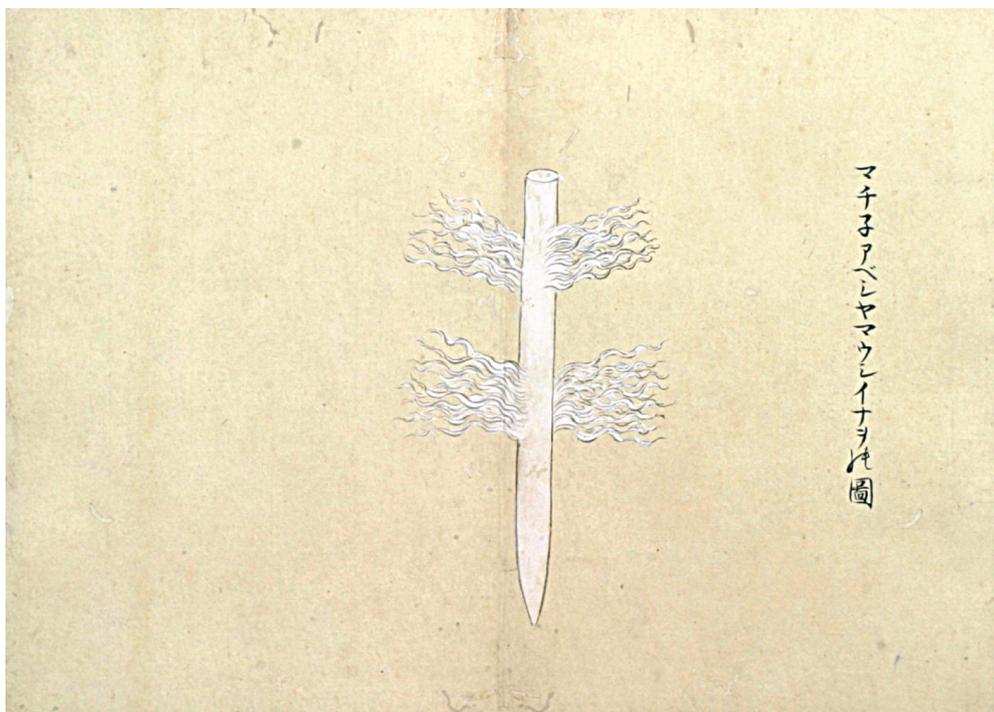
²⁴ Официальный сайт Государственного архива <https://www.digital.archives.go.jp/img/pdf/1225358> (дата обращения: 14.07.2023).

²⁵ Вероятно, Мацуда допустил ошибку, не дописав знак *катаканы* イ. Поэтому его поместили в квадратные скобки.

²⁶ Б. Пилсудский в этом случае использовал выражение: «стружить инау» [Пилсудский 1914, с. 75].

Илл. 9. Сбоку в правой части рисунка написано: «Изображение биннэабэсямауси *инаво*» («Биннэабэсямауси *инаво*-но дзу», ビン子アベシヤマウシイナヲ乃図).

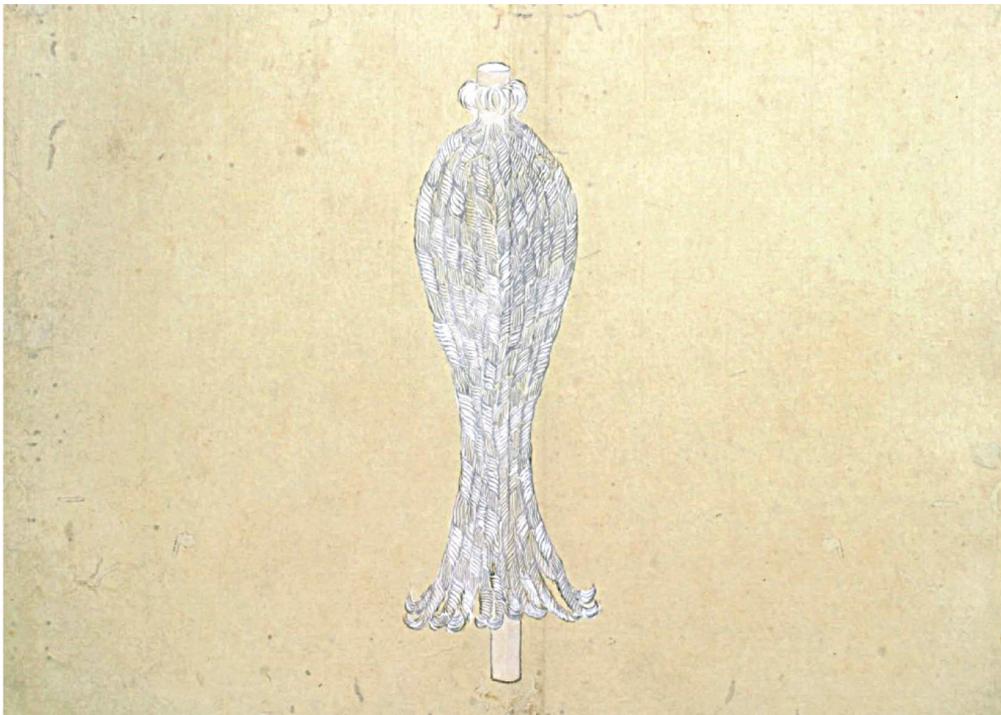

Илл. 10²⁷. В правой части рисунка написано знаками слоговой азбуки *кана*: «Изображение *матинэабэсямауси инаво*» («*Матинэабэсямауси инаво*-но дзу», マチ子アベシヤマウシイナヲ乃図), т.е. «*Инау* огня в женском исполнении»

²⁷ В рукописи «Об укладе жизни варваров с иллюстрированными объяснениями», автором которой является Мураками Симанодзэ:, это изображение *инау* размещено на странице 16. Официальный сайт: <http://www.2621ue.sakura.ne.jp/pages/detail/115>. В рукописи же Мацуда – на странице 143. Официальный сайт Государственного архива <https://www.digital.archives.go.jp/img/pdf/1225358> (дата обращения: 14.07.2023).

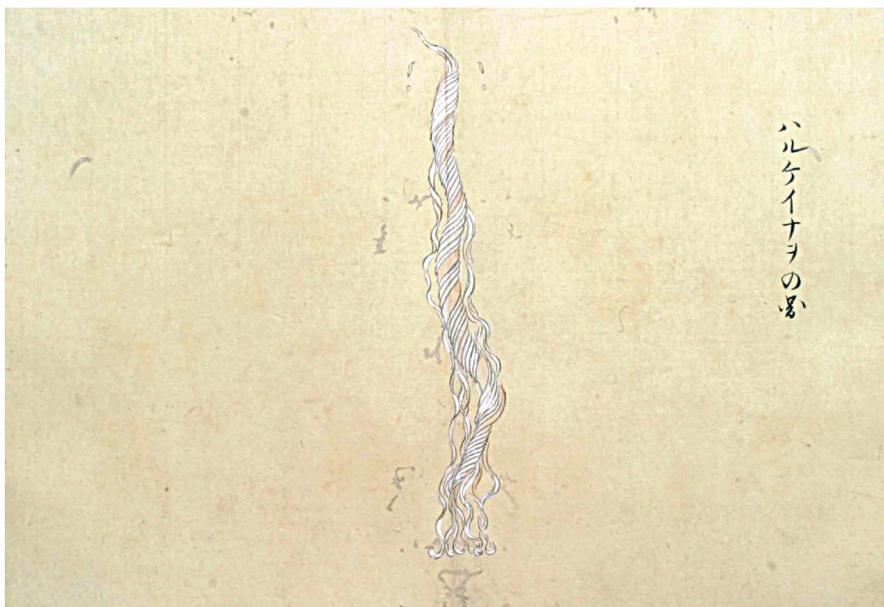
Илл. 11²⁸. «Два вида изображения *Кикэтино инаво*»
(«*Кикэтино инаво*-но дзу нисю», 「*Кикэчи*[*И*] *ナヲ*の図二種」)
взяты из рукописи Мураками Симанодзэ:" , страницы 20 и 21²⁹

Илл. 12

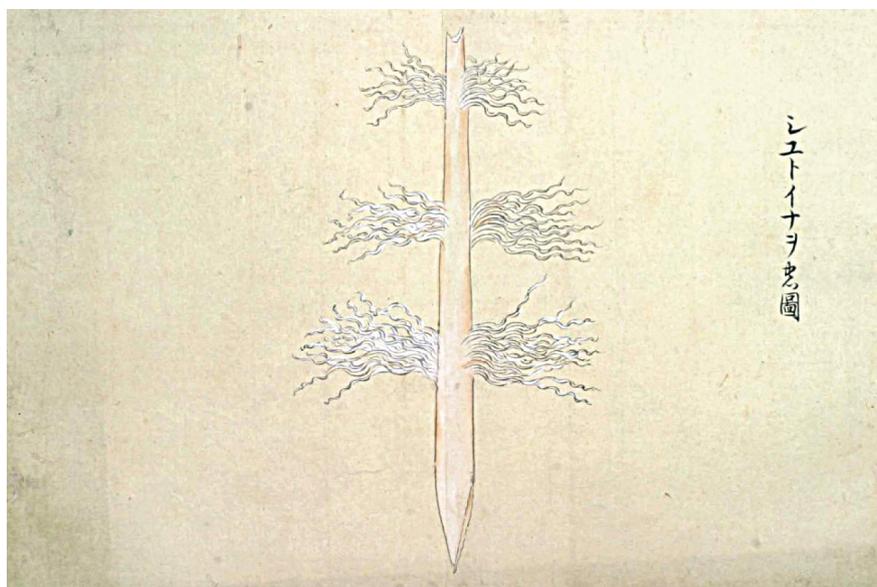
²⁸ В рукописи Мураками Симанодзэ: этот рисунок размещен на странице 20 (иллюстрация № 11). Официальный сайт – <http://www26211ue.sakura.ne.jp/author> (дата обращения:10.01.2022).

²⁹ Сайт рукописи МуракамиСиманодзэ: (страница 21) – <http://www26211ue.sakura.ne.jp/pages/detail/120> (дата обращения: 10.01.2022).

Илл. 13³⁰. В правом верхнем углу написано:
«Изображение харукэ инаво» (Харукэинаво-но дзу, ハルケイナヲの図).

По поводу *сюто инау* Мацуда пишет следующее: «*Сюто инаво* [айны] используют во время наказания палицей (*укару*, ウカル). *Укару* – это наказывать ударами палицы варвара, преступившего общепринятые нормы поведения. *Сюто* – это палица, которой наносят удары» [Matsuda 1969, p. 89].

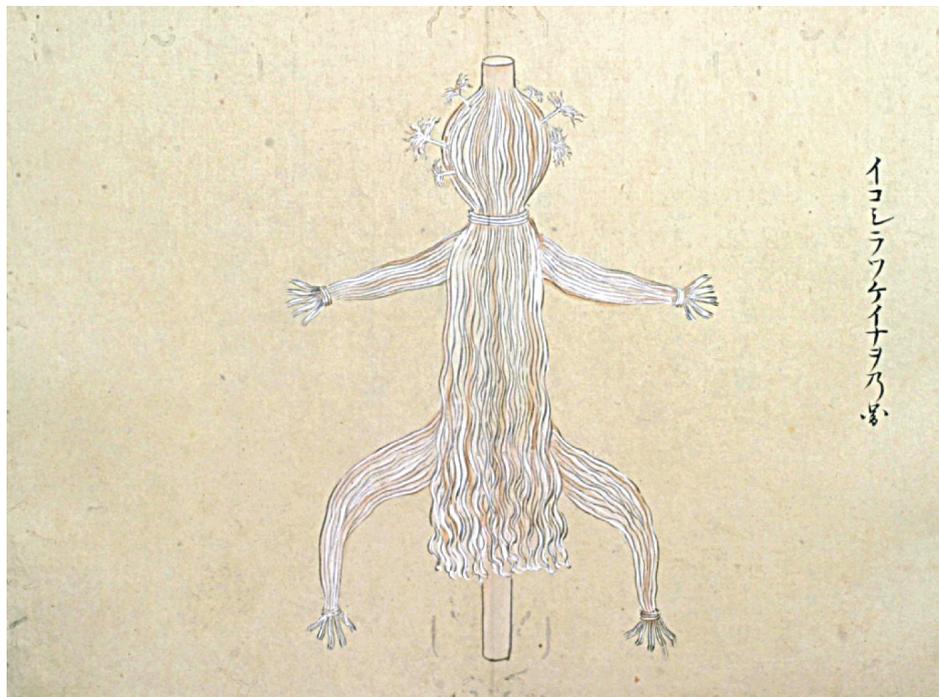
Илл. 14³¹

³⁰ В рукописи Мураками этот *инау* размещен на странице 26. Сайт: <http://www26211ue.sakura.ne.jp/pages/detail/125> (дата обращения: 10.01.2022).

В рукописи Мацуда он размещен на странице 146. Официальный сайт: <https://www.digital.archives.go.jp/img/pdf/1225358> (дата обращения: 14.07.2023).

³¹ Источник «Пояснения с иллюстрациями островов варваров» (Эдзо-сима дзусэцу 蝦夷嶋図説). Автор Хага Окумару (秦億丸). Хранится в городской центральной библиотеке Хакодате <http://archives.c.fun.ac.jp/fronts/detail/id/516e17c11a5572427000048d> (дата обращения: 31.08.2023). На рисунке в правой его части написано: «Изображение *сюто инаво*» (сюто инаво-но дзу シュトイナヲ之圖).

Далее Мацуда описывает следующее *инау*. «*Икоси* (イコシ) – оберег, защита (мамори 守り), а *раккэ* (ラツケ) – повесить, поместить предмет. *Икоси* • *раккэ/рацукэ* (イコシ • ラツケ) – говорят об *инаво* (イナヲ), который вешают на что-то (например, на шею. – А.К.) в качестве оберега. Оберег – это драгоценный предмет (хо:ки 宝器) [некоего] места, которым варвар особо дорожит»³² [Matsuda 1969, p. 89].

Илл. 15³³. В верхнем правом углу рисунка написано:
«Изображение оберега *икоси* *раккэ* *инаво*».

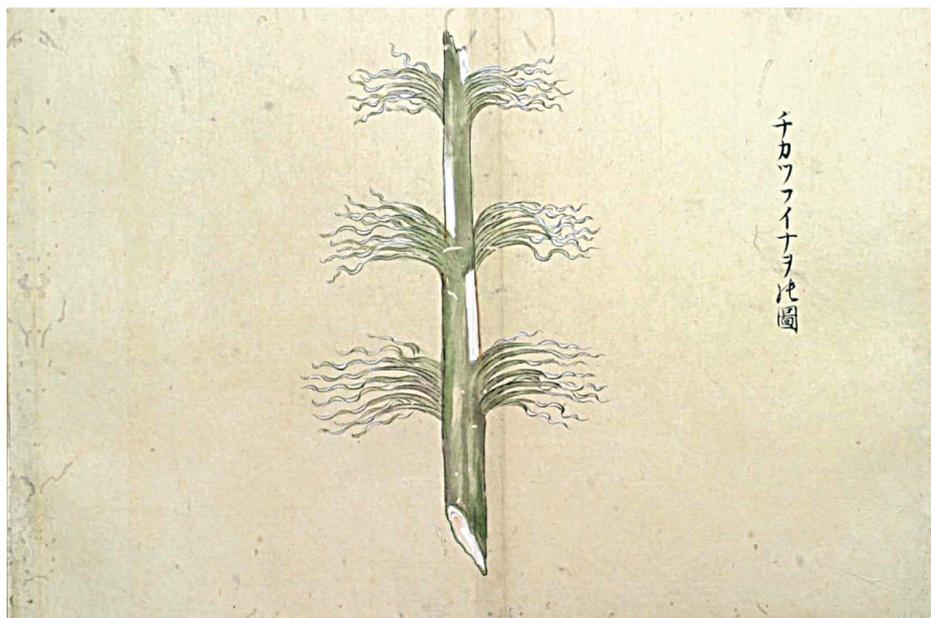
«*Тикаццуфу/тикаппу* (チカツフ) – это птица. *Тикаццуфу/тикаппу* *инаво* (チカツフ • イナヲ) – убив выкормленную птицу, *инаво* выражают почтение ее духу. В его названии [на айнском языке] заключен смысл: *инаво* *птицы* (*тори-но* *инаво* 鳥のイナヲ). Когда варвары выкармливают медведей, лисиц и других животных, а также всевозможных птиц, [а потом] убивают их, то с глубоким почтением поклоняются их душам. И поклонение им несет чрезвычайно глубокий смысл» [Matsuda 1969, p. 89].

Мацуда дает краткое описание следующему *инау*. «*Иаси(ми)* (イアシ) называют *инаво*, размещенное внутри жилища варваров» [Matsuda 1969, p. 89]. *Хаси (ми)* ハシ называют маленькие ветки деревьев. Всегда, когда отправляются ловить рыбу, этими *инаво* поклоняются божеству моря (*кайдзин* 海神). При этом привязывают к веткам эти *инаво* и тем самым проявляют к нему почтение».

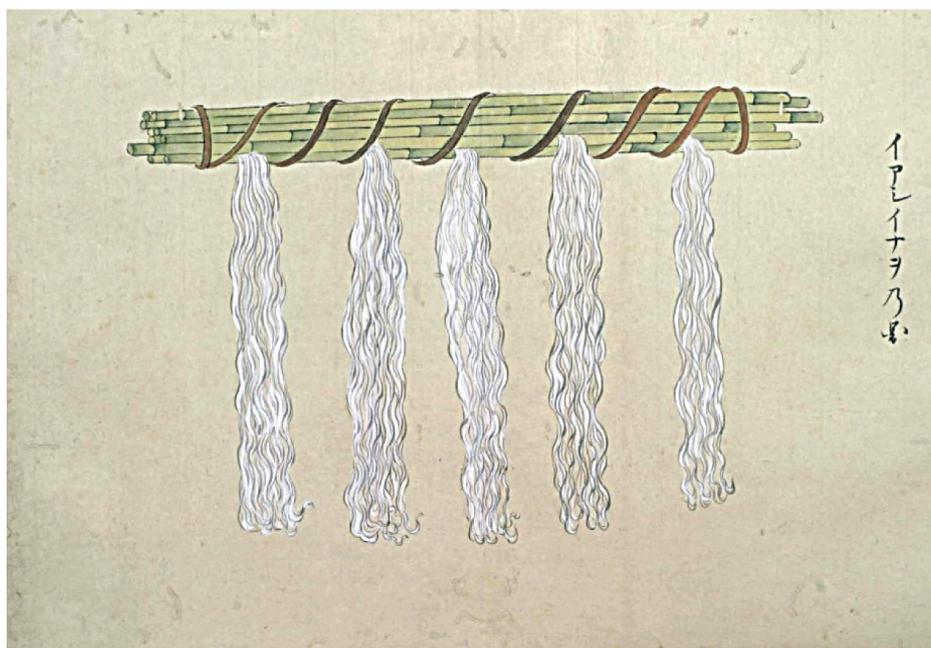
Об *хаси-инау* Мацуда сообщает: «(*Хаси-инаво*). *Хаси* – это мелкие ветки деревьев. Когда отправляются на охоту за морским зверем, то этим *инаво* выражают почтение морскому божеству на берегу. В этом случае привязывают к мелким веткам это *инаво* и таким образом поклоняются божеству» [Matsuda 1969, p. 89].

³² Мураками Симанодзё: сравнивает этот вид *инаво* с амулетом младенца в мешочке на Японских островах.

³³ Изображение этого *инау* находится на странице 31 рукописи Мураками. <http://www26211ue.sakura.ne.jp/pages/detail/130> (дата обращения: 10.01.2022).

Илл. 16³⁴. В правом верхнем углу написано: «Изображение тикаппу инаво» («Тикаппу инаво-но дзу», 「チカツフイナヲ乃圖」).

Илл. 17³⁵. В правом верхнем углу написано: «Изображение иаси инаво» («Иаси инаво-но дзу», 「イアセイナヲ乃圖」).

³⁴ На странице 33 рукописи Мураками размещено изображение этого *инау*. Сайт: <http://www26211ue.sakura.ne.jp/pages/detail/133> (дата обращения: 10.01.2022).

Это же изображение в рукописи Мацуда размещено на странице 139. <https://www.digital.archives.go.jp/img/pdf/1225358> (дата обращения: 14.07.2023).

³⁵ Рисунок размещен на странице 35 рукописи Мураками Сайт: <http://www26211ue.sakura.ne.jp/pages/detail/134> (дата обращения: 10.01.2022).

В рукописи Мацуда – на развороте страниц 140–141. Сайт: [https://www.digital.archives.go.jp/img.pdf/1225358](https://www.digital.archives.go.jp/img/pdf/1225358) (дата обращения: 14.07.2023).

Илл. 18. В рукописи Мацуда на странице 142 помещена иллюстрация, на которой изображено дерево, украшенное *инау*. Сопроводительной записи нет

Заключение

Медвежий праздник, который наблюдал Мацуда, проводился, по всей видимости, во второй половине ноября 1799 г. в селении Апута (совр. Абута) в южной части Хоккайдо. Автор «Рассказов» отметил важность этого праздника для айнов и распространенность его по всей территории их обитания.

Мацуда, не будучи профессиональным этнографом, не ставил перед собой цели скрупулезного его изучения. Он сам говорил, что, осознавая всю важность этого обряда для «варваров», записал все, что видел и слышал, не подвергая анализу полученную информацию (как это сделал гораздо позже по времени Б. Пилсудский). И, тем не менее, японскому исследователю удалось в общем виде определить (специально этого не оговаривая) комплекс обрядов, составляющих основу медвежьего праздника у айнов:

Маленького медвежонка содержали в неволе как члена семьи, у него была кормилица. Далее его содержали в клетке. По мнению, Б.А. Васильева такая практика была отчасти заимствована другими народами у айнов. Он полагает, что содержание медведя в клетке, кормление медвежонка женской грудью, подпиливание и чернение зубов у медведей является подтверждением южного происхождения обряда [Васильев, 1948, с. 95 – 96].

Мацуда ничего не пишет о подготовке места ритуального убиения медведя: изготовление и установка различных по форме инау, оформление задней стенки «лобного места», состоящей из циновок, которые украшали ценными для айнов предметами (японские мечи катана и другие предметы), но на рисунках эта стадия праздника отражена.

Сам процесс свежевания туши медведя никак не зафиксирован. Однако на рисунке видно, что Мацуда принял участие в распитии низкосортного сакэ и, можно предположить,

что вкушал сырое мясо убитого медведя. Совместная трапеза носила ритуальный характер, укрепляла связи между участниками. Лаковая посуда для сакэ, японские мечи имели большую ценность у айнов и по сути дела были культовыми предметами.

Мацуда приводит в рукописи 12 зарисовок различных *инау*. Он сравнивает их с известными японцам бумажными полосками-оберегами, расположенными у входа в синтоистские святилища, а также отмечает, что айны поклоняются божествам и обязательно используют *инау* при молении и почитании «пресветлым богам» (симмэй, 神明). Такое именование явно восходит к синто. К изготовлению *инау* можно приступать только после того, как смирил свое тело, очистил сознание и плоть, отмечает Мацуда. «Создаваемые формы *инаво* разительно отличаются друг от друга в зависимости от того, к какому божеству с молитвами обращаются. Кроме того, *инаво* имеет и другое название: *нуся* ヌシヤ» [Matsuda, 1969, p. 84].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арутюнов С.А.* Об айнских компонентах в формировании японской народности и ее культуры // Советская Этнография. 1957. № 2. С. 3–14.
- Боронец А.В.* Праздничная обрядность коренных малочисленных народов Сахалинской области // Сахалинская областная универсальная научная библиотека. Библиомир Сахалина и Курил. Выпуск № 1 (21). Материалы по популяризации культурного наследия коренных народов Севера Сахалина. Южно-Сахалинск: Сахалинская областная универсальная научная библиотека. 2013. С. 6–14.
- Васильев Б.А.* Медвежий праздник // Советская этнография. 1948. № 4. С. 78–104.
- Климов А.В.* Описание медвежьего праздника японским исследователем Мацуда Дэндзюро // Азия и Африка: Наследие и современность. XXIX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 21 – 23 июня 2017 г.: Материалы конгресса / отв. ред.: Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. Санкт-Петербург: изд-во Студия «НП-Принт». 2017. Т.2. С. 147–148.
- Климов А.В.* Торговля айнов Сахалина с народами Приморья до начала XIX в. // Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв. Коллективная монография / под ред. В.В. Щепкина. Ин-т восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург: изд-во «ЛЕМА». 2020. С. 214–254.
- Климов А.В.* Каботажные перевозки в Японии конца XVIII – начала XIX в. и первый морской переход из Эдо в Аккэси (по «Рассказам о северных варварах») // Новые источники по истории и культуре айнов. Коллективная монография / под ред. В.В. Щепкина. Ин-т восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург: изд-во «ЛЕМА». 2021. С. 277–334.
- Климов А.В.* Первая зимовка японцев на острове Итуруп в 1803–1804 гг. (по материалам «Рассказов о северных варварах») // Четыре века экспедиций в земли айнов. Коллективная монография / под ред. В.В. Щепкина. Ин-т восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург: изд-во «АРТ-ЭКСПРЕСС». 2022. С. 151–169.
- Крашенинников С.П.* Описание земли Камчатки с приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. Москва – Ленинград: Издательство Главсевморпути. 1949. 841 с.
- Пилсудский Б. О.* На медвежьем празднике айнов о. Сахалина // Живая старина. Основана В.И. Ламанским. Периодическое издание. Отделение этнографии Императорского Русского географического Общества. Год XXIII. Вып. 1–2. Петроград: Типография В.Л. Смирнова. 1914. С. 69–162.
- Соколов А.М.* Айны: от истоков до современности. Материалы к истории становления айнского этноса. Санкт-Петербург: МАЭ РАН. 2014. 766 с.

- Соколов А.М. Глава 3. Курильская коллекция № 820 в собраниях МАЭ РАН // Четыре века экспедиций в земли айнов. Коллективная монография / под ред. В.В. Щепкина. Ин-т восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург: изд-во «Арт-Экспресс». 2022. С. 43– 84.
- Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции под редакцией и с предисловием Я.П. Алькора. Ленинград: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича. 1936. 572 с.

REFERENCES

- Arutyunov, S.A. (1957). Ob ainskikh komponentakh v formirovani yaponskoi narodnosti i ee kul'tur [On the Ainu Components in the Formation of the Japanese People and Their Culture]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 2, 3–14. (In Russian).
- Boronets, A.B. (2013). Prazdnichnaya obryadnost' korennykh malochislennykh narodov Sakhalinskoj oblasti [Festive Rituals of the Indigenous Peoples of the Sakhalin Region]. In *Sakhalinskaya oblastnaya universal'naya nauchnaya biblioteka. Bibliomir Sakhalina i Kuril. Vypusk № 1 (21). Materialy po popularizatsii kulturnogo naslediya korennykh narodov Severa Sakhalina* [Sakhalin Regional Universal Scientific Library. World of Books of Sakhalin and the Kuriles. Issue No. 1 (21). Materials for popularizing the cultural heritage of the indigenous peoples of the North of Sakhalin] (pp. 6–14). Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin Regional Universal Scientific Library. (In Russian).
- Klimov, A.V. (2017). Opisanie medvezh'ego prazdnika yaponskim issledovatelem Matsuda Dendzyuro [Description of the Bear Festival by Japanese Explorer Matsuda Denjūrō]. In N.N. Dyakov, A.S. Matveev (Eds.), *Aziya i Afrika: Nasledie i sovremennost'. XXIX Mezhdunarodnyi kongress po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki, 21 – 23 iyunya 2017 g.: Materialy kongressa* [Asia and Africa: Heritage and Present Times. 29th International Congress on the Study of Sources and Historiography of the Countries of Asia and Africa, 21–23 June, 2017: Congress Materials] (pp. 147–148). Saint Petersburg: Izd-vo Studiya «NP-Print». (In Russian).
- Klimov, A.V. (2020). Torgovlya ainov Sakhalina s narodami Primor'ya do nachala XIX v. [Trade of the Sakhalin Ainu With the Maritime Region Peoples Before the Beginning of the 19th Century]. In V.V. Shchepkin (Ed.), *Ainy v istorii rossiisko-yaponskikh otnoshenii XVIII–XIX vv. Kollektivnaya monografiya* [The Ainu in the History of the Russian-Japanese Relations, 18th–19th Centuries. Collective Monograph] (pp. 214–254). Saint Peterburg: LEMA. (In Russian).
- Klimov, A.V. (2021). Kabotazhnye perevozki v Yaponii kontsa XVIII – nachala XIX v. i pervyi morskoi perekhod iz Edo v Akkesi (po «Rasskazam o severnykh varvarakh») [Coastal Shipping in Japan in the Late 18th – Early 19th Centuries and the First Sea Route from Edo to Akkeshi (Based on the “Tales of the Northern Barbarians”). In V.V. Shchepkin (Ed.), *Novye istochniki po istorii i kul'ture ainov. Kollektivnaya monografiya* [New Sources on the History and Culture of the Ainu. Collective Monograph] (pp. 277–334). Saint Petersburg: LEMA. (In Russian).
- Klimov, A.V. (2022). Pervaya zimovka yapontsev na ostrove Iturup v 1803–1804 gg. (po materialam «Rasskazov o severnykh varvarakh») [The First Winter Stay of the Japanese in the Island of Iturup in 1803–1804 (Based on the “Tales of the Northern Barbarians”)]. In V.V. Shchepkin (Ed.), *Chetyre veka ekspeditsii v zemli ainov. Kollektivnaya monografiya* [Four Centuries of Expeditions to the Lands of the Ainu. Collective Monograph] (pp. 151–169). Saint Petersburg: ART-EKSPRESS. (In Russian).
- Krashennnikov, S.P. (1949). *Opisanie zemli Kamchatki s prilozheniem raportov, donesenii i drugikh neopublikovannykh materialov* [Description of the Land of Kamchatka With the Application of Reports, Messages, and Other Unpublished Materials]. Moscow-Leningrad: Glavsevmorput' Publishing House. (In Russian).

- Pilsudskii, B.O. (1914). Na medvezh'em prazdnike ainov o. Sakhalina [At the Bear Festival of the Ainu of Sakhalin Island]. In *Zhivaya starina. Osnovana V.I. Lamanskim. Periodicheskoe izdanie. Otdelenie etnografii Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo Obschestva. God XXIII. Vyip. 1–2* [Living Antiquity. Founded by V.I. Lamansky. Periodical. Department of Ethnography of the Imperial Russian Geographical Society. Year XXIII. Issue. 1–2], pp. 69–162. Petrograd: Tipografiya V.L. Smirnova. (In Russian).
- Shternberg, L.Ya. (1936). *Pervobytnaya religiya v svete etnografii. Issledovaniya, stat'i, leksii pod redaktsiei i s predisloviem Ya.P. Al'kora* [Primitive Religion in the Light of Ethnography. Research, Articles, Lectures Under the Editorship and With a Preface by Ya.P. Alkor]. Leningrad: Publishing House of the P.G. Smidovich Institute of the Peoples of the North of the Central Executive Committee of the USSR]. (In Russian).
- Sokolov, A.V. (2014). *Ainy: ot istokov do sovremennosti. Materialy k istorii stanovleniya ainskogo etnosa* [Ainu: From the Origins to the Present. Materials on the History of the Formation of the Ainu Ethnos]. Saint Petersburg: MAE RAS. (In Russian).
- Sokolov, A.V. (2022). Glava 3. Kuril'skaya kolleksiya № 820 v kollektiyakh MAE RAN [Chapter 3. Kuril Collection No. 820 in the Collections of the MAE RAS]. In V.V. Shepkin (Ed.), *Chetyre veka ekspeditsii v zemli ainov. Kollektivnaya monografiya* [Four Centuries of Expeditions to the Lands of the Ainu. Collective Monograph] (pp. 43–84). Saint Petersburg: ART-EKSPRESS. (In Russian).
- Vasil'ev, B.A. (1948). Medvezhii prazdnik [Bear Festival]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 4, 78–104. (In Russian).

* * *

- Matsuda, Denjūrō. (1969). Hokuidan [Tales of the Northern Barbarians]. In *Nihon shomin seikatsu shiryō shūsei* [Collection of Historical Materials About the Life of the Common People of Japan], in 10 volumes, Vol. 4 (pp. 77–175). Tokyo. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 17.10.2023

Received: 17 October 2023

Принята к публикации: 22.01.2024

Accepted: 22 January 2024

От редакции. В номере третьем за 2023 г. в «Японских исследованиях» была опубликована статья А.В.Луговского, Ю.С.Пестушко и Е.В.Савеловой «Инсулярность как ядро этнокультурной идентичности (на примере сравнительно-сопоставительного анализа Великобритании и Японии)». Поднимаемые в ней вопросы показались нам весьма важными, так что мы решили продолжить начатый разговор и предоставили слово А.Н. Мещерякову, который высказал некоторые соображения, соотносящиеся с указанной статьей.

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-98-110

Восприятие «островной» Англии в «островной» Японии

А.Н. Мещеряков

Аннотация. Островное положение оказывает серьезное влияние на ход исторического процесса и менталитет обитателей той или иной страны. Однако это положение «работает» только в совокупности с другими факторами. И Япония, и Англия являются окруженными морем островными государствами, но для истории Англии характерно максимальное количество контактов с внешним «материковым» миром, а для Японии вплоть до середины XIX в. – минимальное. Наблюдаемый в японской истории периода Токугава пассивный подход к освоению пространства объясняется следующими факторами: высокой продуктивностью рисосеяния, отсутствием животноводства, представлениями о том, что Японские острова обладают наилучшим климатом, политикой «закрытой страны» сёгуната Токугава. В период Мэйдзи под влиянием Запада (в первую очередь, Великобритании) отношение к освоению пространства меняется коренным образом. Море начинает осмысляться как «проводящая», а не «изолирующая» среда. Выбор Великобритании как образца для подражания был обусловлен, в первую очередь, ее опытом по освоению морского пространства и создания мощной колониальной империи. Переход к новой модели «расширяющегося пространства» оправдывался также ссылками на глубокую древность, когда японцы обладали «активным» характером, но политика «закрытой страны», которую практиковал сёгунат Токугава, «испортила» японцев. В результате побед в войнах с Китаем (1894–1895) и Россией (1904–1905) Японию начинают именовать «Англией Востока». Великобритания перестает быть образцом для подражания после ее выхода в 1922 г. из японо-английского союзного договора. Теперь общественный дискурс направляется в сторону обоснования самобытности японцев. Автор подвергает сомнению устоявшуюся характеристику японцев как приверженцев традиции. Апелляция к древности действительно имела для них большое значение, и в этом смысле их можно считать «традиционалистами». Начиная новое, они искали (и находили!) его истоки в прошлом. После революции Мэйдзи японцы продемонстрировали поразительную способность к восприятию «нового», но часто предпочитали думать и говорить, что «всего лишь» вспомнили о своем прошлом. Автор полагает, что понятие «традиционность» является слишком широким и абстрактным. При ближайшем рассмотрении оно мало что дает для понимания исторических и культурных процессов, которые требуют тщательного расчленения на составляющие, имеющие точную хронологическую и ситуационную привязку.

Ключевые слова: Япония, Англия, островное положение, инсулярность, период Токугава, период Мэйдзи, национальный характер, эмиграция.

Автор: Мещеряков Александр Николаевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института классического Востока и античности Высшей школы экономики (Москва, 101000, Мясницкая, д. 20). ORCID: 0000-0001-6004-5743; E-mail: meshtorop@yahoo.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мещеряков А.Н. Восприятие «островной» Англии в «островной» Японии // Японские исследования. 2024. № 1. С. 98–100. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-98-110

The perception of “insular” England in “insular” Japan

A.N. Meshcheryakov

Abstract. The insular position has serious influence on history and mentality. However, this provision “works” only in conjunction with other factors. Japan and England are island nations, but the history of England is characterized by the maximum number of foreign contacts, while that of Japan, until the middle of the 19th century, by the minimum one. The passive approach to space in Tokugawa period is explained by the following factors: high productivity of rice cultivation, lack of livestock farming, the conviction that Japan has the best climate, and the “closed country” policy. During the Meiji period, under the influence of the West (primarily Great Britain), the attitude towards space changed radically. The sea was conceptualized as a “conducting,” rather than “isolating” environment. The choice of Great Britain as a role model was determined, first of all, by its experience in the conquest of maritime space and the creation of a powerful colonial empire. The transition to a new model of “expanding space” was also justified by references to ancient times, when the Japanese had an “active” character, but the “closed country” policy “spoiled” the Japanese. As a result of military victories over China (1894–1895) and Russia (1904–1905), Japan began to be called “England of the East.” Great Britain ceased to be a role model after its withdrawal from the Japanese-British Alliance Treaty in 1922, and public discourse was directed towards justifying the uniqueness of the Japanese. The established characterization of the Japanese as adherents of tradition is dubious. The appeal to antiquity was indeed of great importance for the Japanese and, in this sense, they can be considered “traditionalists.” But, after the Meiji Revolution, they demonstrated amazing ability to embrace the “new” and destroy the “old,” but often boasted that they were “merely” recollecting their past. The concept of “traditionality” is too broad. Upon closer examination it does not provide much for understanding historical and cultural processes which require careful division into components that have an exact chronological and situational reference.

Keywords: Japan, England, island location, insularity, Tokugawa period, Meiji period, national character, emigration.

Author: Meshcheryakov Alexander N., Dr. of Letters (History), Chief Researcher, Institute of Classical Oriental and Antiquity, Higher School of Economics (Moscow, 101000, Myasnitskaya, 20). ORCID: 0000-0001-6004-5743; E-mail: meshtorop@yahoo.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Meshcheryakov, A.N. (2024). Vospriyatie «ostrovnoi» Anglii v «ostrovnoi» Yaponii [The perception of “insular” England in “insular” Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 1, 98–110. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-98-110

Статья А.В.Луговского, Ю.С.Пестушко и Е.В.Савеловой «Инсулярность как ядро этнокультурной идентичности (на примере сравнительно-сопоставительного анализа Великобритании и Японии)» [Луговской, Пестушко, Савелова 2023] посвящена важнейшей

проблеме – влиянию географического фактора (в данном случае островного положения) на национальный характер и способы этнокультурной самоидентификации. В этом тексте присутствуют, главным образом, культуроведческие размышления. Мне хотелось бы дополнить их взглядом историка. Поскольку японские реалии мне знакомы намного лучше английских, это будет взгляд, прежде всего, с японской стороны. Некоторые из представленных в данной статье идей были впервые высказаны в моей монографии, специально посвященной трансформациям в осмыслении пространства в японской истории и культуре [Мещеряков 2014; Мещеряков 2022].

Природные условия и тип хозяйствования

Островное положение, безусловно, оказывает самое серьезное влияние как на ход исторического процесса, так и на менталитет обитателей той или иной страны. Однако это положение «работает» только в совокупности с другими факторами. И Япония, и Англия являются окруженными морем островными государствами, но для истории Англии характерно максимальное количество контактов с внешним «материковым» миром, а для Японии вплоть до середины XIX в. – минимальное. И это несмотря на то, что и Англия, и Япония находятся на расстоянии от материка достаточно близком, преодоление которого не вызывало непреодолимых трудностей.

Каковы же факторы, которые способствуют (или не способствуют) открытости (или закрытости) островной страны? Прежде всего, это природные условия, подходящие для того или иного типа хозяйствования. От этого типа напрямую зависит численность (плотность) населения, которая, в свою очередь, определяет ту или иную поведенческую стратегию страны и ее населения по отношению к пространству.

Сельское хозяйство Англии было основано на животноводстве и выращивании зерновых культур. Эти культуры (пшеница, овес, ячмень) дают принципиально более низкий урожай, чем рис, составлявший основу пищевой диеты японцев. Пищевой ресурс токугавской Японии, получаемый с единицы площади, значительно превосходил таковой в любой европейской стране. Японским крестьянам удавалось получать урожай риса сам-50 (т.е. 15–16 ц/га) и даже больше – самые высокие в мире [Науами 2009, р.60–81]. В XVI-XVIII вв. урожайность зерновых в Европе составляла 5-6 ц/га [Баччи 2010, с. 26].

Пастбища занимали значительную часть английской территории, пригодной для хозяйственного освоения, а измеренная в калориях продуктивность животноводства значительно уступает растениеводству. Таким образом, с точки зрения насыщения населения животноводство оказывалось намного менее эффективным, чем растениеводство. Кроме того, значительная часть продукции последнего служила в Англии для прокорма животных, а не людей. Мальтус посчитал, что для обеспечения питанием населения Англии плодами полеводства требуется 2 419 746 акров земли, в случае же напитывания того же количества людей мясом необходимая территория увеличивается до 44 475 478 акров [Мальтус 1895, с. 46–47]. Тем не менее, в списке его мер, направленных на уменьшение демографического давления, отказ от мясной диеты не значился, поскольку это означало бы полную перестройку хозяйственных навыков и пищевых привычек населения, а также отказ от символического значения мяса в английской картине мира.

В Японии животноводство не получило сколько-то серьезного развития – прежде всего в связи с его малой продуктивностью, ограниченностью сельскохозяйственных угодий, а также с запретом буддизма на поедание убоины (рыба в эту категорию не попадала). Поэтому все пригодные площади отдавались под растениеводство (с упором на рисосеяние). При этом именно рис считался престижным продуктом потребления. В связи с указанными факторами

численность (плотность) населения в Японии и Англии (более-менее сопоставимых по размеру территории) различались драматическим образом. На начало XVIII в. население Японии составляло более 30 млн человек, а Англии – 4,9 млн. Лишь к 1900 г. оно увеличилось до 30 млн [Баччи, 2010, с.18] – через полтора века после того, как этот уровень был достигнут в Японии. Но Томас Роберт Мальтус забил тревогу по поводу перенаселенности Англии уже в конце XVIII столетия, когда там проживало «всего» 8,6 млн человек. В Японии же стали волноваться относительно избыточного населения еще в конце XVII в. [Мещеряков 2023, с.74–77]. Демографическая обеспокоенность в этих странах стала высказываться при сильно различающейся численности и плотности населения.

Роль внешних миграций в истории

Для облегчения демографической нагрузки Япония и Англия (Великобритания) выбрали диаметрально противоположные стратегии. Хотя Англия пыталась увеличить пищевой ресурс за счет улучшения агротехники и внедрения новых культур (прежде всего, картофеля), это не привело к радикальному улучшению ситуации. Страшный голод 1845–1849 гг., вызванный неурожаем картофеля, решительно усилил уже наблюдавшуюся тенденцию к внешней миграции, которая осуществлялась морским путем. За время голодных годов население Ирландии сократилось приблизительно на 20–25% (один миллион погиб, еще один эмигрировал – в основном, в Америку). Таким образом, морская среда рассматривалась не только как изолирующая, но и как проводящая среда. Это стало возможным ввиду создания судов (сначала парусных, а потом паровых), способных преодолевать морские просторы.

Япония была тоже окружена морями, но это не привело к осмыслению моря как проводящей среды. Пионерский дух был мало проявлен в японской истории. Несмотря на огромное влияние буддизма, японцы не предпринимали попыток добраться до его родины – Индии. Сёгунат Токугава вообще запретил строительство больших судов. Вплоть до середины XIX в. японские мыслители согласно превозносили море, которое «защищает» от иностранных вторжений. Расхожим стало определение Японии как «страны-крепости, окруженной водой». Токугавской Японии явление внешней миграции было абсолютно незнакомо. И дело не только в пресловутом «закрытии» страны, но и в том, что выращивание риса способно прокормить намного большее население. Случаев голода зафиксировано не так мало, но никогда голод в Японии не имел таких катастрофических масштабов, как в Англии.

Рисосеяние требует создания сети трудоемких ирригационных сооружений и формирует прочный комплекс оседлости: люди предпочитают совершенствовать уже имеющуюся инфраструктуру, а не искать «за морем» лучшей доли. Пассивный подход к освоению пространства подкреплялся серьезными идеологическими доводами. В соответствии с конфуцианскими постулатами, японские мыслители полагали, что их страна находится в центре мира и обладает наилучшими природными условиями для выращивания риса, а потому освоение новых территорий и внешняя миграция не имеют никакого смысла. Осознание того, что страна перенаселена, не привело к миграциям, хотя расположенный рядом с территорией «основной» Японии остров Хоккайдо был практически незаселенным. Однако сколько-то серьезных попыток его колонизации не проводилось: тамошний климат не позволял выращивать рис, а «культурные» люди (то есть японцы), должны, как считалось, питаться именно рисом.

Представление англичан об идеальных условиях существования имело пространственный характер (остров Утопия Томаса Мора), а утопические представления японцев – временной («золотой век», благословенное время предков).

Внутренняя миграция в Японии в период Токугава тоже не приняла сколько-то масштабного характера. Крестьянское отходничество было достаточно распространенным явлением, но осуществлялось, как правило, в пределах своего княжества (их насчитывалось около двух с половиной сотен) и не приводило к окончательному откреплению крестьянина от своей деревни. Если добавить к этому, что въезд в страну тоже был запрещен, и в Японии существовало строгое сословное деление, то становится понятным, почему оппозиция «свой-чужой» была выявлена с очень большой определенностью (намного большей, чем в Англии). Она распространялась не только на иностранцев, но и на все японское общество. Оно было жестко фрагментировано как по социальному, так и по географическому принципу, так что ни о какой единой нации не могло быть и речи. Человек идентифицировал себя по сословной принадлежности, месту рождения, принадлежности к тому или иному княжеству.

Несмотря на определенное сходство географического положения, до революции Мэйдзи исторические пути Японии и Англии имели между собой мало общего. Англия решала (и создавала) многие свои проблемы за счет внешнего фактора (эмиграция, войны, колониальные завоевания), а Япония сосредотачивалась на использовании внутренних ресурсов. Со своим демографическим давлением японцы справлялись не за счет эмиграции, а за счет ограничения брачности (далеко не всем младшим сыновьям разрешалось вступать в брак, безбрачие практиковалось и среди значительной части буддийского духовенства), позднего вступления в брак, широкого распространения инфантицида, развитой сети публичных домов (их посещение предотвращало рождение «нежеланных» детей для мужчин, а сами проститутки, как правило, прерывали беременность или прибегали к инфантициду) [Мещеряков 2023, с. 132–149].

Несмотря на радикальную разницу в картине мира, в обеих странах сложился выраженный комплекс превосходства. Но если в Англии он был связан с осуществлением концепции расширяющегося национального пространства и сопутствующего восторга по поводу своих пионерских (империалистических) достижений, то в Японии, наоборот, полагали, что именно закрытость страны и защищенность ее от «вредных» иностранных влияний обеспечивает социальный мир и непревзойденную самобытность. При этом большие размеры иных стран расценивались как сугубо отрицательный фактор. Известный астролог и географ Нисикава Дзёкэн (1648–1724) полагал: обычаи людей в Индии и Китае ввиду их чересчур больших размеров настолько разнообразны, что это приводит к политической нестабильности и смене правящих династий – явление, которого не знала Япония [Nishikawa 1988, с. 25].

Англия как образец для подражания для Японии

Вместе с революцией Мэйдзи уходит и гордость по поводу своей изолированности от мира, а сёгунат Токугава начинают поносить за то, что он закрыл страну и лишил ее достижений западной цивилизации. Япония становится открытой страной, вступает в полноформатные отношения с международным сообществом и начинает жить по правилам, которые, однако, были выработаны не в Японии, а на Западе. При столкновении с ним японцев охватывает комплекс неполноценности, ибо к ним приходит осознание того, насколько далеко ушел Запад в цивилизационном отношении за время добровольной автаркии. Однако это понимание не привело к безвольному отчаянию, а стимулировало поиски путей для преодоления отставания.

Прежде всего требовалось выбрать привлекательный образец, которому следовало следовать. Знаменитый просветитель Фукудзава Юкити (1835–1901) в своей известной книге «Призыв к учению» («Гакумон-но сусумэ») призвал японцев учиться у обобщенного Запада. Но у кого именно? Великобритания была тогда безусловным мировым лидером в промышленности, науке и военном (особенно военно-морском) деле, что позволило создать самую мощную

колониальную империю, над которой «никогда не заходит солнце». Распространенность в мире английского языка тоже играла огромную роль. Поэтому выбор Англии (а, вернее, Великобритании) в качестве модели для подражания выглядит вполне объяснимо.

Существовало и чисто случайное историческое обстоятельство, склонявшее Японию в сторону Англии: во время противостояния между сторонниками сёгуна Ёсинобу и юного императора Мэйдзи Англия поддержала именно его, а Франция – сёгуна. Поскольку победа в гражданской войне осталась за сторонниками императора, английские советники нового правительства оказывали на него самое существенное влияние и способствовали «англизации» Японии. Среди приглашенных в страну преподавателей и специалистов насчитывалось больше всего англичан, которые намного опережали выходцев из других стран. Основным иностранным языком, изучавшимся в японских учебных заведениях, стал английский в его «классическом» британском варианте. В качестве учебных материалов с неизбежностью использовались книги на языке оригинала, а в отношении накопленного книжного богатства Англия далеко превосходила Америку. Такие важные для истории японской мысли фигуры, как Утимура Кандзо, Оакура Тэнсин и Нитобэ Инадзо, писали свои труды не только по-японски, но и по-английски. «Засилье» английского языка в образовательных учреждениях в начале периода Мэйдзи было столь велико (некоторые предметы преподавались только на английском), что Нацумэ Сосэки, вспоминая свои школьные годы, писал: временами мы ощущали себя как бы индийцами и подданными Великобритании [Sōseki 1957, p. 234]. Наиболее «видимым» аспектом вестернизации стал правительственный зал приемов Рокумэйкан, где устраивались балы и маскарады на западный лад, поскольку японская элита всеми силами пыталась продемонстрировать, что Япония стала «цивилизованной» страной. Рокумэйкан был возведен по проекту английского архитектора Д. Кондера. Здание министерства военно-морского флота построил тоже он.

Разумеется, Япония училась не только у Великобритании. Так, прусская армия послужила моделью для японских сухопутных сил, что повлекло за собой и укоренение в Японии немецкой медицинской школы (западная медицина первым делом вводилась приказным порядком именно в армии). Франция послужила образцом для создания современной полиции и юридической системы. При содействии американских специалистов началось освоение Хоккайдо. И, тем не менее, именно британское влияние следует признать наибольшим. Особо следует отметить его «транспортную» составляющую – Япония училась у Великобритании навыкам освоения пространства. Английские специалисты строили первые японские железные дороги, одним из побочных следствий чего стало принятие левостороннего движения. До этого времени левостороннее движение было принято только в самой Великобритании и ее колониях. Но, пожалуй, главным в этом отношении был британский опыт освоения морского пространства – «столбовой» путь, по которому устремилась (поплыла) Япония. Море расценивается теперь не как изолирующая, а как проводящая среда. Важно при этом отметить, что восхищение Англией отнюдь не всегда означало восхищения человеческими свойствами ее обитателей. Многие из находившихся в Японии английских дипломатов и торговцев совершенно в духе того расистского времени вели себя по отношению к японцам высокомерно и оскорбительно. Оказавшийся в 1862 г. в Англии Фукудзава Юкити обнаружил там не только расистов и заключил: «Все-таки в мире водятся не только подонки» [Fukuzawa 2021, p.155–156]. В 1886 г. разразился жуткий скандал: у берегов Японии затонул английский корабль «Нормантон». Сама команда спаслась, но моряки ничего не сделали, чтобы спасти японских пассажиров. Японцы увидели в этой трагедии еще одно подтверждение презрительного отношения англичан к японцам. Пожалуй, никто (или почти никто) из японцев не полагал, что англичане (и европейцы вообще) могут служить примером в моральном отношении. Очень многие японские «западники», черпавшие свои знания из книг, оказывались разочарованы, побывав в западных странах. Особенно это касается японцев, получивших христианское воспитание в Японии [Hirakawa 2008, p. 210–228].

Их идеалистические представления о Западе бывали разрушены, когда они сталкивались там с воровством и обманом, безжалостной конкуренцией, алчностью, презрительным отношением к «азиатам» и другим «цветным», двоедушием, огромным имущественным разрывом между богатыми и бедными, отсутствием социального мира...

Тем не менее, цивилизационные достижения Великобритании оказывались более весомыми, чем недовольство человеческими качествами самих англичан.

Уровень амбиций японского истеблишмента был высок, и в качестве главного образца для подражания значилась именно Великобритания. Фукудзава Юкити с восторгом встретил начатую Японией в 1894 г. войну против Китая. Он расценивал ее как схватку между цивилизацией и дикостью. Победа «цивилизации» должна была привести, по его мнению, к радикальному упрочению позиций Японии в мире. В августе 1894 г. он писал в передовице издаваемой им газеты «Дзидзи симпо», что в результате победы Япония должна стать «азиатской Англией», когда все японское будет считаться в Азии за эталон: язык, еда, одежда – точно так же, как все английское является образцом для западного мира [Huffman 1997, p. 205–206].

«Западники», подобные Фукудзава, хотели догнать Запад за счет подражания ему, но у нативистов, настаивавших на необходимости сохранить самобытность Японии, это вызывало неприкрытое раздражение. Журнал «Нихондзин» («Японцы») объединял вокруг себя людей, которые выступали против безоглядного «озападнивания» Японии, уподобляя его «мимикрии» у низших животных, которые – в силу своей беспомощности – вынуждены менять окрас кожи, чтобы не быть сожранными более сильным. Издеваясь над оголтелыми западниками, Сига Сигэтака (1863–1927) с возмущением писал в июньском номере журнала «Японцы» за 1888 г., что они хотят отбелить желтую кожу, перекрасить волосы и глаза, превратить Камакуру в Виндзор, а синтоистское святилище Цуругаока Хатиман – в Кентерберийский собор. Но журнал «Нихондзин» был тогда изданием сугубо периферийным, его не раз запрещали за страстную критику настроенного на прозападный лад правительства. Авторы «Нихондзин» еще не осознавали, что «западники» мечтают о том же самом, что и они: сделать Японию великой державой.

Дискуссия об островном положении

Каких бы убеждений ни придерживались японцы, в качестве «точки отсчета» почти всегда значилась Англия. В начале периода Мэйдзи они характеризовали свою страну как крошечную, островную, отсталую. Однако в результате широкомасштабных реформ Япония добилась значительных успехов в создании государственных институтов, в экономике и образовании, организации вооруженных сил. Определение «островная», с которым прочно ассоциировалась Япония, никуда не делось, но теперь оно переставало восприниматься в связке с «отсталостью». И в этом отношении Англия снова выступила в качестве примера и образца.

В своей работе 1894 г., посвященной влиянию географического фактора на историю, видный мыслитель Утимура Кандзо (1863–1930) сетовал: Япония окружена обширными морями, однако она не сумела воспользоваться этим преимуществом – точно так же, как Индия или Китай, она не уделяла морю должного внимания, страшилась его, а потому в течение длительного времени была уединенной страной на самом краю Востока. Поэтому она и не сумела расширить свою территорию, ведь «история моря – это история экспансии». Поэтому Япония не сумела стать такой же огромной, как Великобритания или Россия. «История начинается в горах, проходит через равнины и завершается в море. Отсутствие одного из этих элементов означает невозможность здорового развития» [Uchimura 2011, p. 152–153, 50–51].

А потому, рассуждал Утимура, Японии надлежит освоить морскую стихию, и тогда «островная Япония» сумеет приобщиться к материковости. Утимура настаивал на том, что историческая миссия морской Японии – соединять в торговом и культурном отношении разные материки, подобно тому, как Англия соединяет Европу и Америку, Сицилия – Европу и Африку, а Кипр – Европу, Африку и Азию. «География отвечает на вопрос о небесном предназначении страны под названием Япония: оно состоит в том, чтобы быть посредником между Западом и Востоком, а потому разве можно говорить о ее ущербности? Это то небесное предназначение, которым не стыдно гордиться великому народу» [Uchimura 2011, p. 66–69].

Весной того же 1894 г. в журнале «Друг народа» («Кокумин-но томо») появилась статья Кумэ Кунитакэ «Характер островитян». Ее смысл сводился к тому, что раз такая островная страна, как Англия, сумела стать супердержавой, то и для Японии тоже существует такая возможность. Поэтому и японцы могут (должны!) развить в себе те же самые качества, которыми обладают англичане: открытость, смелость, решительность, готовность к покорению пространства. В глубокой древности японцы обладали этими качествами, но потом «изнеженные» хэйанские аристократы и ксенофобский режим Токугава превратили японцев в пассивных, глупых и никчемных людей.

Именно такая обнадеживающая, с оглядкой на Англию, трактовка термина «островная страна» становится господствующей в Японии конца XIX – начала XX в. При таком подходе Япония и Великобритания оказывались в одном понятийном поле, что способствовало и их политическому сближению: в 1902 г. между Японией и Англией был подписан союзный (по существу, военный) договор. В Японии начинают часто называть свою страну «Англией (Великобританией) Востока». Это соположение было односторонним: Япония хотела походить на Англию, но трудно себе представить, чтобы англичане желали походить на японцев. В Японии высказывалась идея о переходе страны на английский язык, но ни в каком сне не может привидеться, что англичане вдруг решили отказаться от своего языка в пользу японского. Это были отношения учителя и ученика: английские инструкторы и офицеры обучали японцев премудростям военно-морского дела, а не наоборот. Английским языком владели многие японцы, англичан же, выучившихся японскому, насчитывались единицы. В Японии издавалось огромное количество переводов английских книг самого разнообразного содержания, в Англии же переводов с японского обнаруживалось ничтожно мало. Японцы учились в английских учебных заведениях, но не наоборот. Японцев привлекал не столько пресловутый консерватизм англичан или овсянка на завтрак, сколько их научно-технические достижения, пионерский дух, способность покорять морские просторы, расселяться по миру и создавать колонии. Еще в 1875 г. Фукудзава Юкити восхищался тем, что поскольку Англия производит высокотехнологичные товары с высокой добавленной стоимостью, это приносит ей богатство, население растет, и потому англичане сумели расселиться по всему миру [Fukuzawa 2009, p. 279–280].

Публикация Кумэ Кунитакэ вышла накануне японо-китайской войны. В результате нее Япония получила свою первую колонию – Тайвань, то есть восхищение Великобританией и англичанами приобрело практическое измерение. После победоносной войны с Россией территория Японии приросла Южным Сахалином, а в 1910 г. была аннексирована Корея. Обожатели Англии могли быть довольны: японцы доказали себе и миру, что японцы и вправду походят на англичан в их империалистическом измерении, и оппозиция «свой-чужой» по отношению к ним стала выглядеть со стороны Японии сильно размытой водами мирового океана, который еще не был окончательно поделен на сферы влияния. Как и Великобритания, Япония превращалась во «владычицу морей». Как и Великобритания, Япония превратилась в «многонациональную» империю, что служило предметом неприкрытой национальной гордости. Можно было бы заявить, что Япония в этом отношении походит на Францию или США, но выговорить это было невозможно ввиду того, что эти страны, в отличие от Великобритании,

не были монархиями, а ведь императорский дом служил в самой Японии главным элементом государственной конструкции. Другое дело Великобритания – визиты в Японию членов ее правящего дома всегда рассматривались как дело первостепенной важности и свидетельство особо близких отношений. Некоторые элементы тамошней церемонии восхождения монарха на престол послужили образцом для части действ, связанных с воцарением императоров Тайсё (на троне в 1912–1925 гг.) и Сёва (1925–1989).

Но сходство между японцами и англичанами касалось прежде всего государственной мощи. Что касается бытовых привычек, то, несмотря на все старания западников, реформировать стиль жизни японцев, эти усилия далеко не всегда приводили к значимым результатам. Так, например, усиленная пропаганда мясо-молочной диеты, призванная сделать японцев более рослыми и крепкими, не принесла сколько-то ощутимых последствий. Помимо физиологических и психологических причин неприятия пищевых новшеств, существовали и серьезнейшие материальные основания для сколько-то широкого распространения западной диеты: крестьяне не производили достаточное количество мясо-молочных продуктов, ибо основная часть угодий была отдана под выращивание риса как более продуктивного вида деятельности. В 1920-х гг. 98% пищевых калорий поступало в организм японца за счет растительной пищи. Из них половина приходилась на рис, а 15% на пшеницу (хлебобулочные изделия и лапшу) [Yanaihara 1928, p. 160]. Так что попытки перехода на мясо-молочную и хлебную диету на практике имели весьма ограниченное количество успешных результатов. Доступ к этим продуктам имели далеко не все японцы. В особенности это касается мяса, которое оставалось продуктом престижного городского потребления. В 1911–1915 гг. потребление мяса составляло всего 3,6 г. в день на душу (тело?) населения. К концу 1930-х гг. этот показатель подрос до «целых» 10 г. Соответствующие показатели по молоку составили 2,9 и 9 г [Sūji 1986, p. 198]. Можно было бы сказать, что произошло многократное увеличение, но на это утверждение любой англичанин ответил бы лишь снисходительной улыбкой.

Мечта о том, что японцы, подобно англичанам, сумеют расселиться по всему миру, тоже, по большому счету, закончилась неудачей. Население быстро росло, и, чтобы ослабить демографическое давление, правительство усиленно призывало японцев добровольно эмигрировать и даже материально помогало им в этом, но они предпочитали оставаться дома – комплекс оседлости не изживается так быстро. Публицисты и специалисты по демографической политике обвиняли японца в «чрезмерной» любви к своей малой родине, считая ее за большой недостаток, но это не помогло делу: переселенцев насчитывалось слишком мало [Мещеряков 2022а, с. 78–94]. Японцы были согласны воевать и завоевывать, но переселяться в колонии навсегда они не желали.

От восхищения к враждебности

Период, когда Япония равнялась на Англию, оказался по историческим меркам коротким. После победы в войне с Россией японцы стали считать, что их родина встала вровень с западными державами, и европейцы стали держать японцев «за своих». Доказательством тому было участие Японии в Первой мировой войне, в которой она выступила на стороне Антанты. Ее участие оказалось минимальным, но она все равно очутилась в стане победителей. Однако Запад отнюдь не желал признавать Японию равным партнером. На Версальской мирной конференции, подводившей итоги Первой мировой войны, делегация Японии предложила, чтобы в устав создаваемой Лиги Наций было внесено положение о расовом равенстве. Однако из-за противодействия США и Великобритании оно не было принято, что больно ударило по национальному самолюбию японцев. В 1922 г. Великобритания вышла из союзного договора с Японией, заключенного в 1902 г. Рядовой японец считал, что его страна

поступила «благородно», когда проявила верность японо-английскому союзу и в начале Первой мировой войны объявила войну Германии. «Предательское» поведение Англии вызвало бурю негодования, японцы считали себя обиженными, Англию стали обвинять в вероломстве, а восхищение Англией сменилось сначала более прохладным отношением, а потом и неприкрытой ненавистью.

В первые годы Мэйдзи книга англичанина Самуэля Смайлса *Self-Help* («Самопомощь»), превозносившая предприимчивость и индивидуализм, пользовалась огромной популярностью и разошлась тиражом в миллион экземпляров. В общественном дискурсе 1930-х годов англичане выступали уже как алчные, лживые и беспринципные колониалисты и грабители, а их «индивидуализм» преподносился как «эгоизм». В теперешней трактовке японский «национальный характер» не имел с английским ничего общего: японцы представляли как народ с коллективистскими ценностями, которые воплощались в беспримерном самопожертвовании и готовности положить жизнь за родину и императора – качества, которыми англичане были обделены. Считалось, что по этим параметрам японцы вообще не знают себе в мире равных, ибо обладают «духовностью», которой лишены западные «прагматики» и «материалисты».

Стремительная смена настроений по отношению к Англии доказывает, что «англомания» японцев была обусловлена прежде всего геополитическими соображениями. При изменении политической ситуации исчезло и восхищение. В 1930-х гг. Соединенные Штаты Америки начали считать «аппендиксом» Великобритании, а «англосаксы» (наряду с СССР) стали фигурировать в качестве экзистенциального врага Японии.

«Традиционность» японцев

Расхожее мнение состоит в том, что японцы являются народом, приверженным традициям. Если это и верно, то только отчасти. В период Мэйдзи произошло радикальнейшее изменение картины мира, и поначалу все основные ценностные установки эпохи Токугава подверглись ожесточенной критике. Из закрытой страны с принципиально стабильной территорией Япония превратилась в страну открытую, ее государственные границы подлежали расширению, понятие «прогресс» сменило установку на следование дорогой предков. Таким образом, представления о хронотопе – едва ли не основной характеристике любой культурно-цивилизационной модели – были полностью пересмотрены под прямым влиянием Запада, основным представителем которого стали считать Великобританию.

Порывая с токугавским прошлым, идеологи объявляли, что «древние» японцы были совсем другими. Токутоми Сохо, один из ведущих журналистов того времени, в 1894 г. выпустил книгу «О расширении территории великой Японии» («Дайниппон ботёрон»). В ней он утверждал: поскольку предки японцев три тысячи лет назад покорили бурное море и обосновались на Японском архипелаге, то нынешнее стремление расселиться по миру есть «всего лишь» их естественное желание возвратиться на свою прародину [Tokutomi 1894, p. 2].

Наши знания об эпохе, отстоящей от нас больше, чем на три тысячи лет, и сейчас являются весьма ограниченными. Однако совершенно понятно, что никаких «японцев» тогда не существовало. Но в данном случае работала типичная логика мэйдзийского времени, зачастую представлявшая «новое» (европейское) за хорошо забытое «старое» (японское). Подтверждений тому можно привести множество. Так, например, японский император никогда не был военным предводителем, но образ Мэйдзи стали кроить по европейскому лекалу, приписали ему военную функцию и облачили в военный мундир, оправдывая это тем, что в глубокой древности император якобы являлся верховным главнокомандующим.

Это, безусловно, не соответствует исторической действительности, ибо императорский род имел не военное, а жреческое происхождение. Япония никогда не была моногамной страной, но под влиянием Запада она значительно приблизилась к этому «идеалу» и легитимизировала его за счет создания свадебного религиозного ритуала, в соответствии с которым принц Ёсихито (будущий император Тайсё) оформил свой брак [Мещеряков 2023а, с. 185–195]. Ни буддизм, ни синто никогда не освящали свадебного обряда, он был изобретен только в начале XX в., но выдавался за древнесинтоистский. Даже такая новаторша, как отчаянная феминистка Хирацука Райтё (1886–1971), в первом номере журнала «Синий чулок» (1911 г.) не нашла ничего лучше, как оправдывать свои западнические феминистские убеждения апелляцией к глубокому японскому прошлому: «В древности женщина была солнцем. В ней была заключена истинность. Теперь же женщина стала луной. Она живет, завися от других, она светит лишь отраженным светом, она – луна с ее бледным ликом больного человека» [Hiratsuka 1983, p.14].

Примеры подобного рода можно множить и множить. Они свидетельствуют о том, что апелляция к древности действительно имела для японцев большое значение, и в этом смысле их можно считать «традиционалистами». Начиная новое, они искали (и находили!) его истоки в прошлом. Это была далекая, протяженная и плохо верифицируемая древность, в которой при известном желании можно обнаружить все что угодно. После революции Мэйдзи японцы продемонстрировали поразительную способность к восприятию нового, но часто предпочитали думать и говорить, что «всего лишь» вспомнили о своем прошлом. Они очень многое позаимствовали с Запада, в частности, из Англии. Хотя и в Японии находилось немало хорошего, Запад, и, в частности, Англия, не позаимствовали из Японии практически ничего. И кого в таком случае следует считать более «консервативными» – англичан или японцев? Японцы стали оказывать реальное влияние на европейский строй жизни, в частности, на англичан только в 1960-х гг., когда страна Япония продемонстрировала впечатляющие экономические успехи, которые произвели на мир колоссальное впечатление. Что касается времени непосредственно после окончания Второй мировой войны, то высокомерное отношение англичан к «япошкам» блистательно описано, в частности, в прекрасном романе Каги Отохико «Столица в огне» [Кага 2020, p. 434–446].

Начиная с 1960-х гг. влияние Японии на западный и восточный миры коснулось пищевой диеты, дизайна, эстетики, поп-культуры, трудовой этики, менеджмента, изобретений, товаров, языка и многого другого. Фукудзава Юкити мечтал о подобном влиянии на Азию, которое будет завоевано в результате победы в китайской войне. На деле же оказалось, что эта цель достигается с помощью «мягкой силы», а сила «жесткая» здесь ни при чем. Япония потерпела разгромное поражение во Второй мировой войне, но затем добилась огромных успехов в мирном соревновании в Западом, оставив Англию далеко позади во многих отношениях.

Заключение

Представляется, что понятие «традиционность» слишком широко и огульно. При ближайшем рассмотрении оно мало что дает для понимания исторических и культурных процессов, которые требуют тщательного расчленения на составляющие, имеющие точную хронологическую и ситуационную привязку. Точно таким же дифференцированным образом следует относиться и к термину «национальный характер» – хотя бы потому, что это не раз и навсегда застывшая данность, а динамичное и текучее образование.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Баччи Массимо Ливи.* Демографическая история Европы. Санкт-Петербург: Alexandria. 2010.
- Кага Отохико.* Столица в огне / под общ. Ред. А.Н.Мещерякова, пер. А.П.Беляева, А.В.Костыркина, А.Н.Мещерякова, С.А.Родина, Е.Б.Сахаровой, Е.С.Тарасовой, М.В.Торопыгиной. Санкт-Петербург: Гиперион. Т.3.
- Луговской А.В., Ю.С.Пестушко Ю.С., Е.В.Савелова Е.В.* Инсулярность как ядро этнокультурной идентичности (на примере сравнительно-сопоставительного анализа Великобритании и Японии) // Японские исследования. 2023. №3. с. 49–62.
- Мальтус Т.Р.* Опыт закона о народонаселении / пер. И.А. Вернера. Москва: Издание К.Т. Солдатенкова. 1895.
- Мещеряков А.Н.* Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения. Москва: Дело. 2014.
- Мещеряков А.Н.* Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения. Москва: «Лингвистика». 2022.
- Мещеряков А.Н.* Японская эмиграция: от революции Мэйдзи до Второй мировой войны (практический и эмоциональный контекст) // Японские исследования. 2022а. №1.
- Мещеряков А.Н.* Безымянная Япония: демографическое, историческое и человеческое измерение. Москва: Лингвистика. 2023.
- Мещеряков А.Н.* Мещеряков А.Н. Идея моногамии и семейные отношения в Японии периода Мэйдзи // Вопросы философии. 2023а. №7. с. 185–195.

REFERENCES

- Bacci, Massimo Livi. (2010). *Demograficheskaya istoriya Evropy* [Demographic History of Europe]. Saint Petersburg: Alexandria. (In Russian).
- Kaga, Otohiko (2020). *Stolitsa v ogne* [The Capital in Flames]. Ed. by A.N. Meshcheryakov. Translated by A.P. Belyaev, A.V. Kostyrkin, A.N. Meshcheryakov, S.A. Rodin, E.B. Saharova, E.S. Tarasova, M.V. Toropygina. Vol. 3. Saint Petersburg: Giperion. (In Russian).
- Lugovskoy, A.V., Pestushko, Y.S., Savelova, E.V. (2023). Insulyarnost' kak yadro etnokul'turnoi identichnosti (na primere sravnitel'no-sopostavitel'nogo analiza Velikobritanii i Yaponii) [Insularity as a core of ethnocultural identity (a comparative study of Great Britain and Japan)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 3, 49–62. (In Russian).
- Malthus, Thomas Robert. (1895). *Opyt zakona o narodonaselenii* [Essay on the Principle of Population]. Translated by I.A. Verner. Published by K.T. Soldatenkov. Moscow. (In Russian).
- Meshcheryakov, A.N. (2014). *Terra Nipponica: sreda obitaniya i sreda voobrazheniia* [Terra Nipponica: Natural Environment and Its Perception]. Moscow: Delo. (In Russian).
- Meshcheryakov, A.N. (2022). *Terra Nipponica: sreda obitaniya i sreda voobrazheniia* [Terra Nipponica: Natural Environment and its Perception]. Moscow: Lingvistika. (In Russian).
- Meshcheryakov, A.N. (2022a). Yaponskaya emigratsiya: ot revolyutsii Meidzi do Vtoroi mirovoi voiny (prakticheskii i emotsional'nyi kontekst) [Japanese Emigration: From the Meiji Revolution to World War II (Practical and Emotional Context)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 1, 78–94. (In Russian).
- Meshcheryakov, A.N. (2023). *Bezimyannaya Yaponiya: demograficheskoe, istoricheskoe i chelovecheskoe izmerenie* [Nameless Japan: Demographic, Historical and Human Dimension]. Moscow, Lingvistika, 2023. (In Russian).
- Meshcheryakov, A.N. (2023a). Ideya monogamii i semeinye otnosheniya v Yaponii perioda Meiji [The idea of monogamy and family relationships in Japan during the Meiji period]. *Voprosy filosofii*, 7, 185–195. (In Russian).

* * *

- Fukuzawa, Yukichi. (2009). *Bunmeiron no Gairyaku* [An Outline of a Theory of Civilization]. Tokyo: Iwanami. (In Japanese).
- Fukuzawa, Yukichi. (2021). *Fukuo Jiden* [The Autobiography of Fukuzawa Yukichi]. Tokyo: Iwanami. (In Japanese).
- Hayami, Akira. (2009). *Population, Family and Society in Pre-Modern Japan*. Folkerstone: Global Oriental.
- Hirakawa, Sukehiro. (2008). *Japan's Love-Hate Relationship with the West*. Folkestone: Global Oriental.
- Hiratsuka. (1983). *Hiratsuka Raichō. Chosakushū* [Works of Hiratsuka Raicho], Vol. 1. Tokyo: Otsuki Shoten. (In Japanese).
- Huffman, J.L. (1997). *Creating a Public: People and Press in Meiji Japan*. University of Hawaii Press.
- Nishikawa Joken. (1988). *Nihon Suido Kō. Suido Kaiben. Kai tsūshō* [Thoughts on Japanese Land and Seas. On Land and Seas. Thoughts on Trade and Communication With the Civilized and the Barbaric]. Tokyo: Iwanami. (In Japanese).
- Sōseki. (1957). *Sōseki zenshū* [Complete Works], Vol. 34. Tokyo: Iwanami. (In Japanese).
- Sūji. (1986). *Sūji de Miru Nihon no Hyakunen* [One Hundred Years of Japan in Numbers]. Tokyo: Kokuseisha. (In Japanese).
- Tokutomi, Sohō. (1894). *Dainippon Bōchōron* [On Expansionism of Great Japan]. Tokyo: Min'yusha. (In Japanese).
- Uchimura, Kanzō. (2011). *Chijinron* [On Land and Its People]. Tokyo: Iwanami. (In Japanese).
- Yanaihara, Tadao. (1928). *Jinkō Mondai* [Demographic Problem]. Tokyo: Iwanami. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 07.11.2023

Received: 07 November 2023

Принята к публикации: 22.01.2024

Accepted: 22 January 2024

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-111-125

Военная дипломатия Японии, Китая и России в Юго-Восточной Азии: стратегии и тактика реализации

Е.В. Колдунова

Аннотация. В статье в сравнительном ключе рассматриваются стратегии и формы реализации военной дипломатии Японии, Китая и России в Юго-Восточной Азии. Деятельность всех трех стран в сфере военных связей с государствами региона существенным образом активизировалась в 2010-х гг. как на двустороннем уровне, так и в многосторонних форматах. Выбор для анализа именно Японии, КНР и России объясняется спецификой их партнерских отношений со странами региона. Все три страны имеют исторически обусловленные ограничения в развитии своей военной дипломатии в регионе, однако при этом, как доказывается в данной статье, в последнее десятилетие стремятся использовать военную дипломатию в качестве одной из опор своего продвижения в Юго-Восточной Азии. Проблематике активизации военной дипломатии в Юго-Восточной Азии посвящен целый ряд исследований в России и за рубежом. Как правило, в уже изданных работах рассматриваются либо двусторонние форматы военной дипломатии с участием отдельных стран, либо деятельность диалоговых партнеров в АСЕАН-центричных институтах (АРФ, СМОА+, Расширенный морской форум) и таких, инициированных внешними державами форматов, как Диалог Шангри ла, либо специфика функционирования этих институтов. При этом комплексного сравнительного анализа особенностей военной дипломатии трех обозначенных государств – Японии, Китая и России – до настоящего времени не предпринималось. Представленное исследование призвано заполнить данный аналитический пробел. В методологическом плане статья опирается на сравнительный анализ военной дипломатии трех обозначенных стран. Параметрами сравнения являются доктринальное измерение военной дипломатии (анализ национальных стратегических документов), страны Юго-Восточной Азии, выступающие опорными, для продвижения военной дипломатии Японии, КНР и России соответственно, и инструменты взаимодействия с ними на двустороннем (форматы межгосударственного взаимодействия, военно-техническое сотрудничество, совместные учения, заходы в порты военно-морских судов) и многостороннем (в рамках АСЕАН-центричных институтов) уровнях.

Ключевые слова: военная дипломатия, Япония, Китай, Россия, Юго-Восточная Азия, АСЕАН, СМОА+.

Автор: Колдунова Екатерина Валерьевна, кандидат политических наук, доцент, директор Центра АСЕАН, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76). ORCID: 0000-0001-9973-9574; E-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Колдунова Е.В. Военная дипломатия Японии, Китая и России в Юго-Восточной Азии: стратегии и тактика реализации // Японские исследования. 2024. № 1. С. 111–125. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-111-125

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 19-18-00142П «Многофакторный анализ «азиатского поворота» в российской внешней политике (достижения, проблемы, перспективы)».

Defense diplomacy of Japan, China, and Russia in Southeast Asia: Strategies and tactics of implementation

E.V. Koldunova

Abstract. The article undertakes a comparative analysis of strategies and forms of implementation of the defense diplomacy of Japan, China, and Russia in Southeast Asia. All the three above-mentioned countries seriously accelerated their defense ties with the states of the region in the 2010s both at the bilateral track and within the multilateral frameworks. The article focuses on Japan, China, and Russia due to the specifics of their relations with the region. All three countries have historical limitations in developing defense diplomacy in Southeast Asia. However, as this article argues, throughout the past decade, all the three have been actively emphasizing defense diplomacy as one of the pillars of their advancement in the region. There is a number of publications, in Russia and abroad, which study either bilateral forms of defense diplomacy or the activities of such ASEAN-centered regional institutions as the ASEAN Regional Forum, ADMM+, the ASEAN Expanded Maritime Forum, or externally generated frameworks like the Shangri-La Dialogue. However, up to nowadays, none of these publications undertook a comparative analysis of defense diplomacy strategies and tactics of Japan, China, and Russia. This article aims to bridge this analytical gap. Methodologically the article undertakes the comparative analysis of defense diplomacy of the three countries in question. The main parameters for comparison were the doctrinal frameworks of defense diplomacy (analysis of national security documents), case studies of the Southeast Asian states most important for the advancement of Japan, China, and Russia's defense diplomacy and the instruments of defense diplomacy development at the bilateral (intergovernmental frameworks, military-technical cooperation, joint exercises, port calls, etc.) and multilateral levels (within ASEAN-centered institutions).

Author: *Koldunova Ekaterina V.*, PhD (Political Science), Associate Professor, Director of the ASEAN Centre, Associate Professor of the Department of Asian and African Studies, MGIMO University (address: Russia, 119454 Moscow, Vernadskogo Av., 76). ORCID: 0000-0001-9973-9574; E-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru

Keywords: defense diplomacy, Japan, China, Russia, Southeast Asia, ASEAN, ADMM+.

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Koldunova, E.V. (2024). Voennaya diplomatiya Yaponii, Kitaya i Rossii v Yugo-Vostochnoi Azii: strategii i taktika realizatsii [Defense Diplomacy of Japan, China, and Russia in Southeast Asia: strategies and tactics of implementation]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 1, 111–125. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-111-125

Acknowledgements. This work was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 19-18-00142П).

Введение

Военная дипломатия представляет собой актуальное направление внешнеполитической деятельности современных государств, нацеленное на установление и развитие связей между военными специалистами разных стран. Она подразумевает использование вооруженных сил не для ведения боевых действий, а для обмена опытом, развития различных форм кооперации и взаимодействия. В данном контексте регион Юго-Восточной Азии интересен тем, что за прошедшее десятилетие здесь наблюдалась резкая активизация военной дипломатии как по линии двусторонних связей, так и на многостороннем уровнях в форматах объединений, связанных с Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) [Laksmana 2012].

Необходимо отметить, что региональная интеграция в Юго-Восточной Азии изначально развивалась без ярко выраженной военной компоненты, хотя импульс к образованию самой АСЕАН был дан в первую очередь военно-политическим противостоянием периода холодной войны. В это время Юго-Восточная Азия превратилась в арену геополитического и идеологического противоборства двух блоков, которое самым серьезным образом раскололо регион. Его отдельные страны (Таиланд, Филиппины, Сингапур) формально или де факто присоединились к системе военно-политических альянсов США. В Таиланде и на Филиппинах располагались американские военные базы, на территории Вьетнама после 1979 г. в бухте Камрань была создана одна из крупнейших зарубежных военно-морских баз СССР. При этом уже в 1970-х гг. в деятельности АСЕАН особое место заняло стремление к тому, чтобы институционально закрепить нейтральный статус Юго-Восточной Азии. В 1971 г. Ассоциация приняла Декларацию о зоне мира, свободы и нейтралитета (ЗОПФАН). Правда, тогда ее основной посыл заключался в первую очередь в нейтрализации региона от влияния КНР и СССР, а не в создании условий для подлинной региональной нейтральности [Koldunova 2019].

Таким образом, комплекс исторических и структурно-политических факторов (в первую очередь – опыт военного и идеологического противостояния друг другу, ориентация на разные сверхдержавы) повлиял на то, что длительное время страны АСЕАН не стремились к какой-либо военно-политической интеграции в региональном формате. При этом общий тренд на рост именно экономического сотрудничества в регионе в 1990-е – 2000-е гг. не создавал значимых предпосылок для масштабной военной дипломатии как в рамках самого региона, так и во взаимодействии с диалоговыми партнерами Ассоциации. И хотя членами АСЕАН постулировалась цель создания к 2015 г. сообщества в области политики и безопасности¹, каких-либо реальных компонентов военно-политического сотрудничества в его конструкции не просматривалось.

При этом в рамках АСЕАН-центричных форматов активно развивались различного рода площадки для взаимодействия с максимально возможным количеством внешних партнеров. В 1990-х гг. такой первой площадкой стал Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), и на протяжении почти двух десятилетий он оставался единственной общерегиональной платформой для диалога по таким вопросам. Ситуация начала меняться в начале десятилетия этого века. Так, в 2010 г. в ходе председательства Вьетнама в АСЕАН был инициирован формат Совещания министров обороны стран АСЕАН с ключевыми диалоговыми партнерами (СМОА+), в 2012 г. – Расширенный морской форум АСЕАН.

СМОА+ стало относительной новой формой сотрудничества в области безопасности, поскольку позволило странам региона создать институционально оформленный механизм сотрудничества сразу со всеми значимыми диалоговыми партнерами для получения практических навыков и технологий в конкретных областях (военная медицина, борьба с терроризмом, мирное разминирование, безопасность на море, информационная безопасность, оказание гуманитарной помощи и помощи в случае стихийных бедствий, миротворческие операции). В целом доминанта нетрадиционных угроз безопасности в региональном ландшафте в первой четверти этого века благоприятствовала созданию различных гибких форматов взаимодействия именно с внешними игроками [Колдунова 2017], что в конечном итоге усилило и диверсифицировало направления развития военной дипломатии в регионе. Более того, в условиях наблюдаемого с начала 2010-х гг. нарастания конфронтационной составляющей в отношениях КНР и Соединенных Штатов, а также таких стран – союзников США в регионе как Япония, Южная Корея, Австралия, Филиппины, появление многообразных форм военной дипломатии стало еще

¹ ASEAN Political-Security Community Blueprint// ASEAN Web site. June 2009. https://asean.org/wp-content/uploads/2021/03/APSC_BluePrint.pdf (дата обращения: 26.11.2023).

одним отражением региональной политики хеджирования внешнеполитических рисков, фиксируемой исследователями в политико-стратегической сфере [Laksmana 2012; Kuik and Rozman 2015].

Выбор для рассмотрения трех стран – Японии, КНР и России – обусловлен спецификой их партнерских отношений со странами АСЕАН. Все три страны имеют исторически сложившиеся ограничения в развитии своей военной дипломатии в регионе. В случае Японии речь идет об исторической памяти о японском милитаризме и в целом негативном отношении к Японии как потенциально возрождающейся военной державе. В регионе также сохраняется память о поддержке КНР коммунистических движений в капиталистических странах Юго-Восточной Азии. И хотя Китай более не рассматривается как фактор усиления угроз внутривосточной стабильности, большинство опрошенных в регионе экспертов не готовы воспринимать КНР в роли военно-политической державы, определяющей параметры регионального порядка². Россия же до сих пор сталкивается с тяжелыми последствиями своего «ухода» из региона в 1990-е гг., когда целый ряд наработанных связей, прежде всего со странами Восточного Индокитая, оказался прерван на долгие годы.

При этом, как доказывается в данной статье, все три страны стремятся в настоящее время сделать ставку на военную дипломатию как на одну из опор своего продвижения в регионе, выбирая для этого разные стратегии, тактику и формы реализации военной дипломатии. За последнее десятилетие все три страны также существенным образом продвинулись в развитии своей военной дипломатии в регионе как на двустороннем, так и многостороннем уровнях, несмотря на различие методов, идейную компоненту сотрудничества и имеющиеся ограничения.

Российские и зарубежные научные работы, посвященные различным аспектам военной дипломатии в Юго-Восточной Азии, чаще всего акцентируют внимание на ее двусторонних форматах с участием отдельных стран [Стрельцов 2023; Мосяков, Шпаковская, Понька 2023; Киреева 2021]. Достаточно подробно анализируется взаимодействие стран АСЕАН и их диалоговых партнеров в рамках АРФ, СМОА+, Расширенного морского форума и диалога Шангри ла, не относящегося к АСЕАН-центричным форматам [Вершинина 2020]. Сами АСЕАН-центричные институты и особенности их функционирования в 2010-2020-х гг. также стали предметом внимательного рассмотрения [Laksmana 2012; See Seng Tan 2020; Chang and Jenne 2020]. Вместе с тем среди современных публикаций отсутствуют исследования, которые бы фокусировались на проведении комплексного сравнительного анализа военной дипломатии Японии, Китая и России, относительно недавно начавших развивать это направление взаимодействия со странами региона. В данной статье предпринята попытка восполнить обозначенный аналитический пробел.

Методология исследования основывается в первую очередь на сравнительном анализе военной дипломатии трех упомянутых стран. Провести подобный анализ позволяет сопоставление национальных стратегических документов, содержащих доктринальные положения, касающиеся военной дипломатии, а также сравнение двустороннего и многостороннего уровней ее реализации в действиях Японии, КНР и России соответственно. В первом случае речь идет об анализе выбора ими опорных стран в регионе для реализации целей военной дипломатии и ее инструментальной составляющей, во втором – о характере и формах сотрудничества в рамках АСЕАН-центричных институтов.

² The State of Southeast Asia 2023 Survey Report. Singapore: ISEAS, 2023. <https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2025/07/The-State-of-SEA-2023-Final-Digital-V4-09-Feb-2023.pdf> (дата обращения: 26.11.2023).

Япония

Активизация японской военной дипломатии в Юго-Восточной Азии произошла в середине 2010-х гг. и была связана с внешнеполитическим подходом, который предложил премьер-министр Абэ Синдзо во второй период своего правления (2012–2020 гг.). В противовес доктрине Фукуда, которая стала отправной точкой улучшения отношений Японии с регионом в конце 1970-х гг., Абэ сделал упор не только на финансово-экономических связях, но и на расширении военно-технического сотрудничества. Выступая в Джакарте в 2013 г., он предложил пять новых принципов сотрудничества с регионом, в которых на тот момент еще не говорилось напрямую о развитии военных связей, однако был сделан акцент на необходимости обеспечения совместными усилиями безопасности зоны Тихого и Индийского океанов³. Еще один фактор стал особенно значимым с точки зрения интереса Японии к Юго-Восточной Азии: в Японии в 2014 г. был снят запрет на поставки вооружений и военных технологий за рубеж⁴ и регион стал рассматриваться в том числе и как возможный рынок сбыта японской военной продукции.

Дальнейшие действия Японии на двусторонних треках в Юго-Восточной Азии можно охарактеризовать как стратегию постоянного пошагового расширения присутствия и укрепления партнерств⁵. За последние десять лет, используя различные инструменты военной дипломатии, Япония смогла создать целый ряд институциональных форматов сотрудничества с отдельными странами региона и договориться о передаче японских оборонительных вооружений в эти страны.

Одной из первых опорных стран для продвижения японской военной дипломатии стала Индонезия, крупнейшее государство региона по территории и численности населения и один из неформальных региональных лидеров. В 2015 г. с ней, единственной из всех стран Юго-Восточной Азии, был запущен диалог в формате 2+2 (встречи министров иностранных дел и министров обороны двух стран). Предполагалось, что далее такие встречи будут проходить каждые два года, однако второй диалог состоялся только в 2021 г. Результатом прошедших диалогов стали договоренности о передаче Индонезии японских оборонительных вооружений⁶. В 2017 г. был запущен Морской форум Индонезии и Японии.

В сентябре 2021 г. в ходе визита во Вьетнам министра обороны Японии Киси Нобуо Япония и Вьетнам подписали соглашение о передаче Вьетнаму японских военных технологий и вооружений⁷, при этом визит Киси совпал по времени с визитом во Вьетнам китайского министра иностранных дел, члена Госсовета КНР Ван И. Киси Нобуо и его вьетнамский

³ The Bounty of the Open Seas: Five New Principles for Japanese Diplomacy. Address by H.E. Mr. Shinzo Abe, Prime Minister of Japan. Jakarta, January 18, 2013. https://www.mofa.go.jp/announce/pm/abe/abe_0118e.html (дата обращения: 26.11.2023).

⁴ Япония отменил полный запрет на экспорт вооружений // ТАСС. 1 апреля 2014 г. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1088233> (дата обращения: 26.11.2023).

⁵ Satake T. Japan's defense diplomacy with ASEAN member-states // Japan Times. August 30, 2016. <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2016/08/30/commentary/japan-commentary/japans-defense-diplomacy-asean-member-states/> (дата обращения: 26.11.2023).

⁶ Reigi Y. Japan, Indonesia hold first two-plus-two talks, agree to work toward transfer of defense weapons // Japan Times. December 17, 2015. <https://www.japantimes.co.jp/news/2015/12/17/national/politics-diplomacy/japan-indonesia-hold-first-two-plus-two-talks-agree-work-toward-transfer-defense-weapons/> (дата обращения: 26.11.2023).

⁷ Japanese Defence Minister pays an official visit to Vietnam // Ministry of Defence of Vietnam. September 13, 2021. http://mod.gov.vn/!ut/p/zl/rVNNu8IwEP0tHDhmsmnTtByLfBVSc4JAc3FiG7BK0wIdQH-9AZnR0QF1IJfdnby893ZngzmeYq7EJp2LMs2VWOg64uyh5QZ3Tp24AGPPAq_LbIcy3-wNKB5jnnmsyqJ8wlGWJ1VYC6QjkuqQSoWU3K6_5mgfF6IKxxyHMkEogISRgt2gmpgSEQYjQ0CLGbJbE9exGmCoz-hJ7-55foaThwX9Ht-gHwyeLc3MGi0R1bQ6BN020fAGY51e7BPe7DwZJPKLb5X-SrTAX7-s8XOD4XQ9lpaodkz_RAIDMmFCucbYPTK9P3O3r3p-iOPQDgwr0v_bTjGpFRdzOeL_PHjZ6TPyyV39frnqpS7Ek-vv_9FljnmK3qZ-U2TRt3NWz1Ax8Ajt1J5BxXzSXQ!dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9nQSEh/ (дата обращения: 26.11.2023).

визави – министр обороны Фам Ван Зянг – договорились также о расширении сотрудничества в области военной и информационной безопасности, обмене делегациями высокого уровня и о совместных программах подготовки персонала.

На исходе первой четверти этого века Таиланд стал еще одним значимым новым партнером Японии в сфере военной дипломатии. На протяжении всего послевоенного периода Таиланд, выступавший в качестве военного союзника Японии во Второй мировой войне, избегал развития каких-либо военных связей с Японией за исключением взаимодействия в рамках миротворческих форматов ООН. Так, например, в 1999 г. Таиланд направил один из своих наиболее многочисленных миротворческих контингентов в Восточный Тимор, в то время как Япония обеспечивала финансовую поддержку его деятельности⁸.

За прошедшее десятилетие, однако, ситуация существенным образом изменилась, благодаря, с одной стороны, усилиям Абэ Синдзо и последующих премьер-министров Суга Ёсихидэ и Кисида Фумио по налаживанию связей со странами Юго-Восточной Азии в военной сфере, а, с другой стороны, из-за стремления таиландских военных, управлявших страной с 2014 по 2023 г. диверсифицировать свои международные связи и обеспечить большую степень самостоятельности таиландского ВПК. Стремление таиландских военных расширить военно-техническое взаимодействие с новыми партнерами, включая Японию, в особенности было связано с тем, что после их прихода к власти в 2014 г. США, традиционный военно-политический союзник Таиланда со времен холодной войны, начали вводить ограничения на ВТС с Таиландом под предлогом нарушения прав человека и обвинений в недемократическом характере смены власти. В 2016 г. Япония приняла участие в тендере на поставку в Таиланд радиолокационных систем противовоздушной обороны, однако уступила европейским производителям⁹. В мае 2022 г. в ходе визита японского премьер-министра Кисида Фумио в Бангкок Япония и Таиланд (как ранее Индонезия и Вьетнам) подписали соглашение о передаче японской военной техники и технологий¹⁰.

В ряду упомянутых выше стран Юго-Восточной Азии Филиппинам после прихода к власти в июне 2022 г. Фердинанда Маркоса-младшего была отведена особая роль в японской стратегии продвижения военно-дипломатических связей. Курс Маркоса на пересмотр националистической политики предыдущего президента Родриго Дутерте позволил и США, и Японии рассматривать Филиппины в качестве наиболее удобной опорной страны в регионе для укрепления антикитайского фронта. В ноябре 2023 г. в ходе визита Кисида Фумио на Филиппины стороны достигли договоренности о том, что Япония поставит Маниле береговые радиолокационные системы общей стоимостью 4 млн долл.¹¹ Их поставка была запланирована в рамках новой японской программы Официальной помощи безопасности (Official Security Assistance, OSA), запущенной в результате обновления в конце 2022 г. Стратегии национальной безопасности Японии¹². Еще одним аспектом договоренностей стал вопрос о расширении

⁸ Sanglee Tita. Thailand's Evolving Defense Relations With Japan// The Diplomat. May 19, 2022. <https://thediplomat.com/2022/05/thailands-evolving-defense-relations-with-japan/> (дата обращения: 26.11.2023).

⁹ Thailand Trusts Leonardo to Provide Another Radar for Its Air Defence // Defence Review Asia. November 19, 2019. <https://defencereviewasia.com/thailand-trusts-leonardo-to-provide-another-radar-for-its-air-defence/> (дата обращения: 26.11.2023).

¹⁰ Япония и Таиланд заключили соглашение о поставках оборонного снаряжения // ТАСС. 2 мая 2022. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14535115> (дата обращения: 26.11.2023).

¹¹ Kana B. Japan to give Philippines coastal radars, deepening security ties / Nikkei. November 4, 2023. <https://asia.nikkei.com/Politics/Defense/Japan-to-give-Philippines-coastal-radars-deepening-security-ties> (дата обращения: 26.11.2023).

¹² National Security Strategy of Japan. December 2022 // Cabinet Secretariat. <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-e.pdf> (дата обращения 26.11.2023);

В Японии утвердили новый формат помощи партнерам в сфере безопасности // ТАСС. 5 апреля 2023. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17451245> (дата обращения: 26.11.2023).

контактов между Силами самообороны Японии и филиппинскими вооруженными силами. В целом процесс наращивания сотрудничества Японии и Филиппин в военной сфере некоторые эксперты обозначили даже как формирование «квази-союза»¹³. Помимо Филиппин в число реципиентов японской военной помощи вошла также Малайзия, которую в ноябре 2023 г. Кисида Фумио посетил после Филиппин.

На многостороннем уровне 2014 г. стал отправной точкой для наращивания усилий Японии в сотрудничестве с АСЕАН на военно-политическом треке. Несмотря на то, что Япония к этому времени уже являлась участником таких АСЕАН-центричных форматов, как АРФ и СМОА+, указанный год стал знаковым, поскольку именно тогда состоялась первая за всю историю отношений Японии и АСЕАН встреча министров обороны. В 2016 г. на втором неформальном саммите министров обороны Японии и АСЕАН в столице ЛНДР Вьентьяне японская сторона предложила специальную программу сотрудничества с АСЕАН в области обороны под названием «Вьентьянское видение» (Vientiane Vision). Программа была призвана дополнить двусторонние форматы сотрудничества многосторонним подходом, охватывающим все страны региона. Ее основными акцентами стали практическое взаимодействие в области сбора разведанных, наблюдения и рекогносцировки, операций по спасению на море, информационная безопасность, военное планирование, военно-технологический трансфер¹⁴. При этом Япония принимала активное участие и в деятельности СМОА+, выступив в качестве со-председателя нескольких рабочих групп: в 2011–2013 гг. по военной медицине (совместно с Сингапуром), в 2014–2016 гг. по гуманитарной помощи и помощи в случае стихийных бедствий (совместно с ЛНДР), в 2021–2023 г. по миротворческой деятельности (совместно с Вьетнамом).

В целом, однако, в обозначенный период несмотря на появление новых форматов сотрудничества с АСЕАН Япония последовательно наращивала взаимодействие с ключевыми странами региона, делая в первую очередь акцент на ведущих региональных игроках (Индонезия, Таиланд, Вьетнам, Малайзия, Филиппины). Уплотняющиеся военные связи с ними выполняли функцию продвижения японского видения Индо-Тихоокеанского региона и создания плацдарма для расширения позиций Японии на региональном рынке вооружений. Существенным подспорьем для укрепления позиций Японии в регионе методами военной дипломатии стало позиционирование такого сотрудничества в качестве эффективного способа противостоять усилению Китая в регионе.

Китайская Народная Республика

До 2010-х гг. в отношениях Китая и стран Юго-Восточной Азии не наблюдалось какого-либо серьезного прогресса в области развития военной дипломатии. Отчасти это объяснялось низким уровнем доверия в этой сфере, сохранявшемся еще с периода холодной войны, а отчасти тем, что в своем продвижении в регионе Китай делал ставку в первую очередь на стратегии развития экономического и общеполитического сотрудничества.

С начала этого века Китай действительно добился существенного прогресса в отношениях с отдельными странами региона. Китай и Индонезия провозгласили переход к стратегическому партнерству в 2005 г. Та же форма партнерства была установлена с Камбоджой в 2006 г., Вьетнамом – в 2008 г., Лаосом – в 2009 г., Мьянмой – в 2011 г., Малайзией – в 2013 г. [Дикарев 2018]. Военный переворот, произошедший в Таиланде в 2014 г. и вызвавший негативную реакцию со стороны США, способствовал дальнейшему укреплению, хотя и не безусловному,

¹³ Kana B. Japan Envisions Quasi Alliance with Philippines // Nikkei. November 1, 2023. <https://asia.nikkei.com/Politics/Defense/Japan-envisions-quasi-alliance-with-Philippines> (дата обращения: 26.11.2023).

¹⁴ Vientiane Vision: Japan's Defense Cooperation Initiative with ASEAN // Ministry of Defense of Japan. https://www.mod.go.jp/en/d_act/exc/vientianevision/index.html (дата обращения: 26.11.2023).

позиций КНР в этой стране, а приход к власти на Филиппинах в 2016 г. Родриго Дутерте, критически оценивавшего высокую степень зависимости его страны от Соединенных Штатов, на короткий период открыл окно возможностей для улучшения китайско-филиппинских отношений.

С начала 2000-х гг. Китай договорился о проведении ежегодных консультаций по вопросам обороны и безопасности с Таиландом, Вьетнамом, Филиппинами, Индонезией и Сингапуром¹⁵. В 2005 г. Китай и Малайзия подписали меморандум о взаимопонимании в области обороны, запустили регулярные обмены между военными двух стран и в 2012 г. также начали проводить консультации по вопросам обороны [Kuik 2013, p. 433].

В 2011 г. Китая и Индонезии приступили к реализации соглашения о сотрудничестве в области оборонной промышленности. Расширение военно-технического сотрудничества наблюдалось и в отношениях Китая с Таиландом после 2014 г., когда Таиланд начал последовательно увеличивать заказы на китайские танки VT-4, а также выразил заинтересованность в приобретении трех подводных лодок китайского производства. В условиях охлаждения американо-тайландских отношений начались закрытые переговоры о строительстве на территории Таиланда китайского завода по производству вооружений, которые бы могли использоваться в ходе морских военных учений Китая со странами АСЕАН и которые сам Таиланд мог бы приобретать по льготным ценам¹⁶. В результате предпринятых действий за первые два десятилетия этого века Китай вышел на позиции пятого поставщика вооружений в Юго-Восточную Азию (таб. 1).

Таблица 1. Основные поставщики вооружений в Юго-Восточную Азию, 1999–2018 гг., SIPRI TIV млн

Поставщик	1999-2003	2004-2008	2009-2013	2014-2018	Всего	% от поставок в ЮВА	% от всего экспорта поставщика
Россия	855	2084	4149	3616	10 704	26,0	9,0
США	1509	1191	3495	2030	8226	20,0	5,0
Франция	123	1329	1254	800	3506	8,6	10,0
Германия	270	504	1431	716	2920	7,2	8,1
Китай	259	220	1060	1035	2573	6,3	13,0
Республика Корея	96	196	429	1129	1850	4,6	37,0
Великобритания	730	155	66	777	1728	4,3	7,4
Нидерланды	40	479	183	538	1240	3,1	12,0
Швеция	390	3	647	72	1111	2,7	14,0
Испания	8	30	371	631	1040	2,6	9,4
Италия	303	138	336	241	1017	2,5	8,8
Израиль	172	127	325	551	1175	2,9	9,9
Украина	109	73	318	364	863	2,1	8,8

Источник: Wezeman S.T. Arms Flows to Southeast Asia. Solna: SIPRI. 2019. P.14.

¹⁵ Storey I. China's Defense Diplomacy in Southeast Asia // From "Bouts" to "Brogues". The Rise of Defense Diplomacy in Southeast Asia. S. Rajaratnam School of International Studies Report. 2011. <https://www.jstor.org/stable/pdf/resrep05908.11.pdf> (дата обращения: 26.11.2023).

¹⁶ Macan-Markar M. Thailand mends US military ties after post-coup tilt to China // Asian Review. July 30, 2018. <https://asia.nikkei.com/Politics/International-Relations/Thailand-mends-US-military-ties-after-post-coup-tilt-to-China> (дата обращения: 26.11.2023).

В 2014 г. КНР придал действовавшему с 2004 г. как экспертная встреча Сяншаньскому форуму статус площадки полуторного трека для обсуждения вопросов безопасности. С тех пор в его заседаниях на регулярной основе принимали участие большинство стран Юго-Восточной Азии. Анализ состава участников на уровне делегаций показывает, что в среднем в каждом из форумов в период с 2014 по 2023 г. принимали участие от 6 до 7 стран региона.

С 2015 г. Китай перешел к масштабной программе модернизации Народно-освободительной армии Китая (НОАК), что отразилось также и на росте военной дипломатической активности КНР. Вместе с тем циклические обострения конфликта в Южно-Китайском море (наряду с Китаем претензии на острова Спратли и Парасельские в этом море предъявляют также Вьетнам, Филиппины, Малайзия и Бруней) на протяжении последних десятилетий оставались существенным препятствием для продвижения военного сотрудничества с КНР, а также активно использовались США и Японией для дискредитации усилий Китая.

Вместе с тем Китай, в отличие от Японии, за прошедший период делал ставку не на выделении опорных стран для военного сотрудничества, а на взаимодействии с максимально возможным количеством партнеров в регионе, иницируя в том числе сетевые форматы военной дипломатии. Так, совместные военные учения стали регулярной практикой в отношениях с Таиландом, Камбоджой, Лаосом, Малайзией, Вьетнамом, Сингапуром. В 2023 г. помимо двусторонних военных учений с Лаосом («Щит дружбы 2023»), Камбоджой («Золотой дракон») и Сингапуром в ноябре 2023 г. были также организованы военные учения КНР и пяти стран-членов АСЕАН – Малайзии, Таиланда, Вьетнама, Камбоджи и Лаоса (Aman Youyi 2023)¹⁷. Последние упомянутые учения стали многосторонним продолжением двусторонних учений КНР и Малайзии, которые начали проводиться с 2014 г.

На многостороннем уровне отношения стратегического партнерства были установлены между Китаем и АСЕАН в 2003 г. В 2010 г. Китай присоединился к формату СМОА+. С этого же года начали проводиться неформальные встречи министров обороны КНР и стран АСЕАН. В 2013 г. китайский плавучий госпиталь *Peace Ark* принял участие в совместных учениях СМОА+ по военной медицине. В августе 2018 г. Китай выступил с предложением проводить совместные морские военные учения КНР и десяти стран АСЕАН без участия третьих стран (имея ввиду в первую очередь США)¹⁸, стремясь тем самым продемонстрировать свою инициативность в урегулировании ситуации в Южно-Китайском море. В 2017–2020 гг. КНР сопредседательствовала в рабочей группе СМОА+ по противодействию терроризму (с Таиландом), в 2021–2023 г. – в группе по мирному разминированию (с Камбоджой).

Россия

Начало второго десятилетия этого века можно рассматривать в качестве важной отправной точки для российской военной дипломатии в Юго-Восточной Азии. Несмотря на то, что военно-технические связи России с отдельными странами Юго-Восточной Азии имеют давнюю историю, их развитие до 2010-х гг. не всегда носило системный и общерегиональный характер, сводясь зачастую к поставкам вооружений ключевым региональным партнерам – в первую очередь Индонезии, Малайзии, Вьетнаму.

¹⁷ AYTEKIN E. China to conduct joint military exercises with 5 ASEAN countries // Anadolu Ajansı. November 11, 2023. <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/china-to-conduct-joint-military-exercises-with-5-asean-countries/3052037> (дата обращения: 26.11.2023).

¹⁸ Nagai O., Nagasawa T. China lobbies ASEAN for joint military drills without US / Asian Review. August 04, 2018. <https://asia.nikkei.com/Politics/International-Relations/China-lobbies-ASEAN-for-joint-military-drills-without-US> (дата обращения: 26.11.2023).

В 2010-х гг. произошла активизация усилий России в области военной дипломатии сразу по нескольким направлениям. К ним следует отнести деятельность России в рамках механизма СМОА+, к которому она присоединилась в 2010 г., попытки выйти на рынки стран, ранее в существенной степени зависевших от Соединенных Штатов (в первую очередь Таиланда и Филиппин), расширение спектра военных учений с участием России и стран региона.

Деятельность в рамках СМОА+ позволила России не только укрепить контакты с целым рядом стран региона, но и сформировать у партнеров более полное представление о ее технологических возможностях. Это стало возможным, в частности, благодаря механизму сопредседательства с Таиландом с 2014 по 2017 г. в рабочей группе по военной медицине и с 2017 по 2020 г. с Лаосом в рабочей группе по разминированию [Вершинина 2020]. С 2019 г. Россия и Лаос запустили двусторонние военные учения ЛАРОС. В период с 2019 по 2023 г. российскими военными специалистами было проведено пять миссий по разминированию провинций Боликхамсай, Сиенгхуанг и Кхаммуан¹⁹. В апреле 2019 г. ВМС России и Филиппин провели учения по маневрированию и связи. Одновременно, как свидетельствуют данные, представленные в таблице 1 с 2010-х гг. Россия резко нарастила поставки вооружений в Юго-Восточную Азию, заняв позицию ведущего регионального партнера в области ВТС по состоянию на конец 2020-х гг.

Усилия России на данном направлении не остались незамеченными, хотя многие зарубежные авторы стремились подчеркнуть их ограниченный характер²⁰, а также проблематичность развития многих ставших для России уже традиционными направлений сотрудничества (в частности, ВТС с Индонезией и рядом других стран) из-за американского санкционного давления и действия закона *CAATSA (Countering America's Adversaries Through Sanctions Act, О противостоянии противникам Америки посредством санкций*, принят в августе 2017 г.). Так, в 2020 г. Индонезией был заморожен контракт на поставку 11 российских истребителей Су-35²¹. Из-за опасений вторичных санкций в июле 2022 г. Филиппины отказались от приобретения 16 российских военно-транспортных вертолетов Ми-17. По различным оценочным данным после перехода кризиса на Украине в острую фазу в феврале 2022 г. и усиления санкционного давления на Россию со стороны США и ЕС военно-технические связи России со странами региона столкнулись с дополнительными сложностями. При этом ряд традиционных партнеров России в регионе, в частности, Вьетнам, взяли курс на диверсификацию закупок вооружений²². А в 2022–2023 гг. США, Австралия, Япония и Новая Зеландия бойкотировали деятельность России и Мьянмы, сопредседательствовавших в этот период в рабочей группе СМОА+ по противодействию терроризму.

Неблагоприятный внешний контекст способствовал тому, что в российской военной дипломатии произошли определенные трансформации – переход от акцента на ВТС к различным формам наращивания потенциала стран региона в военной и гуманитарной сферах и более многообразным формам совместной деятельности (совместные военные и военно-морские учения, специальные программы обучения персонала из стран АСЕАН).

¹⁹ Российские саперы начали миссию по разминированию в Лаосе / РИА Новости. 4 января 2023. <https://ria.ru/20230104/sapery-1843024074.html> (дата обращения: 26.11.2023).

²⁰ Storey I. Russia's Defence Diplomacy in Southeast Asia: A Tenuous Lead in Arms Sales but Lagging in Other Areas/ ISEAS Perspective. 2021. №33. <https://www.iseas.edu.sg/articles-commentaries/iseas-perspective/2021-33-russias-defence-diplomacy-in-southeast-asia-a-tenuous-lead-in-arms-sales-but-lagging-in-other-areas-by-ian-storey/> (дата обращения: 26.11.2023).

²¹ Индонезия отказалась от поставки Су-35 на \$ 1,1 млрд из-за нехватки денег // РБК. 23 декабря 2021. <https://www.rbc.ru/politics/23/12/2021/61c487199a7947852f0a1a6d> (дата обращения 26.11.2023).

²² Nguyen Th.M.A. Going Independent: Vietnam Diversifies its Defense Ties // The National Interest. December 6, 2022. <https://nationalinterest.org/blog/buzz/going-independent-vietnam-diversifies-its-defense-ties-205997> (дата обращения: 26.11.2023).

С точки зрения обеспечения региональной стабильности в военно-политическом плане концептуальные внешнеполитические документы Российской Федерации стали уделять внимание АСЕАН как одной из опорных структур в Азиатско-Тихоокеанском регионе (см. также таблицу 2)²³.

Таблица 2. Сравнительный анализ стратегических документов Японии, КНР и России в области национальной безопасности

	Стратегия национальной безопасности Японии (2022 г.)	Белая книга КНР «Национальная оборона Китая в новую эпоху» (2019 г.)	Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (2021 г.)
Оценка региональной ситуации	<ul style="list-style-type: none"> – Ряд стран региона (используется термин Индо-Тихоокеанский регион) не разделяет универсальные ценности и нормы – Япония сталкивается с односторонними попытками изменить <i>status quo</i> в Восточно-Китайском море и Южно-Китайском море – Основное беспокойство Японии в военной сфере вызывают действия Китая, КНДР, России 	<ul style="list-style-type: none"> – В целом пока региональная ситуация остается стабильной при усилении элементов соперничества (используется термин Азиатско-Тихоокеанский регион) – Укрепление американских военных союзов в регионе – Рост международной активности Японии в военной сфере 	<ul style="list-style-type: none"> – В Азиатско-Тихоокеанском регионе существуют угрозы стратегической стабильности и международной безопасности в связи с действиями США
Задачи военной дипломатии	<ul style="list-style-type: none"> – Нарастивание военных, технологических и разведывательных возможностей – Укрепление военного союза с США – Расширение сотрудничества с союзниками и странами и группами стран, которых Япония относит к категории единомышленников (<i>like-minded</i>) – Австралия, Индия, Республика Корея, страны Европы, АСЕАН, Канада, ЕС, НАТО 	<ul style="list-style-type: none"> – Строительство региональной архитектуры безопасности – Развитие конструктивных связей с военными других стран на основе равноправия и взаимного доверия – Развитие инструментов информирования китайской и международной общественности об изменениях, происходящих в сфере национальной обороны 	<ul style="list-style-type: none"> – Развитие отношений всеобъемлющего стратегического партнерства и взаимодействия с КНР – Сотрудничество с Индией – Создание в АТР надежных механизмов обеспечения регулярной стабильности и безопасности на внеблоковой основе

²³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.) // МИД Российской Федерации. 31 марта 2023. <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 26.11.2023).

<p>Методы</p>	<ul style="list-style-type: none"> – Стратегическое использование официальной помощи развитию – Расширение трансфера вооружений и военных технологий партнерам по региону 	<ul style="list-style-type: none"> – Регулярные консультации и диалог по военной линии с 41 государством, включая страны ЮВА – Совместные военные учения (включая военно-морские учения Китай-АСЕАН) – Участие КНР в различных региональных форумах (СМОА+, АРФ, Диалоге Шангри ла, Джакартском международном диалоге по вопросам обороны) – Проведение Пекинского Сяншаньского форума по международной безопасности – Прямые телефонные горячие линии между министерствами обороны (КНР – Вьетнам) 	<ul style="list-style-type: none"> – Поддержка диалоговых площадок в АТР – Оказание союзникам и партнерам РФ поддержки при решении вопросов, связанных с обеспечением обороны и безопасности – Развитие военно-политического и военно-технического сотрудничества с иностранными государствами – Развитие мер доверия, предотвращение инцидентов в военной сфере
----------------------	---	--	--

Составлено по: National Security Strategy of Japan. <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216banzenhoshou/nss-e.pdf> (дата обращения: 10.01.2024); China's National Defense in the New Era. <http://eng.mod.gov.cn/xb/Publications/WhitePapers/4846452.html> (дата обращения: 10.01.2024); Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. <http://www.scrf.gov.ru/media/files/file/14wGRPqJvETSkUTYmhpezRochb1j1jqh.pdf> (дата обращения: 10.01.2024).

В декабре 2021 г. в индонезийских территориальных водах состоялись первые в истории военно-морские учения России и АСЕАН²⁴. В августе 2023 г. на территории Мьянмы прошли организованные совместно с Россией учения по контртерроризму, в которых также приняли участие Бруней, Вьетнам, Индия, Индонезия, Камбоджа, Китай, Лаос, Малайзия, Таиланд и Филиппины²⁵. В ноябре 2023 г. состоялись двусторонние военно-морские учения с Мьянмой. В 2023 г. российский большой противолодочный корабль «Адмирал Пантелеев» совершил заходы в порты Камбоджи²⁶ и Таиланда²⁷.

²⁴ On the first ever ASEAN-Russia Naval Exercise (ARNEX-21) // Mission of the Russian Federation to ASEAN. December 3, 2021. https://asean.mid.ru/en_GB/-/o-pervyh-v-istorii-voenno-morskih-uceniah-rossia-asean?inheritRedirect=true&redirect=%2Fen_GB%2Fhome (дата обращения: 26.11.2023).

²⁵ Counter-terrorism drills with the participation of ASEAN member countries and Dialogue Partners (ADMM plus) began in Myanmar // Ministry of Defence of the Russian Federation. August 3, 2023. https://eng.mil.ru/en/news_page/country/more.htm?id=12474571@egNews (дата обращения: 26.11.2023).

²⁶ Russia's Admiral Panteleyev makes first Sihanoukville Port call since pandemic // Khmer Times. November 26, 2023. <https://www.khmertimeskh.com/501398184/russias-admiral-panteleyev-makes-first-sihanoukville-port-call-since-pandemic/> (дата обращения: 26.11.2023).

²⁷ Russian antisubmarine ship calls at Thailand // TASS. November 22, 2023. <https://tass.com/defense/1709923> (дата обращения: 26.11.2023).

Помимо российского вовлечения в деятельность СМОА+ следует также отметить полуторный трек взаимодействия России и отдельных стран АСЕАН, представленный Московской конференцией по безопасности. За прошедшие годы ее регулярными участниками стали представители целого ряда стран Юго-Восточной Азии, в частности Вьетнама, Мьянмы, Малайзии, Таиланда, Камбоджи, Индонезии.

Подводя промежуточные итоги проведенного анализа, стоит отметить безусловное различие оценок региональной ситуации, от которых отталкиваются Япония, КНР и Россия в осуществлении своей военной дипломатии в регионе. Приведенная выше таблица 2 представляет сравнительный анализ основных стратегических документов трех стран по таким параметрам как характеристика региональной ситуации, задачи и методы военной дипломатии.

Заключение

За прошедшее десятилетие военная дипломатия стала еще одной формой соперничества крупных держав в Юго-Восточной Азии. Несмотря на активное присутствие и структурную роль в региональной экономике Япония и КНР на современном этапе стремятся дополнить свои экономические взаимосвязи военно-политическими формами сотрудничества. Для России в силу исторической обусловленности ее возможностей (сильные военно-технические связи в прошлом и ограниченные возможности быстрого наращивания экономических связей) военная дипломатия по сути стала существенным драйвером быстрого продвижения в регионе. До введения масштабных антироссийских санкций страны АСЕАН рассматривали Россию в первую очередь не как экономического партнера, а в качестве реальной альтернативы США и КНР в плане военно-технического сотрудничества.

Второе десятилетие этого века стало трансформационным для военной дипломатии всех трех рассмотренных стран. В этот период Япония начала аккуратное и последовательное наращивание компоненты военной дипломатии в дополнение к структурному экономическому присутствию в регионе. Начиная с Абэ Синдзо все последующие японские администрации планомерно работали над вовлечением опорных стран региона (в первую очередь Филиппин) в сетевое взаимодействие с другими участниками системы американских военных альянсов в регионе. КНР в обозначенный период занималась активным поиском ниш, в которых было возможно продвижение военно-технического сотрудничества, используя такие периодически открывающиеся окна возможностей, как ухудшение американо-тайландских отношений после 2014 г. КНР делала упор на постепенное «втягивание» в свою орбиту стран, не полностью удовлетворенных союзническими отношениями с США (Таиланд), и стран, на которые США не могли надавать так явно, как на участников спора в Южно-Китайском море (Лаос, Камбоджа). И Япония, и КНР активно занимались продвижением собственных военных технологий.

В своей военной дипломатии в регионе Россия длительное время опиралась, с одной стороны, на хорошо развитые военно-технические связи, а с другой – на политический нарратив об альтернативе сотрудничеству с США. Ее несомненным успехом стал выход в конце 2020-х гг. на позиции ключевого партнера региона в области ВТС. Дальнейшее продвижение в данной сфере столкнулось с немедленным противодействием США через инструмент санкций, благодаря чему было приостановлено довольно успешное продвижение российской военной продукции даже в странах, являющихся традиционными союзниками

США (Филиппины), а ВТС с Индонезией было существенным образом ограничено. В результате Россия вступила на путь поиска новых форм осуществления военно-дипломатического сотрудничества с регионом, среди которых существенную роль играют двусторонние и многосторонние военные военно-морские учения, заход кораблей, обмен опытом, различного рода гуманитарные миссии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Вершинина В.В. Совещание министров обороны стран-членов АСЕАН и диалоговых партнеров (СМОА+) как новый элемент формирующейся архитектуры безопасности в ЮВА // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. №4 (49). С. 34–46
- Дикарев А.Д. Государства АСЕАН в политике Китая: курс на раскол или «новый консенсус»? Сравнительная политика. 2018. Т. 9. №3. С.75–87.
- Киреева А.А. Стратегическое партнёрство Японии и Вьетнама: интересы и ограничители // Вьетнамские исследования. 2021. Т. 5. № 4. С. 6–25.
- Колдунова Е.В. «Диалоговые партнерства» во внешней политике АСЕАН. Международные процессы. 2017. Т.15. №3. С. 55–66.
- Мосяков Д.В., Шпаковская М.А., Понька Т.И. Роль военной дипломатии во внешней политике КНР в Южно-Китайском море // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2023. Том 23. №2. С. 358–371.
- Стрельцов Д.В. О новой концепции национальной безопасности Японии // Проблемы Дальнего Востока. 2023. №2. С.9–25.

REFERENCES

- Dikarev, A. (2018). Gosudarstva ASEAN v politike Kitaia: kurs na raskol ili “novyi consensus”? [Southeast Asian States in the Foreign Policy of China: cleavage or a “new consensus”?]. *Sravnitel'naia politika* [Comparative Politics Russia], 9, 3, 75–87. (In Russian).
- Kireeva, A. (2021). Strategicheskoe partnerstvo Iaponii i V'etnama: interesy i ogranichiteli [Strategic Partnership of Japan and Vietnam: interests and limitations]. *V'etnamskie issledovaniia* [Vietnamese Studies], 5, 4, 6–25. (In Russian).
- Koldunova, E. (2017). “Dialogovye partnerstva” vo vneshnei politike ASEAN [Dialogue Partnerships in ASEAN’s Foreign Policy]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 15, 3, 55–66. (In Russian).
- Mosiakov, D., Shpakovskaia, M., Pon'ka, T. (2023). Rol' voennoi diplomatii vo vneshnei politike KNR v Iuzhno-Kitaiskom more [The Role of Military Diplomacy in PRC’s Foreign Policy in the South China Sea]. *Vestnik RUDN. Serii: Mezhdunarodnye otnosheniia* [Vestnik RUDN. International Relations], 23, 2, 358–371. (In Russian).
- Strel'tsov, D. (2023). O novoi kontseptsii natsional'noi bezopasnosti Iaponii [On the New National Security Strategy of Japan]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Issues of the Far Eastern Studies], 2, 9–25. (In Russian).
- Vershinina, V. (2020) Soveshchanie ministrov oborony stran-chlenov ASEAN i dialogovykh partnerov (СМОА+) kak novyi element formiruiushcheisia arkhitektury bezopasnosti v IuVA [ADMM+ as a New Element of the Regional Security Architecture in Southeast Asia]. *Iugo-Vostochnaia Aziia: aktual'nye problemy razvitiia* [Southeast Asia: Current Issues of Development], 4 (49), 34–46. (In Russian).

* * *

- Chang, J.U., and Jenne, N. (2020). Velvet fists: The paradox of defence diplomacy in Southeast Asia. *European Journal of International Security*, 5, 332–349.
- Koldunova, E. (2019). Which “ASEAN Way” Forward?: Southeast Asian Perspectives on Peace and Institutions. In Aigul Kulnazarova and Vesselin Popovski (Eds.), *The Palgrave Handbook of Global Approaches to Peace*. Cham: Springer Nature.
- Kuik, C.-C. (2013). Making Sense of Malaysia’s China Policy: Asymmetry, Proximity, and Elite’s Domestic Authority. *The Chinese Journal of International Politics*, 6, 429–467.
- Kuik, C.-C., and Rozman, G. (2015). *Light or Heavy Hedging. Positioning between China and the United States*. Washington, DC: Korea Economic Institute of America.
- Laksmana, E.A. (2012). Regional Order by Other Means? Examining the Rise of Defense Diplomacy in Southeast Asia. *Asian Security*, 8(3), 251–270.
- Tan, S.-S. (2020). Is ASEAN Finally Getting Multilateralism Right? From ARF to ADMM+. *Asian Studies Review*, 44(1), 28–43.

Поступила в редакцию: 28.11.2023

Received: 28 November 2023

Принята к публикации: 22.01.2024

Accepted: 22 January 2024

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-126-135

Историческая память в префектуре Окинава: региональная специфика

В.В. Нелидов

Аннотация. Префектура Окинава занимает особое место среди регионов Японии. До конца XIX в. на ее территории располагалось отдельное королевство Рюкю, находившееся в зависимости от и испытывавшее влияние со стороны как Японии, так и Китая. В 1879 г. оно было включено в состав Японской империи и долгое время находилось на положении де-факто колонии. В 1945 г. остров Окинава стал ареной ожесточенных сухопутных боев, унесших жизни почти 200 000 человек. В статье рассматриваются наиболее распространенный нарратив относительно истории префектуры и в особенности трагедии Второй мировой войны. Показывается, что в довоенный период статус окинавцев в Японской империи был неоднозначным. С одной стороны, с точки зрения японских властей и японского общества в целом они были отделены от жителей основной части страны, что закреплялось и экономической отсталостью региона, и тем, что с административно-политической точки зрения его статус не соответствовал положению других префектур еще на протяжении нескольких десятилетий после аннексии. С другой стороны, показывается, что и другим народом, однозначно отличающимся от жителей основной части страны, окинавцы считались далеко не всегда, подчас воспринимаясь как отдельная «ветвь» собственно японцев. В этом смысле их положение радикально отличалось от статуса жителей Тайваня и Кореи. Такой неоднозначный статус окинавцев в общественном дискурсе Японии до 1945 г. предопределил и то, как уже в послевоенный период ими воспринимается опыт Второй мировой войны. Мемориалы и иные коммеморативные объекты продвигают нарратив, согласно которому окинавцы были только и исключительно жертвами войны, причем в некоторых случаях едва ли не главными виновниками их страданий были японские военные, а не американцы или абстрактные «бедствия войны» в целом. Этот нарратив продолжает определять идентичность окинавцев и по сей день, влияя на их отношение к центральным властям, японо-американскому военно-политическому союзу и проблеме американских военных баз на Окинаве.

Ключевые слова: Окинава, историческая память, виктимность, мемориалы, внутренняя политика, исторические обиды.

Автор: Нелидов Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, МГИМО МИД России (адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76); старший научный сотрудник Центра японских исследований, Институт востоковедения РАН (107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12). ORCID: 0000-0003-0173-0438; E-mail: vladimir.nelidov@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Нелидов В.В. Историческая память в префектуре Окинава: региональная специфика // Японские исследования. 2024. № 1. С. 126–135. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-126-135

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-00109 «Нарративы “исторических обид” в официальном дискурсе и государственной политике стран Северо-Восточной Азии».

Historical memory in Okinawa Prefecture: Regional specifics

V.V. Nelidov

Abstract. Okinawa Prefecture takes a special place among Japan's regions. Until the 19th century, its territory was occupied by the Kingdom of Ryukyu, which was dependent on and influenced by both Japan and China. In 1879, it was incorporated into the Japanese Empire and for a long time was a de-facto colony. In 1945, the island of Okinawa became the arena of fierce ground fighting, which claimed the lives of almost 200,000 people. The article studies the most widespread narrative about the history of the prefecture and, particularly, the tragedy of World War II. It shows that, in the pre-war period, the status of Okinawans in the Japanese Empire was ambiguous. On the one hand, from the point of view of Japanese authorities and Japanese society as a whole, they were separate from the residents of the rest of the country, which was solidified both by the economic backwardness of the region and the fact that, in terms of the administrative and political system, its status was different from that of other prefectures even several decades after the annexation. On the other hand, it is shown that Okinawans were not necessarily considered a separate people and were often perceived as a "branch" of the Japanese. In this sense, their status was radically different from that of the people of Taiwan and Korea. Such an ambiguous status of Okinawans in the public discourse of Japan before 1945 influenced the way in which, in the post-war period, they were perceiving the experience of World War II. Memorials and other commemorative objects promote the narrative according to which Okinawans were only and exclusively victims of the war, with key culprits of their suffering often being not even Americans or the abstract "calamity of war," but rather the Japanese military. This narrative continues to define the identity of Okinawans to this day, influencing their attitude to central authorities, the Japan-U.S. military-political alliance, and the problem of U.S. bases in Okinawa.

Keywords: Okinawa, historical memory, victimhood, memorials, domestic politics, historical grievances.

Author: Nelidov Vladimir V., PhD (History), Associate Professor, Department of Asian and African Studies, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation); Senior Research Fellow, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-0173-0438; E-mail: vladimir.nelidov@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Nelidov, V.V. (2024). Istoricheskaya pamyat' v prefektуре Okinava: regional'naya spetsifika [Historical memory in Okinawa Prefecture: Regional specifics]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 1, 126–135. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-126-135

Acknowledgments: The research was assisted by the Russian Science Foundation grant № 23-18-00109 «Narratives of "historical grievances" in the official discourse and state policy of the countries of Northeast Asia».

Введение

Префектура Окинава является регионом с особой идентичностью в рамках Японии. Причинами этого являются и тот факт, что вплоть до периода Мэйдзи нынешняя префектура Окинава была отдельным государством (королевство Рюкю), и культурно-лингвистические особенности, и то, что во время Второй мировой войны Окинава была единственным регионом японской метрополии, где шли сухопутные бои, и пребывание Окинавы под административным управлением США в 1945–1972 гг.

Все эти факты в значительной мере влияют на нарратив памяти о Второй мировой войне, выраженный, помимо прочего, в монументах, музеях и иных коммеморативных объектах. Для Японии в целом характерен «комплекс виктимности» [Стрельцов 2022, с. 34], согласно которому японцы как народ не несут никакой коллективной ответственности за Вторую мировую войну, так как были только жертвами войны, причем сама война подчас представляется как абстрактное «бедствие», возникшее едва ли не само по себе. Подобная точка зрения весьма удобна с психологической и политической точки зрения, так как позволяет снять ответственность и с японского руководства, в частности, с императора, и с Соединенных Штатов, целенаправленно уничтожавших гражданское население во время ковровых бомбардировок японских городов и путем применения ядерного оружия против городов Хиросима и Нагасаки.

Господствующий среди окинавцев¹ на этот счет нарратив отчасти похож на таковой в остальной Японии, однако в его содержании есть важные отличия. В частности, этот нарратив еще в большей степени, чем это наблюдается в Японии в целом, подчеркивает статус жителей префектуры (например, самого острова Окинава) как жертвы, причем виновником перенесенных ими страданий представляются в том числе и японские войска. Данная статья ставит целью раскрыть исторические предпосылки, специфику и содержание этой исторической памяти, которая, наряду с наследием американского владычества и нынешними проблемами, обусловленными присутствием американских войск², оказывается причиной пацифистских и подчас антиамериканских взглядов многих жителей острова и представляющих их региональных политиков.

Исторический контекст отношений Рюкю/Окинавы и Японии

С XV по конец XIX в. остров Окинава и большая часть более мелких островов, ныне относящихся к префектуре Окинава, входили в состав небольшого королевства Рюкю. Рюкю платило дань как Китаю, так и (с начала XVII в.) японскому княжеству Сацума, и в целом испытывало сильное влияние обоих своих сильных соседей, Японии и Китая, пытаясь балансировать между ними. Вскоре после Реставрации Мэйдзи, в 1871 г., новое японское правительство открыло представительство Министерства иностранных дел на Рюкю, а в следующем, 1872 г., объявило, что Рюкю отныне является княжеством (*хан*), при том, что в остальной Японии княжества к тому моменту уже были упразднены и заменены префектурами. С 1874 г. Рюкю переходит под контроль Министерства внутренних дел, а в 1879 г. бывшее королевство становится префектурой Окинава [Siddle 1998, p. 120].

Положение Окинавы внутри Японской империи до 1945 г. было специфичным, и широко распространены оценки этого положения как статуса «внутренней колонии». В самом деле, для этого есть веские основания. Так, первоначально японские власти допускали сохранение местных институтов и обычаев (период, который известен в историографии как «*кю:кан онздон*», дословно – «сохранение старых обычаев»³), и лишь после 1895 г., когда победа в войне с цинским Китаем позволила японскому правительству больше не опасаться того, что Китай сможет воспользоваться сепаратистскими настроениями в бывшем королевстве Рюкю, был взят курс на активную культурную и языковую ассимиляцию. В конце XIX – начале XX в. основная часть местных чиновников и полицейских были выходцами из японской «метрополии» (часто

¹ До 1945 г. доля переселенцев из других регионов Японии составляла не более считанных процентов населения префектуры Окинава. В связи с этим далее под «окинавцами» понимаются коренные жители этой территории и те современные жители префектуры, которые ассоциируют себя с ее коренными жителями.

² Более подробно см.: [Баженова, Горячева 2023], [Стрельцов 2017].

³ Более подробно об этом периоде см., в частности, [Nishizatō 1979].

использовался термин *найти*, дословно – «внутренние регионы»⁴), главным образом префектур Нагасаки и Кагосима, причем наследие эпохи зависимости от княжества Сацума наглядно проявлялось в том, что практически все сотрудники полиции на Окинаве были выходцами из префектуры Кагосима, образованной на месте Сацума.

В сфере экономики ведущие позиции также были монополизированы торговцами из других регионов, главным образом Кагосима и Осака. Хозяйственная структура по сути была колониальной – в 1912 г. 40% производства приходилось на выращивание и обработку сахарного тростника. Это не только вело к сокращению посевов риса и потому сделало и так бедную префектуру зависимой от импорта продовольствия, но и стало причиной еще большего ухудшения экономического положения Окинавы, когда после Первой мировой войны цены на сахар упали, а основным центром производства сахара в Японии стал Тайвань. Законодательство, действовавшее в «найти», было полностью введено в префектуре Окинава лишь 1897 г., и только в 1898 г. окинавцы стали подлежать призыву в вооруженные силы. С 1912 г. представители от префектуры стали направляться представители в парламент [Siddle 1998, p. 121–122] (хотя и в этом случае избирательное право не было распространено на жителей островов Миякодзима и Яэяма, которые считались недостаточно «цивилизованными» для этого), а окончательно административная интеграция префектуры в состав Японии завершилась только к 1919 г.. Статус префектуры как неразвитого региона усугубляло и то, что, не обладая значительными природными ресурсами и будучи относительно небольшой по площади, особенно если сравнивать ее с другими территориями, присоединенными к Японии в период Мэйдзи – Хоккайдо, Тайванем и Кореей – она не могла привлечь значительное количество переселенцев из других регионов страны, а для чиновников Окинава считалась чем-то вроде места ссылки [Meyer 2020, p. 3–5].

Тем не менее, картина, согласно которой японская «метрополия» установила колониальное владычество над окинавцами как отдельным народом, хотя и является весьма популярной среди местных активистов и интеллектуалов уже послевоенного периода, выступающих за развитие и поддержание местной идентичности, отражает лишь часть истины. Существуют аргументы как в пользу того взгляда, что до 1945 г. окинавцы воспринимались японцами как отдельный народ и отдельная «раса», так и в пользу точки зрения, что особый статус префектуры в глазах японского государства того времени был связан скорее с ее экономической неразвитостью, а сами окинавцы воспринимались как японцы.

Примечательно, что особенно в первые десятилетия после присоединения бывшего королевства Рюкю к Японской империи официальный Токио считал главной угрозой не этнический сепаратизм – такой серьезной опасности не было, учитывая небольшие размер и численность населения префектуры, – сколько прокитайские настроения среди местных элит, смотревших на мир через призму конфуцианских и синоцентричных взглядов. С точки зрения «старой» рюкюсской аристократии, естественным положением для бывшего королевства было бы оставаться вассалом Китая. И эта же прокитайская направленность раннего рюкюсского «национализма» (в данном случае этот термин нельзя использовать иначе, как в кавычках) лишала его какой бы то ни было возможности поддержки со стороны простых рюкюсцев, не относящихся к образованным элитам. Примером этой ситуации могут послужить слова японского педагога Нитта Ёситака, который в своей работе 1894 г. с «говорящим» названием «Окинава – это Окинава, а не Рюкю» (“*Окинава ва Окинава нари Рю:кю: ни арадзу*”) подчеркивает, что отсутствие китайских имен и общее невежество окинавских крестьян позволяет им быть частью «чистой и невинной японской расы» (*Нихон дзинсю*), в отличие

⁴ С точки зрения терминологии, употреблявшейся японскими властями, термин «найти» включал в себя и префектуру Окинава, в то время как к «гайти» относились, в частности, Тайвань и Корея. Тем не менее, далее для удобства под этим термином будут пониматься территории, входившие в состав Японии до 1868 г., чтобы отличать их от бывшего королевства Рюкю.

от ориентированных на Китай рюкюских элит, которым следует «совершенствовать свой японский дух»⁵. И даже тот факт, что в качестве названия для новой префектуры было выбрано именно японское по происхождению слово «Окинава», по названию крупнейшего острова (на местном диалекте остров называется «Утина:»), имело своей целью отгородиться от старого названия «Рюкю», происходящего от китайского «Люцю», когда-то дарованного вассальному королевству китайским императором [Meuer 2020, p. 5].

Фактически же основное большинство жителей префектуры стремились стать «обычными» японцами. Выступавшие за поддержание местной идентичности интеллектуалы, наиболее значимой фигурой среди которых был «отец окинавских исследований» Иха Фую: (1876–1947), подчеркивали, что окинавцы являются не столько отдельным этносом, сколько «ветвью» японского народа, и с их точки зрения развитие местной культуры должно идти бок о бок с модернизацией и интеграцией в японскую нацию в целом. Общественный дискурс на этот счет был непоследовательным: с одной стороны, в школьных учебниках окинавцы иногда описывались как «аборигены», такие же, как айны. С другой стороны, пресса и литература чаще представляли их не как представителей другого, более отсталого народа, а как провинциалов, которые не готовы к жизни в большом городе. И многие представители образованной части окинавского общества призывали своих соотечественников как можно скорее избавиться от этой отсталости – так, например, широко известна фраза О:та Тё:фу (1865–1938), редактора местной газеты, который заявил, что окинавцы должны научиться даже чихать так, как японцы. С этой точки зрения статус окинавцев принципиально отличался от статуса корейцев, айнов острова Хоккайдо или жителей Тайваня, которые заведомо не воспринимались как часть «народа Ямато» [Siddle 1998, p. 125, 128] и для которых ассимиляция означала бы полный отказ от собственной культуры и идентичности.

Память о Второй мировой войне в префектуре Окинава

Окинава была единственным достаточно крупным регионом японской метрополии, где во время Второй мировой шли сухопутные бои. В результате битвы за Окинаву⁶, продолжавшейся с апреля по июнь 1945 г., общие потери японской стороны убитыми составили около 190 000 человек, из них 94 000 – мирные жители, что на тот момент составляло около четверти населения острова, в то время как американские войска потеряли убитыми 12 520 человек⁷.

Нарратив, согласно которому жители Окинавы оказались жертвами не только абстрактных «бедствий войны» или американских войск, но и – едва ли не в большей степени – пренебрежения и жестокости со стороны японских сил, во многом воспроизводится в литературе, массовой культуре, образовании, а также монументах, музеях и иных исторических объектах в самой префектуре Окинава.

В господствующем в послевоенный период дискурсе о трагедии Второй мировой войны для жителей префектуры Окинава можно условно выделить два значимых элемента. Первый из них заключается в том, что жертвы, которые они понесли по вине японских войск, были вызваны прежде всего тем, что, с точки зрения японской военщины и вообще «метрополии» окинавцы не были японцами в полной мере, и потому их жизни были «расходным материалом»,

⁵ Цит. по: [Siddle 1998, p. 124].

⁶ Несколько мелких островов, относящихся к префектуре Окинава, американские войска смогли захватить без серьезного сопротивления, поэтому в контексте «битвы за Окинаву» под этим названием будет пониматься прежде всего сам остров, а не префектура, в которую он входил.

⁷ Окинавакэн ни окэру сэнсэй но дзё:кё: [Урон от войны в префектуре Окинава]. Сайт министерства внутренних дел и коммуникаций Японии. https://www.soumu.go.jp/main_sosiki/daijinkanbou/sensai/situation/state/okinawa_04.html (дата обращения: 10.01.2024).

нужным, чтобы максимально задержать американские войска. В качестве аргументов в пользу этой точки зрения часто приводится, к примеру, тот факт, что во время боевых действий окинавцев, говоривших на местном диалекте, японские войска расстреливали как шпионов. Большая часть жертв среди местного населения была результатом огня американских войск, не особенно считавшихся с «сопутствующими потерями», – того, что осталось в памяти выживших как «стальная буря». Но едва ли не больший акцент в массовой культуре, литературе и мемориалах (к примеру, в экспозициях Окинавского префектурального музея и Окинавского префектурального мемориального музея мира, о котором более подробно будет сказано ниже) делается на то, что японские военные побуждали, а часто и заставляли мирных жителей кончать жизнь самоубийством, чтобы не попасть в руки американских войск, при этом сами подчас не следуя их примеру.

Сами по себе факты массовых самоубийств, как и того, что японские войска, основная часть которых состояла из выходцев из других регионов, нередко относились к местному населению Окинавы как к жителям оккупированных территорий (например, известно, что на острове Миякодзима местным жителям было приказано кланяться каждому японскому солдату [Siddle 1998, p. 131]), не подвергаются сомнению. Однако, как справедливо отмечает британский исследователь Ричард Сиддл, остается открытым вопрос о том, насколько такая жестокость к мирным жителям была результатом восприятия японскими войсками окинавцев как «не-японцев» и не стали бы японские военные точно так же обращаться с населением других японских регионов, если бы американские войска высадились там [Siddle 1998, p. 132]. Учитывая, что японская пропаганда на завершающем этапе войны призывала всех жителей страны быть готовыми отдать свои жизни ради победы над противником (политика, которая в некоторых исследованиях обозначается труднопроизносимым, но удачным термином «камикадзэфикация» [Earhart 2005]), это представляется весьма вероятным.

Второй элемент нарратива о Второй мировой войне для префектуры Окинава заключается в том, что жители префектуры были только и исключительно посторонними жертвами, но ни в коем случае не участниками войны. Примером может послужить один из значимых мемориалов острова – «Мемориальный музей мира Химэюри» и «Мемориальная башня Химэюри», расположенные в городе Итоман на юге острова Окинава и посвященные истории «Студенческого отряда Химэюри» (такое название не употреблялось непосредственно во время боев за Окинаву, но закрепилось в послевоенный период; в англоязычных источниках эту же группу часто называют «Lily Corps» или «Отряд лилий»). Входившие в него 222 ученицы и 18 учителей двух женских школ острова были мобилизованы японской армией 23 марта 1945 г., незадолго до высадки американских войск. Предполагалось, что они должны будут выполнять работу санитарок и помогать японским войскам, и некоторое время они выполняли эту работу, подчас в невыносимых условиях, но в разгар боевых действий, 18 июня, японское командование неожиданно издало приказ о расформировании этого подразделения [Shima 2015, p. 5–9]. В результате, оказавшись под перекрестным огнем японских и американских войск, большая часть мобилизованных девушек и их учителей (227 человек из 240) погибли⁸.

Здесь, однако, виден заслуживающий внимания парадокс: «Студенческий отряд Химэюри» не был единственным случаем, когда японские войска привлекали детей и подростков для выполнения вспомогательных функций. Существовал «Имперский корпус железа и крови», в состав которого входили 1780 юношей 14–17 лет, и около половины их также погибли. Однако не существует практически ни одной фундаментальной исторической работы, сосредотачивающейся на этой теме, в то время как мемориальный комплекс,

⁸ Сэцурицу ни цуитэ [Об учреждении [музея]. Химэюри но то:. Химэюри хэйва кинэн сирё:кан [Мемориальная башня Химэюри. Мемориальный музей мира Химэюри]. <https://www.himeyuri.or.jp/establishment/> (дата обращения: 20.11.2023).

посвященный «Студенческому отряду Химэюри» является одной из главных исторических достопримечательностей острова Окинава, а их трагедии посвящено пять художественных фильмов (1953, 1962, 1968, 1982 и 1995 г.), не говоря уже о документальных лентах и передачах.

Причина этого, по всей видимости, кроется в том, какой именно дискурс о роли жителей Окинавы в войне и понесенных ими жертвах является доминирующим в префектуре в частности и в Японии в целом. «Имперский корпус железа и крови» сражался на поле боя, и многие его члены, хотя и будучи фактически еще детьми, проявляли фанатизм и непреклонность, типичные, впрочем, для многих японских солдат Второй мировой войны. Эта история, не говоря уже о том, что и среди взрослых мужчин-окинавцев многие были мобилизованы и сражались против американских войск, в значительной степени разрушает сложившийся образ жителей острова как исключительно жертв войны, оказавшихся под перекрестным огнем японских и американских войск в прямом и переносном смыслах⁹. История же «Студенческого отряда Химэюри», участницы которого не принимали участия в боевых действиях с оружием в руках и погибли из-за безразличия и жесткости японской армии, идеально соответствует этому образу. В определенном смысле здесь просматривается параллель с нарративом «женщин для утешения» в националистическом дискурсе Южной Кореи [Дьячков 2019; Стрельцов 2022, с. 87–118]. Как в одном, так и в другом случае жертвами были молодые девушки – образ, который в восточноазиатской и не только в восточноазиатской культуре ассоциируется с беззащитностью и невинностью, и именно поэтому и в том, и в другом случае эмоциональная реакция аудитории, на которую нацелен исторический нарратив, оказывается особенно сильной.

Сходная психологическая динамика присутствует и в случае с другим значимым нарративом памяти окинавцев о Второй мировой войне и закрепляющим его коммеморативным объектом – истории судна «Цусима-мару». 21 августа 1944 г. «Цусима-мару» вышел из порта Наха и направился в Кагосиму. На его борту было 1788 человек, значительная их часть (1661 человек) – гражданские лица, которые должны были быть эвакуированы на остров Кюсю. 834 человека из них составляли дети, учащиеся школ Окинавы. Ночью следующего дня, 22 августа, конвой, в составе которого двигалось судно, был атакован американской подводной лодкой USS Bowfin, и «Цусима-мару» пошел ко дну. Спасти удалось лишь 280 пассажирам, среди них было только 59 детей¹⁰.

Непосредственно после катастрофы военная цензура наложила строгий запрет на распространение информации о трагедии. Усилия по увековечиванию памяти жертв начались только в послевоенный период. В 1954 г. на средства, собранные простыми японцами¹¹, в городе Наха был открыт мемориал жертвам катастрофы «Цусима-мару», а в 2004 г. недалеко от мемориала открылся Мемориальный музей «Цусима-мару», в котором, помимо прочих экспонатов, выставлены письма и личные вещи жертв, а также реконструирована классная комната, подобная той, в которых учились погибшие в результате катастрофы дети. Помимо этого, еще один мемориальный музей, посвященный трагедии, расположен на острове Акусэкидзима, недалеко от которого было потоплено судно. Широко освещена гибель «Цусима-мару» в массовой культуре, и в 1982 г. даже вышел анимационный фильм, посвященный этому событию.

Как и в случае со «Студенческим отрядом Химэюри», обращает на себя внимание то, что объектом коммеморации выступает трагедия, жертвами которой стали наиболее незащищенные, то есть дети. И та форма, в которой этот дискурс воспроизводится, опять-таки подчеркивает

⁹ Более подробно этот аргумент развит в [Altenberg 2019, p. 31–32].

¹⁰ Буклет Мемориального музея «Цусима-мару».

¹¹ Заслуживает внимания тот факт, что кампания по сбору средств началась в префектуре Айти, а не на Окинаве.

статус окинавцев как жертв трагедии, в которой отчасти повинны и японские вооруженные силы – недаром в экспозиции Мемориального музея «Цусима-мару» особо подчеркивается уже упомянутый факт того, что военные власти не допускали распространения информации о трагедии, и это стало причиной дополнительных страданий тех, кто томился в неведении, не будучи в состоянии узнать о судьбе своих близких.

Эти и связанные с ними нарративы в полной мере отражены в самом крупном мемориальном объекте префектуры, посвященном событиям Второй мировой войны – Окинавском префектуральном мемориальном музее мира (*Окинавакэн хэйва кинэн сирё:кан*), расположенном в городе Итоман. Помимо самого музея, на территории комплекса находятся несколько других монументов, посвященных жертвам боев на острове, один из которых включает в себя каменные плиты, на которых высечены имена всех погибших, как с японской, так и с американской стороны. В музее регулярно проводятся организованные экскурсии для учеников школ префектуры, и каждый год 23 июня, в день, когда в 1945 г. японская армия прекратила организованное сопротивление, власти префектуры проводят памятные мероприятия. В этом смысле можно сказать, что экспозиция музея представляет «официальную» версию событий с точки зрения местных властей и местного гражданского общества.

Начало экспозиции повествует о «пути к битве на Окинаве», то есть об истории королевства Рюкю, его присоединении к Японии и насильственной ассимиляции жителей острова в довоенный период. Таким образом, можно сказать, что как минимум в качестве одной из причин трагедии войны представляется факт присоединения архипелага к Японской империи¹². Рассказ о собственно боевых действиях повторяет и богато иллюстрирует примеры жесткости японских военных к мирным жителям. И, напротив, некоторые представленные материалы повествуют о том, как американские военные спасали мирных жителей, оставленных на произвол судьбы японскими войсками, и подчеркивается, что американские военные «не занимались пытками, изнасилованиями и убийствами мирных жителей, в отличие от того, о чем предупреждали японские военные власти» [Shibata 2021, p. 9]. Заключительная часть постоянной экспозиции рассказывает о послевоенной судьбе Окинавы – периоде американской оккупации, восстановлении экономики и мирной жизни (причем, опять-таки, подчеркивается роль помощи со стороны американских военных властей), движению жителей острова за воссоединение с остальной Японией.

Рассмотрение специфики исторической памяти вообще и конкретного случая того, как эта историческая память формируется и поддерживается в случае с префектурой Окинава, должно, впрочем, сопровождаться важной оговоркой методологического и в определенном смысле морального характера. Прежде всего, анализ того, какое именно «послание» передают те или иные нарративы, ни в коем случае не отрицает того, что те события, на которых сосредоточены эти нарративы, а также Вторая мировая война в целом на самом деле являются страшными трагедиями, а страдания тех, кто пострадал или потерял близких, заслуживают самого искреннего сочувствия. Помимо этого, описание исторического дискурса как феномена, определенным образом структурированного, продвигающего определенную «версию» реальности, вовсе не означает, что этот дискурс формируется целенаправленно властями, какими-либо политическими силами или иными акторами – во всяком случае, он не формируется ими с начала и до конца единолично. Речь идет скорее о ситуации, при которой взаимодействуют и переплетаются усилия различных политических и общественных сил и относительно стихийно формирующееся общественное мнение в целом. Впрочем, детальный теоретический анализ сути феномена исторического дискурса и составляющих его нарративов находится за рамками настоящего исследования.

¹² Официальный сайт Окинавского префектурального мемориального музея мира. <http://www.peacemuseum.okinawa.jp/index.html> (дата обращения: 10.01.2024).

Заключение

Уникальность Окинавы как региона Японии и специфика исторического опыта накладывает серьезный отпечаток на специфику исторической памяти, воспроизводимой в общественном мнении, региональных СМИ, мемориалах и мемориальных практиках. На первый взгляд может показаться, что дискурс исторической памяти на Окинаве диктуется тем же «комплексом виктимности», что и в остальной Японии, но более внимательный анализ показывает важные отличия. Если для японцев из других регионов характерно представление о Второй мировой войне как об абстрактном «бедствии», в котором никто конкретно не виноват, то на Окинаве гораздо более распространена точка зрения, что в трагедии мирных жителей виновата японская военщина, которая, согласно этому мнению, не считала их полноценными японцами и потому готова была относиться к ним как к «расходному материалу». Небезынтересно и то, что по отношению к американским войскам, огонь со стороны которых в действительности унес намного больше жизней, чем действия японских военных, особенно острой неприязни не наблюдается, и в некоторых случаях даже подчеркивается, что они помогли брошенным на произвол судьбы жителям острова. Себя же окинавцы ассоциируют исключительно с мирными жителями, предпочитая не акцентировать тот факт, что многие из них сражались против американских войск с оружием в руках.

Таким образом, если и можно говорить об исторических обидах, воспроизводимых в рамках памяти о Второй мировой войны в префектуре Окинава, то основным объектом этих обид будет главным образом японский милитаризм, а не современные центральные власти Японии и не США как таковые¹³. Вряд ли нынешний исторический нарратив может стать основой для серьезного сепаратистского движения, особенно учитывая экономическую зависимость региона от остальной Японии, или движения за полный разрыв японо-американского военно-политического сотрудничества. Но не подлежит сомнению и то, что воспроизводящиеся в историческом дискурсе память о довоенном статусе префектуры и трагедии Второй мировой войны продолжают являться значимым фактором как региональной политики в целом, так общественного мнения по поводу американского военного присутствия в частности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Баженова Ж.М., Горячева Е.А.* Нерешенные проблемы Окинавы: к пятидесятилетию возвращения префектуры в состав Японии // Японские исследования. 2023. № 2. С. 73–86. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-73-86
- Дьячков И.В.* Историческая память и политика: проблема «женщин для утешения» в современных южнокорейско-японских отношениях // Японские исследования. 2019. № 4. С. 72–87.
- Стрельцов Д.В.* Проблема возвращения Окинавы в японо-американских отношениях послевоенного периода // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. №3. С. 598–611.
- Стрельцов Д.В.* (ред.). Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями. Москва: Издательство «Аспект Пресс». 2022. 336 с.

¹³ Это подтверждается и данными опросов общественного мнения. Так, согласно данным проведенного газетой «Ёмиури» весной 2022 г. опроса, 64% респондентов сказали, что они «испытывают» или «скорее испытывают» симпатию к США, в то время как тех, кто придерживается противоположной позиции, оказалось только 35%. Тех, кто оценивает возвращение Окинавы в состав Японии в 1972 г. «положительно» или «скорее положительно», оказалось 90%, и лишь 7% ответили, что это было «плохо» или «скорее плохо».

REFERENCES

- Bazhenova Z.M., Goriacheva E.A. (2023). Nereshennye problemy Okinavy: k pyatidesyatiletuyu vozvrashcheniya prefektury v sostav Yaponii [Unresolved problems of Okinawa: Towards the 50th anniversary of Okinawa Prefecture's reversion to Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2, 73–86. (In Russian).
- Dyachkov, I.V. (2019). Istoricheskaya pamyat' i politika: problema «zhenshchin dlya utesheniya» v sovremennykh yuzhnokoreisko-yaponskikh otnosheniyakh [Collective memory and politics: “Comfort women” in current relations between South Korea and Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 4, 72–87. (In Russian).
- Streltsov, D.V. (2017). Problema vozvrashcheniya Okinavy v yaponno-amerikanskikh otnosheniyakh poslevoennogo perioda [The Problem of Reversal of Okinawa in Post-War Japan-U.S. Relations]. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [RUDN Bulletin. Series: International Relations], 17 (3), 598–611. (In Russian).
- Streltsov, D.V. (Ed.). (2022). *Problemy istoricheskogo proshlogo v otnosheniyakh Yaponii so stranami-sosednyami* [Problems of Historical Past in Japan's Relations With Neighboring Countries]. Moscow: Aspekt Press. (In Russian).

* * *

- Altenberg, B. (2019). *In the Shadow of the Shuri Castle: The Battle of Okinawa in Memory*. MA Thesis. Chapman University.
- Earhart, D.C. (2005). Kamikazefication and Japan's Wartime Ideology. *Critical Asian Studies*, 37 (4), 569–596.
- Meyer, S. (2020). Between a Forgotten Colony and an Abandoned Prefecture: Okinawa's Experience of Becoming Japanese in the Meiji and Taishō Eras. *The Asia Pacific Journal. Japan Focus*, Vol. 18, Is. 20, No. 7.
- Nishizatō, K. (1979). Okinawa kindaiishi kenkyū josetsu (1): “kyūkanonzanki” no shomondai [A Study on the Modern History of Okinawa, Part 1: Issues of the “Period of Preservation of Old Customs”]. *Ryūkyū Daigaku Kyōiku Gakubu Kiyō* [Bulletin of the Department of Education of the University of Ryukyu], 23, 145–172. (In Japanese).
- Shibata, M. (2021). Contested memory of Okinawa's colonial and war past: history teaching in and beyond formal education. *Asia-Pacific Journal of Education*, 42, January 17.
- Shima, D. (2015). *The Purification of Victims: The Himeyuri Student Corps Through the Lens of Okinawa, Japan, and the U.S. 1945–1953*. Doctoral Thesis. McGill University.
- Siddle, R. (1998). Colonialism and identity in Okinawa before 1945. *Japanese Studies*, 18 (2), 117–133.

Поступила в редакцию: 30.11.2023

Received: 30 November 2023

Принята к публикации: 22.01.2024

Accepted: 22 January 2024

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-136-155

Семинар «Япония в Азиатско-тихоокеанском регионе»

А.В. Белов, А.А. Киреева, Г.Д. Паксютов, Я.В. Мищенко

Аннотация. 27 сентября 2023 г. в МГИМО МИД России прошел семинар «Внешнеэкономическая стратегия Японии в АТР». В ходе обсуждения были проанализированы различные вопросы, связанные с проблемами участия Японии в процессах международной экономической интеграции в АТР, проектах инфраструктурного развития, а также взаимосвязи экономических и политических аспектов региональной стратегии Японии. Особое внимание было уделено японскому видению Индо-тихоокеанского региона, выдвинутой Японией инициативе «качественной инфраструктуры», а также экономическим мерам японского правительства, направленным на сдерживание Китая в АТР. В публикации предлагается стенограмма данного семинара.

Ключевые слова: японская инициатива «качественной инфраструктуры», инфраструктурные проекты, Официальная помощь развитию, Индо-Тихоокеанская стратегия Японии, Индо-тихоокеанский регион, Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство.

Авторы: *Белов Андрей Васильевич*, доктор экономических наук, профессор Университета префектуры Фукуи (Япония, 910-1195, Фукуи, Ёсида-гун, Эйхэйдзи-тё, Мацуока-Кэндзэдзима, 4-1-1). ORCID: 0000-0002-8703-8487; E-mail: abelov@fpu.ac.jp

Киреева Анна Андреевна, кандидат политических наук, доцент кафедры востоковедения, МГИМО-университет МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76). ORCID: 0000-0002-0376-9734; E-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru

Мищенко Яна Вадимовна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32); старший преподаватель МГУ им. М. В. Ломоносова. ORCID: 0000-0002-8782-6424; E-mail: yanamischenko@gmail.com

Паксютов Георгий Давидович, старший научный сотрудник Центра японских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0001-7153-4315; E-mail: gpaksyutov@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Белов А.В., Киреева А.А., Паксютов Г.Д., Мищенко Я.В. Семинар «Япония в Азиатско-тихоокеанском регионе» // Японские исследования. 2024. № 1. С. 136–155. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-136-155

Seminar “Japan in the Asia Pacific Region”

A.V. Belov, A.A. Kireeva, G.D. Paksyutov, Ya.V. Mishchenko

Abstract. On September 27, 2023, a seminar “Japan’s Economic Strategy in the Asia-Pacific Region” was held at MGIMO University. During the discussion, various issues related to the problems of Japan’s participation in the processes of international economic integration in the Asia-Pacific region, infrastructure development projects, as well as the relationship between economic and political aspects of Japan’s regional strategy were analyzed. Special attention was paid to the Japanese concept of the Indo-Pacific region, the Japanese initiative “Partnership for Quality Infrastructure,” as well as the economic measures of the Japanese government aimed at containing China in the Asia-Pacific region. The publication offers a transcript of this seminar.

Keywords: Japan’s Partnership for Quality Infrastructure, infrastructure projects, Official Development Assistance, Indo-Pacific Strategy of Japan, Indo-Pacific region, Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership, Regional Comprehensive Economic Partnership

Authors:

Belov Andrey V., Doctor of Sciences (Economics), Professor, Fukui Prefectural University (Japan, 910-1195, Fukui, Yoshida-gun, Eiheiji-cho, Matsuoka-Kenjojima, 4-1-1). ORCID: 0000-0002-8703-8487; E-mail: abelov@fpu.ac.jp

Kireeva Anna A., PhD (Political Science), Associate Professor, Department of Asian and African Studies MGIMO University (76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-0376-9734; E-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru

Paksyutov Georgy D., Senior Researcher, Center for Japanese Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7153-4315; E-mail: gpaksyutov@mail.ru

Mishchenko Yana V., PhD in Economics, Senior Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av. 117997), Senior Lecturer of Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0000-0002-8782-6424; E-mail: yanamischenko@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Belov, A.V., Kireeva, A.A., Paksyutov, G.D., Mishchenko, Ya.V. (2024). Seminar «Yaponiya v Aziatsko-tikhookeanskom regione» [Seminar “Japan in the Asia Pacific Region”]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 1, 136–155. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-136-155

**Д.В. Стрельцов, председатель Ассоциации японоведов,
проф. МГИМО-университета**

Актуальность темы нашего семинара связана со следующими обстоятельствами. Во-первых, в условиях холодной войны, которая разгорелась сейчас в мире и, в частности, в Азиатско-тихоокеанском регионе, где формируется новая биполярность, Япония фактически оказалась между двух огней. Ей нужно строить свою стратегию в регионе, и экономическую и политическую, в условиях острого противостояния США и Китая. И хотя она считается союзником Соединенных Штатов, она вынуждена корректировать свою политику с учетом особых отношений со многими странами АТР, которые демонстрируют взвешенную, нейтральную позицию по отношению к этой биполярности, к этой напряженности, которая сейчас наблюдается в мире. Второй важный момент – это то, что Япония традиционно выступает активным игроком в АТР, выдвигает многие инициативы в экономической области и претендует на роль лидера этого региона, который задает тон многим экономическим процессам в мире.

В условиях острого соперничества с Китаем Япония выдвинула и собственную инициативу свободного и открытого Индо-тихоокеанского региона, и инициативу «качественной инфраструктуры», которая фактически составляет конкуренцию китайским проектам в этом регионе. Япония делает все возможное, чтобы составить определенную альтернативу тому, что предлагает в этом регионе Китай.

Сегодня мы поговорим и об экономических, и о политических аспектах японской стратегии в АТР. И хотя у нас тема «экономическая стратегия», она, конечно, не свободна и от политического контекста. И вопросы безопасности будут затронуты. В семинаре любезно согласились участвовать несколько ведущих российских экспертов по теме семинара. Первым я хотел бы предоставить слово профессору Белову.

А. В. Белов, профессор Университета префектуры Фукуи

Создание «качественной инфраструктуры» связано с движением капитала через национальные границы, а движение капитала по источникам происхождения делится на частные и официальные потоки. В официальных потоках наибольшую роль играет роль Официальная помощь в целях развития (ОПР), куда и входит движение капитала, направленное на создание «Качественной инфраструктуры». Это самый малый по объему, но наиболее устойчивый из традиционно анализируемых международных потоков капитала. Он значительно менее волатильный, чем прямые и портфельные инвестиции, чем кредиты и переводы частных лиц.

«Качественная инфраструктура» – это комплексная стратегия, направленная на продвижение и повышение качества инфраструктурных проектов в Азии и в других регионах. Качество, в свою очередь, понимается как соответствие широкому перечню экологических, социальных, финансовых, технических, региональных и прочих требований. Стратегия создания качественной инфраструктуры была выдвинута правительством Японии в рамках усилий по содействию качественному, т.е. инклюзивному и устойчивому экономическому росту в странах-получателях ОПР. Поэтому многие экономисты характеризуют эту инициативу как современный этап эволюции ОПР. Главными чертами инфраструктуры для качественного роста, по мнению правительства Японии, являются: 1) транспарентность создания и эксплуатации, 2) открытость использования, 3) экономическая эффективность на протяжении всего жизненного цикла, 4) приемлемая долговая нагрузка для стран-реципиентов.

История создания качественной инфраструктуры ведет отсчет с начала 1980-х гг., когда стало очевидно, что важные для азиатских стран усилия Японии по созданию инфраструктуры в рамках ОПР обходятся очень дорого. Уже тогда японские специалисты начали отмечать, что Япония компенсирует высокую цену не менее высоким качеством, а также предоставляет привлекательные условия по займам для создания инфраструктурных объектов (30 лет под 0,5 % годовых). С 1980-х гг. такие льготные условия стали стандартными для финансирования объектов ОПР.

Эти три характеристики (высокая цена, высокое качество и льготные займы) сохранились и в 1990-х, и в 2000-х гг., когда появилось множество инициатив инфраструктурного развития в азиатском регионе. Япония дважды (в 2010-х и в 2013-х гг.) принимала программы по расширению экспорта инфраструктуры высокого качества, причем, в том числе, для стимулирования собственной экономики. Однако главным событием в истории появления «Качественной инфраструктуры» стало выдвигание Китаем инициативы Пояса и Пути (ИПП) в 2013 г. В рамках ИПП на первом этапе Китаем была принята стратегия низких цен и гигантских объемов инфраструктурного строительства. Именно в ответ на эти шаги Китая и последовала ответная инициатива Японии в виде Партнерства для создания «качественной инфраструктуры», выдвинутая в 2015 г. и предполагавшая стратегию высокого качества в противовес гигантским инвестициям, которые Китай намеревался сделать, осуществляя ИПП. Соответственно, японская идея имеет двойственную природу и направлена одновременно

на ревитализацию экономики страны и на расширение связей с партнерами для сдерживания Китая.

Инициатива Японии опирается на четыре институциональные основы. Организация JICA осуществляет ОПР с грантовым элементом. Банк JBIC и созданная в 2014 г. организация JOIN (Japan Overseas Infrastructure Investment Corporation for Transport & Urban Development) ведут предоставление льготных займов. Азиатский банк развития, где Япония играет ведущую роль, осуществляет международное сотрудничество в азиатском регионе, направленное на создание инфраструктурных объектов. А такие организации, как Всемирный банк, Международный банк развития, Африканский банк развития и другие, ведут расширение инфраструктурного сотрудничества по японским стандартам в других регионах мира.

Успешная траектория экономического развития Японии, большое число крупных частных компаний, обладающих опытом создания инфраструктурных объектов, развитые институциональные основы зарубежного строительства – все это можно считать гарантией качества в программе качественной инфраструктуры. Уже в первые годы после появления эта инициатива получила широкое международное признание со стороны ООН, G7, ОЭСР, АСЕАН, ЕС и других международных организаций.

Неудивительно, что японская инициатива оказала заметное влияние на мировой рынок инфраструктуры. Прежде всего, произошло формирование олигополии в инфраструктурном строительстве Азии и Африки, а межгосударственное регулирование этой формы организации рынка привело к появлению среды, выгодной и для потребителей, и для провайдеров. Отметим также расширение предложения инвестиций и технологий за счет синергии, активизации ЕС и США, а также модификацию поведения других участников рынка, прежде всего Китая. И наконец, заметно усилились позиции Японии как лидера в развитии стран ЮВА, причем не столько за счет сдерживания Китая, сколько за счет содействия развитию и открытия новых сфер приложения капитала.

В 2021 г. появился специальный сборник, в котором правительство Японии привело примеры лучшей практики в области качественной инфраструктуры. Карта примеров показывает их концентрацию в Юго-Восточной Азии и в Африке. Наибольшее число проектов отмечено в таких странах, как Вьетнам, Филиппины, Мьянма, Индонезия и Камбоджа, что говорит о японских приоритетах. Во всех этих странах велось создание объектов с длительным сроком службы и низкими расходами, использовались надежные технологии с точки зрения экологии и предотвращения катастроф, учитывались интересы местных сообществ, а также осуществлялись надлежащая эксплуатация, обслуживание и управление. Кроме того, расширение создания качественной инфраструктуры происходит за пределами тех стран, которые традиционно получают ОПР (например, в Великобритании).

Среди наиболее ярких примеров «качественной инфраструктуры» находится мост «Цубаса», построенный через Меконг в Камбоджу в 2015 г. Это один из двух тысяч мостов, которые Япония построила в рамках ОПР. При сооружении этого объекта наблюдалась конкуренция с Китаем, построившим примерно такой же мост в 70 км вверх по течению Меконга. Конкуренция с Китаем при создании этих двух объектов оказалась очень плодотворной для страны получателя, поскольку привела к сокращению сроков строительства японского моста и к полному финансированию его за счет грантов.

Второй интересный и важный для Японии пример «качественной инфраструктуры» связан со строительством высокоскоростной железнодорожной магистрали в Индии, длиной около 600 км от Мумбаи на север к городу Ахмедабад. Это второй за пределами Японии проект высокоскоростного поезда на основе японской технологии синкансэн (первый построен на Тайване в 2008 г.). Интересно, что при выборе технологии и страны-донора Япония и Китай напрямую столкнулись как конкуренты. Тремя годами ранее на тендере в Индонезии Япония проиграла Китаю, и для Японии было важно получить индийский проект. Для этого Япония

предложила очень льготные условия. Например, финансирование осуществляется за счет займов в иенах, причем займы предоставляются на 50 лет под 0,1% годовых и в течение 15 лет объявлен так называемый грэйс-период, когда никакие выплаты не производятся. И, кроме того, Япония объявила о широкой программе передачи технологий и локализации производства будущего подвижного состава и оборудования, что получило высокую оценку индийской стороны.

В заключении отметим еще раз тезисы о влиянии японской инициативы на мировой рынок, а также о перспективах развития качественной инфраструктуры.

Прежде всего, на рынке создания инфраструктуры в Азии и Африке с приходом Китая сформировалась олигополия, т.е. форма монополистического рынка с небольшим числом крупных провайдеров, таких как Япония, Китай, ЕЭС, США и ряд международных институтов. Олигополия с экономической точки зрения представляет собой хорошо изученную и легко поддающуюся государственному регулированию форму организации монополистического рынка. Структура этой олигополии такова, что в ней лидирующие позиции занимают Япония и Китай. Плюсы олигополии в том, что в таких условиях, как правило, увеличивается финансирование науки, НИОКР и происходит усиление возможностей дальнейшего развития. Минусы связаны с возможностью сговора и превращения олигополии в картель.

На первом этапе вхождения на рынок инфраструктуры новый игрок, Китай, принял конфронтационную стратегию низких цен. Однако затем последовала негативная международная реакция со стороны первых получателей китайской помощи в рамках ИПП, некоторые из которых попали в долговую ловушку. В такой ситуации появилась японская Инициатива «качественной инфраструктуры», и эта инициатива оказалась настолько широко поддержана в международном сообществе, что Китай изменил свою стратегию.

В итоге начали появляться предпосылки для формирования в рамках олигополии более оптимальной, не конфронтационной, а кооперационной модели взаимодействия. Иными словами, плюсы олигополии начали усиливаться, а минусы – ослабевать. Фактически произошло расширение предложения инвестиций и технологий за счет появившейся синергии проектов, за счет активизации Европейского Союза и США. И, кроме того, важнейший участник – Китай – серьезно изменил линию поведения. Все это фактически привело к укреплению позиций Японии как лидера в развитии стран Юго-Восточной Азии. Причем это произошло не столько за счет сдерживания Китая, сколько за счет содействия развитию и открытия новых рынков.

Если считать, что «качественная инфраструктура» – это успех, то вполне понятно, почему ее принципы сейчас расширяются от ОПР до всех инфраструктурных проектов Японии, в том числе и тех, которые осуществляются без грантового финансирования в развитых странах. Принципы «качественной инфраструктуры» становятся универсальными. А в зоне открытого и свободного Индо-Тихоокеанского региона, в отношениях с Индией и рядом других японских партнеров эти принципы превращаются в главное содержание международного экономического сотрудничества Японии.

Все это позволяет дать высокую оценку Инициативе «качественной инфраструктуры». Причем, дело не только в увеличении общего количества грантов или в повышении качества мостов и тоннелей, а в том, что Япония предложила достойную крупнейшей экономической державы стратегию поведения в области экономической помощи. Это произошло именно в тот период, когда во всем мире многократно возросло международное значение устойчивого развития. В этом и состоит важность японской инициативы.

И.П. Лебедева, г.н.с. Института востоковедения РАН

Мне приходилось читать, что в самой Японии критикуют японский подход к «качественной инфраструктуре» именно с точки зрения качества. Это касается строительства тепловых электростанций.

Дело в том, что у Японии есть проекты модернизации тепловых электростанций в Юго-Восточной Азии, работающих на угле. Японцев критиковали за то, что это отсталая технология. Нужно уже давно заботиться об окружающей среде, интересно, что критика звучала в самой Японии.

Приходилось ли Вам что-нибудь на эту тему читать или слышать?

А.В. Белов

У Японии очень сильные позиции, когда японские специалисты заявляют о том, что использование угольных тепловых электростанций для многих развивающихся стран в настоящее время дает единственную возможность обеспечения устойчивого электроснабжения. Поэтому реальным и вполне оправданным является стремление повысить эффективность тепловых станций и разработать новые технологии, которые позволят им по уровню выбросов приблизиться к другим, «чистым» источникам энергии. Эта официальная позиция кажется мне достаточно сильной и убедительной.

Д.В. Стрельцов

Осенью 2018 г. Абэ Синдзо, покойный премьер-министр, посещал Пекин, и одним из итогов его визита было соглашение о реализации совместных японо-китайских инфраструктурных проектов. В каком состоянии сейчас, можете ли Вы прокомментировать, эта сфера? Есть ли совместные проекты, в каком состоянии этот вопрос сейчас это находится?

А.В. Белов

Насколько мне известно, в период пандемии и последующего восстановления скорость продвижения этих проектов замедлилась, а затем к пандемийным ограничениям прибавилось охлаждение политических связей. Остается только надеяться, что текущее оживление японо-китайского и многостороннего сотрудничества приведет к повышению интереса к заявленным инфраструктурным проектам.

А.А. Киреева, доцент МГИМО-университета

У меня был такой же вопрос на 100%, как у Дмитрия Викторовича, не сговариваясь, я тоже искала информацию про эти совместные китайско-японские проекты. Вся информация, которая есть – это меморандумы 2018 г. и с тех пор тишина. Интересный вопрос на тему того, насколько это действительно выгодно оказалось японским компаниям, судя по тому, что мы не видим проектов, которые были заявлены.

Тогда другой вопрос по поводу роли ценностей и взаимосвязи инфраструктурных проектов и идеологических соображений. Япония хорошо известна тем, что она выстраивает прагматическое сотрудничество со всеми странами Азии в независимости от типов политических режимов, даже несмотря на то, что она продвигает ценности прав человека и демократии. Пример, который Вы приводили в Камбодже, мне кажется, очень хороший, показательный, что здесь развивается сотрудничество со всеми странами вне зависимости от типов политических режимов.

У меня вопрос касательно Мьянмы, не встречали ли Вы какой-то информации с момента военного переворота в Мьянме, заморозились ли японские проекты, есть ли какой-то интерес или Япония фактически поставила все эти вопросы на паузу?

Поскольку явно очевидно есть интерес Китая очень большой к проектам в Мьянме, и Япония стремилась тоже какую-то альтернативу здесь предоставить.

А.В. Белов

Мне очень хотелось бы увидеть не только планы японского правительства о внедрении принципов «качественной инфраструктуры», но и отчеты о проделанной работе. А вот полных

отчетов мне пока найти не удалось. Что касается Мьянмы, совершенно точно до 2021 г. Мьянма была одним из лидеров по получению ОПР, осуществлялось множество проектов, четыре из них попали в книгу примеров лучших практик. К сожалению, полной информации о положении дел после 2021 г., так же, как и в отношениях Японии и Китая у меня пока нет.

П.Э. Подалко, профессор университета Васэда

У меня вопрос, как не экономиста, поэтому немного, может быть, странно прозвучит. Но со времен Абэ японские премьер-министры невероятно активизировали свои внешние визиты в разные страны и в том числе в страны Юго-Восточной Азии. Этим очень увлекался Абэ, этим не менее увлекается нынешний премьер-министр Кисида. При этом о конкретных результатах не очень много слышно. Как считаете, являются ли все эти челночные набегии в соседние и далеко лежащие страны чем-то вроде статусного посещения мира в стиле, когда у нас это практиковал М.С. Горбачев на последнем этапе своей президентской деятельности, когда фактически руководитель государства становится собственно министром иностранных дел? Или все-таки экономическая отдача, в том числе для Японии, от всех этих вояжей имеет место?

А.В. Белов

Мне кажется, что экономическую подоплеку нельзя отбрасывать со счетов. Тем более, что у ОПР есть две составляющих. Во-первых, это поддержка развития тех стран, которые являются получателями. Во-вторых, содействие ревитализации экономики Японии. Сочетание двух составляющих наверняка наблюдается в каждом из этих визитов. Но сколько конкретно новых заказов приносит каждый визит, надо смотреть в каждом конкретном случае. Причем, информацию об этом не так-то просто извлечь из официальных отчетов.

А.А. Киреева

Мне хотелось бы поговорить про взаимосвязанность различных целей и политических, и вопросов безопасности, экономических в Индо-тихоокеанской стратегии Японии. Важно сказать про те условия, в которых она выдвигалась в текущем виде, начиная с 2016 г., когда она была предложена премьер-министром С. Абэ. Это полноценная стратегия, и дальше началась ее проработка.

Это, конечно, рост мощи Китая и напряженности в отношениях в сфере безопасности с КНР, как на двустороннем уровне, так и на региональном, и это относительное снижение мощи США и определенные сомнения в гарантиях безопасности США, которые были характерны для периода президентства Дональда Трампа. Впоследствии на более позднем этапе его президентства США, наоборот, переходят к довольно резкому антагонистическому стратегическому соперничеству с Китаем.

Эти условия предопределили различные цели, которые Япония перед собой поставила. Многие ключевые направления, которые сейчас звучат в японской стратегии, были сформулированы премьер-министром С. Абэ в его речи в Найроби в 2016 г. Это идея о взаимосвязанности двух континентов – Азии и Африки, и взаимосвязанности двух океанов – Тихого океана и Индийского океана.

Идея заключалась в том, что у Японии важная роль в процветании всего этого пространства, взаимодействие на котором должно происходить на основе различных правил и ценностей. Это вопрос свободы, открытости, верховенства права, рыночной экономики, это отсутствие использования силы или принуждения, отсутствие изменения статус-кво силовым путем. И здесь же уже изначально было видно, что есть определенные элементы в этой стратегии – это повестка, которая была связана с исключительно политическими вопросами и вопросами безопасности, а также очень четкое экономическое измерение. И это довольно сильно отличает,

как мне кажется, японскую Индо-тихоокеанскую стратегию от стратегии других стран, поскольку в ней изначально присутствовало также очень серьезное экономическое измерение помимо вопросов, которые были связаны с вопросами безопасности. Соответственно, свободные и открытые моря – это идея, которая связана с порядком, основанным на правилах, с тем, как Япония понимала и понимает, как должен выстраиваться региональный порядок в этом расширенном Индо-Тихоокеанском регионе. И второй аспект – это как раз вопрос взаимосвязанности, о котором сейчас говорили. Прежде всего, он связан с инфраструктурным строительством.

С 2018 г. Япония начинает несколько трансформировать риторику, так как было довольно-таки очевидно с самого начала, что есть очень сильный элемент в этой стратегии, который связан с противодействием Китаю. Он, в отличие от американской стратегии, не артикулировался, не назывался открыто, но было понятно, что большая часть этих принципов и то, как Япония, японское руководство их формулировало, как раз связано с тем, что необходимо противодействовать Китаю, изменению Китая статус-кво силовым путем в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Этот четкий антикитайский элемент, несомненно, был, хотя никогда не артикулировался открыто в японской стратегии. Это вызвало определенные опасения со стороны ряда государств, особенно со стороны стран АСЕАН, и с 2018 г. несколько трансформируется риторика, появляется слово «видение» вместо «стратегии», делается акцент на инклюзивности стратегии и на центральном положении стран АСЕАН. Довольно очевидно, что серьезных изменений на практике по основным мерам и направлениям реализации эта стратегия не получила, но де-факто вопросы, которые связаны с противодействием стремлению Китая изменить региональный порядок в свою пользу, стали занимать в японской Индо-Тихоокеанской стратегии одно из центральных мест.

Здесь можно привести пример Стратегии национальной безопасности в новой редакции, которая была принята в Японии в 2022 г. и которая отмечает, что Китай – это ключевой стратегический вызов для Японии.

В марте 2023 г. премьер-министр Ф. Кисида произнес очень интересную речь в индийском Совете по международным делам. Он сформулировал новый план для продвижения свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона, в котором были более детально конкретизированы различные его направления, а также показано, что Япония реально сделала за это время с 2016 г. для продвижения различных инициатив и направлений.

Акцент делается на то, что кризис вокруг Украины ставит намного более остро вопрос о принципах устройства мирового порядка и регионального порядка в Индо-Тихоокеанском регионе. И второй аспект – это очень сильный и значительный экономический рост Индии и других держав, который еще больше актуализирует необходимость для Японии двигаться не просто в направлении Юго-Восточной Азии, а уже этого более широкого Индо-Тихоокеанского пространства.

Мы увидели некоторые новые элементы, которые были привнесены в Индо-Тихоокеанскую стратегию. В новом плане по ее реализации, который был предложен в марте 2023 г., формулируется четыре столпа. Некоторые из них обозначены четко, тогда как другие выглядят как совокупность совершенно разных направлений. В первый столп было занесено большое количество различных принципов, часть из них связана с вопросами безопасности, часть из них связана с экономической повесткой. Это принципы мира и процветания, свободы, верховенства права, разнообразия, инклюзивности, открытости. Это общие принципы, которые связаны с повесткой в сфере безопасности. Помимо этого, там также есть справедливый экономический порядок, необходимость избегать несправедливых экономических практик, и здесь Япония ссылается как раз на ту самую инфраструктуру высокого качества, а также необходимость придерживаться высоких стандартов в сфере торговли. В плане предлагается пример Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве,

которое было перезаключено без США под эгидой Японии в 2018 г., как пример реального регионального соглашения с японским лидерством, основанном на высоких стандартах. В этот столп включен вопрос создания правил, которые позволяли бы противодействовать нечестным или несправедливым экономическим практикам, и опять же высококачественная инфраструктура предлагается как пример того, как это должно быть реализовано на практике. Здесь явно есть негласная неартикулируемая отсылка к соответственно китайской Инициативе Пояса и Пути как антитезиса или антипримера.

Во второй столп попали различные вопросы, вызовы, которые существуют перед странами Индо-Тихоокеанского региона – это и вопросы, которые связаны с необходимостью продвижения зеленой повестки, климатических изменений окружающей среды, и вопросы «голубой экономики», медицины, здравоохранения, кибербезопасности, борьбы с дезинформацией, вопросы продовольственной, энергетической безопасности, ликвидация последствий стихийных бедствий, т. е. тоже довольно широкий круг вопросов, в которых Япония хочет быть одним из лидеров.

Третий столп – это многоуровневая взаимосвязанность, в первую очередь инфраструктурная. Делается акцент на регионах, в которых Япония уже активно работает, таких как Юго-Восточная Азия и регионах, куда Япония активно приходит, таких как Южная Азия и Океания. Помимо этого, это взаимосвязанность знаний и человеческого капитала, различных программ обменов, цифровая взаимосвязанность и т. д.

Четвертый столп – это уже вопросы, связанные с безопасностью: безопасность морского, воздушного пространства. В этой сфере Япония активно помогает различным странам, особенно странам Юго-Восточной Азии, наращивать их потенциал в сфере противодействия различным вызовам, которые связаны с вопросами как традиционной, так и нетрадиционной безопасности. Япония особенно активно сотрудничает со странами, которые выходят на Южно-Китайское море и вовлечены в территориальные споры с Китаем в Южно-Китайском море. Это в первую очередь Вьетнам, Филиппины, а также Малайзия, Индонезия. Помимо традиционных аспектов безопасности, это еще очень большой спектр сотрудничества в сфере борьбы с нетрадиционными вызовами безопасности – пиратство, нелегальная рыбная ловля, ликвидация последствий стихийных бедствий и т. д. Это направление объединяет всю ту деятельность, которой Япония фактически занимается много десятилетий. И Ф. Кисида также заявил о том, что до 2030 г. Японией будет привлечено 75 млрд долл. и частного финансирования, и государственного финансирования на инфраструктурные проекты в Индо-Тихоокеанском регионе. Эта цифра довольно-таки большая, но она несопоставима по масштабу с тем, что планируется к реализации в этот временной период Китаем.

Соответственно, если мы возьмем сферу безопасности, то здесь для Японии важно быть одним из стейкхолдеров, одним из лидеров в формировании этого общего широкого регионального порядка и не допустить, чтобы Китай стал доминирующей державой, чтобы Китай изменил региональный порядок в свою пользу. Помимо этого, в Японии считают значимым наоборот вовлечь США, чтобы они оставались в регионе и продолжали активно участвовать в нем и формулировали эти правила.

Помимо этого, Япония сотрудничает более активно со странами с похожей повесткой – с теми, кого называют *like minded countries*, т. е. кто думает так же и разделяет похожие принципы и ценности. Помимо США, традиционного союзника, это еще и страны-партнеры по Quad: Австралия и Индия (в различных форматах); также это страны АСЕАН и европейские державы, особенно Великобритания и Франция. Последняя имеет присутствие в Тихом и Индийском океане и соответствующие интересы на этом пространстве.

С 2018 г. в список этих стран начали попадать страны Океании, а с прошлого года – Канада, и с текущего года – Южная Корея, которая до этого в японской стратегии фактически не присутствовала. Абсолютно очевидно, что в списке этих партнеров нет Китая и, несмотря на

риторику инклюзивности, возникают вопросы о том, что Япония совместно с этими странами хочет предложить такой порядок, который позволил бы как-то ограничить деятельность Китая. Необязательно всегда противодействовать Китаю, но возможно побудить Китай действовать как-то по-другому или таким образом, чтобы действия Китая не были ревизионистскими по отношению к существующему порядку.

Что касается экономического вектора, то здесь присутствует очень четкая исключительно экономическая мотивация. Она связана со смещением центра экономического роста и ростом среднего класса в следующие десятилетия в более широкое Индо-Тихоокеанское пространство. Т.е. резервы экономического роста, где еще будет расти и население, и ВВП, и японские компании там же смогут извлекать прибыль, экспортировать больше своей продукции и получать больше новых контрактов – это уже более широкий Тихоокеанский регион. Это как раз страны Индокитайского полуострова, где еще есть дешевый труд, где страны довольно активно растут, страны Южной Азии и даже Африки. Этот более широкий Индо-Тихоокеанский регион де-факто является тем пространством, где Китай активно реализует свои инфраструктурные проекты, и куда Япония более активно, чем раньше, начинает приходить.

Что касается инфраструктуры, то здесь обращают на себя внимание цифры по инфраструктуре и инвестициям в промышленность и производство: за последние 10 лет общий объем японских инвестиций в страны Индокитайского полуострова и Южной Азии вырос в четыре раза. Это показывает, что изначально этих инвестиций было меньше, чем в более развитые страны АСЕАН, где японских совокупных инвестиций все еще больше, чем китайских накопленных, но также это показывает, что здесь есть те сферы, те направления, которые интересны японским компаниям. Помимо инфраструктуры, здесь есть еще одно очень важное экономическое направление – это диверсификация цепочек добавленной стоимости, диверсификации японских производственных сетей.

С 2000-х гг., особенно с середины 2000-х г., многие японские компании взяли на вооружение стратегию Китай+1: иметь производственную базу в Китае, именно финальную сборку, при том, что многие компоненты производятся в других странах региона, особенно в более развитых странах Юго-Восточной Азии, но также иметь и какую-то дополнительную производственную базу в других странах. В частности, это Малайзия, Таиланд, Филиппины, Индонезия. Это позволяет диверсифицировать свои цепочки добавленной стоимости и производственные сети.

Помимо этого, существуют чисто экономические факторы диверсификации сфер приложения японских инвестиций – китайский труд, который был дешевым, уже совсем не такой дешевый. Мы видим, что постепенно происходит трансфер технологий, а китайское правительство стимулирует различными способами, в том числе юридически, необходимость передачи подобных технологий, в случае, если вы хотите размещать производство в Китае, китайским субподрядчиком. Этот вопрос сейчас стоит для японского бизнеса и правительства достаточно остро. Каким образом сохранить производственную базу в Китае, производить все больше товаров, которые уже преимущественно уходят чисто на китайский внутренний рынок, но при этом не передавать, не уступать Китаю самые продвинутые технологии, которые позволяют Японии выступать экономическим лидером?

Диверсификация производственных цепочек – это тот ответ, который демонстрируют японские компании. За последние пять лет намного больше инвестиций стало идти как раз в страны Индокитайского полуострова, и последние годы в Южную Азию, особенно в Индию. Вьетнам стал страной, куда очень много японских компаний, так же как и южнокорейских, сейчас стали переносить свое производство.

Индия предполагала, что из Японии туда будет очень большой прирост инвестиций. Но на практике мы видим, что этот прирост, несомненно, происходит, и индийский рынок оценивается как очень перспективный, но условия ведения бизнеса все еще довольно-

таки сложные, экономика все еще довольно бюрократизированная, и реальный прирост японских инвестиций в Индию не такой значительный, на который надеялись и Индия, и сама Япония – по чисто экономическим соображениям. Но этот тренд определенно наметился и, соответственно, это также одно из важных экономических направлений Индо-Тихоокеанской стратегии. Компании все еще смогут сохранить свое преимущество, иметь довольно дешевую рабочую силу, больше экспортировать, т.к. здесь растет средний класс.

И третье направление, тоже, наверное, не менее важное – это зона свободной торговли. Коренной поворот в японской внешнеторговой политике произошел в 2010-е гг. Конечно, Япония очень значимый игрок в региональной интеграции, если вспомнить «гусиный клин»¹ и японские позиции в цепочках добавленной стоимости, но при этом Япония не так активно участвовала в зонах свободной торговли, как мы могли бы предположить, и, в отличие от Южной Кореи, не очень была готова либерализовывать свою собственную экономику.

На 2017 г. всего лишь 40% торговли Японии было охвачено уже заключенными зонами свободной торговли. Например, для Южной Кореи аналогичный показатель был 70%, и вообще 40% для развитых стран – это был очень маленький показатель. Были жесткие дебаты по поводу Транстихоокеанского партнерства в Японии, когда принималось решение, что Япония будет участвовать в переговорах. Но с тех пор произошла смена парадигмы во внешнеэкономической деятельности в вопросе либерализации торговли. Япония стала довольно внезапно одним из чемпионов экономической либерализации.

Здесь есть совершенно разные цели. Это и поддержка высоких норм и стандартов, которые выгодны для японских компаний, которые уже стали глобальными компаниями, тогда как компании других стран не всегда могут им соответствовать и потенциально могут проиграть в такой конкуренции. Помимо этого, это идея «внешнего давления», которую планировал использовать С. Абэ для повышения конкурентоспособности японской экономики. А именно – постепенно открыть те сектора, которые не очень конкурентоспособны, такие, как сельское хозяйство, чтобы заставить их реформироваться и перестать быть настолько сильно убыточными.

И, наконец, это создание альтернативного Китаю интеграционного центра, только более высокого уровня. Здесь мы видим перезаключение Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве без США в 2018 г. Это перезаключение стало возможно только благодаря Японии и активному японскому лидерству. Конечно, соглашение без США не настолько масштабное – одиннадцать стран-членов составляют порядка 14% мирового ВВП, – но именно Япония стала в нем самой развитой экономикой, именно ее бизнес является там наиболее конкурентоспособным. Это означает, что именно японский бизнес в первую очередь получит преимущества от реализации данного соглашения.

Прежде всего, это касается сферы услуг, совместных производственных цепочек и защиты прав интеллектуальной собственности и других вопросов. Помимо ВПТТП, были заключены другие крупные соглашения: в 2018 г. подписана и вступила в силу в 2019 г. ЗСТ Японии и ЕС. Это огромная ЗСТ: 30% мирового ВВП и 40% мировой торговли приходится на Японию и ЕС, и это тоже очень глубокая степень либерализации.

И, наконец, было заключено ВРЭП (Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство) в 2020 г. В 2020 г. также было заключено соглашение между Японией и Великобританией, и в июле текущего года Великобритания также вступает в новое Транстихоокеанское партнерство (ВПТТП), тем самым увеличивая общий вклад. Существуют математические подсчеты, которые показывают, что Япония получит от этих соглашений: если

¹ Имеется в виду теория «гусиного клина», выдвинутую японским экономистом К. Акамацу в 1930-е гг., согласно которой страны «догоняющей модели развития» тянутся за более развитым государством, играющем роль «вожака стаи». Данная теория обрела особую популярность в 1960-е гг., когда именно Япония играла роль такого вожака, указывающего путь странам Юго-Восточной Азии. – *прим. ред.*

по отдельности, то Транстихоокеанское партнерство принесет дополнительно к ее доходам к 2030 г. 46 млрд долл., с ЕС – 44 млрд долл. и ВРЭП – 56 млрд долл. Поодиночке это не так много, но все вместе это получается прирост доходов больше 150 млрд долларов к 2030 г., и это показывает значимое экономическое преимущество, которым Япония планирует обладать.

Для Японии было очень важно в первую очередь перезаключить Транстихоокеанское партнерство (ВПТТП), поэтому Япония готова активно включаться в Индо-Тихоокеанскую экономическую структуру (ИПЭФ), которую предлагают в США, когда будут какие-то конкретные меры, поскольку все высокие стандарты и положения, которые предлагают США, уже реализуются в этом самом Транстихоокеанском партнерстве (ВПТТП). В данном случае от Японии не требуется каких-то дополнительных усилий.

Подводя итог, хотелось бы резюмировать, что С. Абэ смог сформулировать Индо-Тихоокеанскую стратегию свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона именно как ключевую для Японии стратегию – и внешнеполитическую, и внешнеэкономическую. Основная ее цель – чтобы Япония была одним из ключевых стейкхолдеров и одним из экономических и политических лидеров на этом большом пространстве. Мы четко видим, что интересы безопасности оказываются взаимосвязаны с интересами экономики. Иногда очень тяжело отделить одни от других. Традиционно про Японию говорили, что происходит экономизация политики и безопасности: с кем выгодно сотрудничать японским компаниям, с тем Япония также укрепляет политические отношения. Но сейчас мы видим еще и очень четкий обратный тренд: что на фоне конкуренции с Китаем при С. Абэ многие экономические проекты были отчетливо мотивированы геополитическими соображениями. В первую очередь это конкуренция с Китаем и стремление предоставить альтернативы Китаю и китайским проектам Пояса и Пути. Таким образом, еще один тренд, который мы четко видим последнее время – это секьюритизация экономики в различных сферах.

**Я.В. Мищенко, старший научный сотрудник Института Китая
и современной Азии РАН**

Японию с последней четверти 20 в. традиционно относят к числу «больших» держав, рассматривая как один из центров силы современного глобального мира; но при этом Япония долгое время отличалась от прочих «великих держав» отсутствием серьезных военно-политических амбиций глобального или даже регионального масштаба. Япония привлекает устойчивый международный интерес своей высокой активностью в международной торговле, зарубежном инвестировании и прочих форматах международного экономического сотрудничества. Японские ТНК представлены в любой стране мира, японская высокотехнологичная продукция также остается широко востребованной и признанной во всем мире в самых разных секторах промышленности – это и японский автопром, и производство сложных наукоемких электротехнических товаров, и передовая продукция энергетического машиностроения, и роботостроение.

Япония реализует успешную экономическую дипломатию во всем мире и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, однако, в отличие от внешнеэкономической и геополитической стратегии двух других «центров силы» глобального мира США и ЕС, ранее особенно не выказывала интереса к участию в региональных интеграционных процессах.

Можно утверждать, что этот формат международного сотрудничества в случае Японии не сыграл роль устойчивого плацдарма экономических успехов, как в случае ЕС, и не стал фактором геоэкономического и геополитического группирования соседних государств вокруг Японии, как в североамериканском интеграционном проекте, зацементировавшем на десятилетия союз Канады и Мексики с США, несколько оторвав последнюю от культурно ей более близкой Латинской Америки. Правда, инициативы о формировании более тесного партнерства, вплоть до зоны свободной торговли, между тремя гигантами Северо-Восточной

Азии – Японией, Китаем и Южной Кореей – витали в воздухе, однако полноценного интеграционного объединения наподобие НАФТА из этого не получилось. Однако, с 2008 г. с периодичной регулярностью проводятся трехсторонние саммиты КНР, Японии и Республики Корея. Одна их последних таких встреч состоялась в 2019 г., до пандемии коронавирусной инфекции. Успехов в интеграции сторонам даже в этом формате достичь не удалось, так как от обсуждения экономических вопросов Япония, Китай и Южная Корея регулярно переключали внимание на иные темы и проблемные аспекты отношений. Это, например, проблема территориальной принадлежности о-вов Сенкаку в Восточно-китайском море, проблема судебных южнокорейских женщин в годы японской милитаристской экспансии, а также недавние острые дебаты на тему сбрасывания Японией воды с тритием с АЭС «Фукусима» в Тихий океан. На момент заключения соглашений о новом Транстихоокеанском партнерстве и Всестороннем региональном экономическом партнерстве у Японии с Южной Кореей и Китаем не было соглашений о свободной торговле, какие уже имелись с Индией, Австралией и АСЕАН.

Таким образом, фактически до объявления в 2013 г. Японией о решении вступить в переговоры относительно участия в формирующемся Транстихоокеанском партнерстве, многосторонними интеграционными форматами страна особо не интересовалась. Налаженных форматов сотрудничества Японии хватало для реализации основных внутренних и внешних экономических задач. К тому же до 21 в. Япония в большей степени делала ставку на механизмы ГАТТ и ВТО для участия в многосторонних торговых переговорах и обеспечения выгодного и равноправного торгового сотрудничества. Однако затяжные и не особенно удачные переговоры Дохийского раунда стали толчком для пересмотра Японией своего традиционного курса на многонациональные переговоры в рамках ГАТТ – ВТО.

При этом многонациональные переговорные механизмы в рамках АТЭС с 1989 г. также активно использовались Японией для продвижения и либерализации региональной торговли. Однако когда стала проявляться неспособность данного межправительственного форума реализовать, например, свои же «Богорские цели» о создании в АТР зоны свободной и открытой торговли и инвестиций, или Осацкую программу действий в поддержку реализации Богорских целей, в Японии утвердились в стремлении к поиску новых, более эффективных форматов внешнеэкономического сотрудничества. Такими форматами сперва стали двусторонние торговые соглашения. С 2002 г. Япония подписала торговые соглашения с Сингапуром, Малайзией, Чили, Брунеем, Таиландом, Филиппинами, Индонезией, Вьетнамом, Индией и т. д. В 2008 г. вступило в силу соглашение об экономическом партнерстве Японии с АСЕАН, оно официально охватывало торговлю товарами и услугами и инвестиции. Запланирована отмена пошлин была к 2026 г.

Однако страны АСЕАН не были абсолютно удовлетворены достигнутым с Японией в тот период соглашением о либерализации экономических связей, так как Япония не пошла на отмену тарифов на продовольствие и свободное перемещение рабочей силы из стран АСЕАН. Между тем, вопрос о более свободной миграции рабочей силы всегда был важен для всех стран Юго-Восточной Азии, однако некоторого прогресса на переговорах с Японией удалось добиться только Индонезии, Вьетнаму и Филиппинам. Таким образом, хотя соглашения о свободной торговле с АСЕАН и отдельными странами АСЕАН и были заключены в первой декаде 21 в., однако в ряде аспектов они оценивались как далеко не исчерпывающе полные и даже полноценные. Было понятно, что переговоры интеграционной направленности между странами будут продолжены.

Транстихоокеанское партнерство и Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство стали интеграционными соглашениями нового поколения. Оба имеют трансрегиональный характер, так как выстроены на принципах преобладающей в эпоху глобализации политики открытого регионализма и мультилатералистских подходов. Япония участвует в обоих интеграционных проектах.

К участию в ТТП Японию привлекли США, справедливо посчитав, что вовлеченность такого крупного регионального актора добавит инициативе вес в глазах международного сообщества и увеличит шансы на успешную реализацию. В Японии это соглашение называли знаковым для будущего Японии и всего АТР. Оно поставило амбициозную задачу – заложить основы для формирования всеобъемлющей Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли, которая гипотетически, при благоприятном развитии, могла бы расшириться и охватывать все страны региона. Однако при этом Китай присоединиться к ТТП еще в период лидерства в проекте США не пригласили. Это предопределило восприятие Транстихоокеанского партнерства как проекта, направленного на сдерживание Китая. Официально участники объясняли неприсоединение Китая слишком высокой планкой либерализации в рамках проекта – усредненный уровень применяемых торговых тарифов в региональной торговле был согласован на уровне примерно 10%.

Однако позднее КНР продемонстрировала готовность своей экономики к аналогичным шагам в рамках другого интеграционного проекта – ВРЭП, созданного на основании традиционного ядра восточноазиатской интеграции АСЕАН и стран, с которыми у объединения уже было заключено соглашение о свободной торговле. ВРЭП в определенном смысле цементирует центральную роль АСЕАН в интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В процессе подготовки соглашения о ВРЭП фокус внимания был направлен на сложные переговоры с Индией. При создании проекта странами-участниками предполагалось, что таможенные пошлины будут устранены по 95% тарифных линий. Однако соглашение о ЗСТ АСЕАН с Индией предполагало их устранение только по 78,8% тарифных линий. Индия продолжала придерживаться протекционистской политики, так как опасалась наплыва более дешевой китайской продукции в случае большего открытия внутренних рынков. Опасения снижения конкурентоспособности национальной продукции являются типичными для многих стран при обдумывании целесообразности участия в том или ином интеграционном формате.

Со схожей ситуацией столкнулась и Япония, когда в течение 6 лет, вплоть до 2013 г., тщательно обдумывала решение о своем участии в ТТП. Представители японских промышленных кругов выступали в поддержку участия в проекте: продукция промышленности, особенно японского автопрома, традиционно доминирует в структуре экспорта и перспектива расширения экспортных возможностей представлялась весьма заманчивой. Представители японского аграрного сектора, наоборот, опасались наплыва более дешевой и менее качественной американской сельскохозяйственной продукции. Отказ от мер протекционистской защиты аграрного сектора выглядел в этом ключе рискованным. Но в итоге Япония решила, что выгоды перевешивают риски и присоединилась к проекту.

Тот факт, что в ходе длительных переговоров по параметрам участия Индии в проекте ВРЭП эта страна, которой США и Япония прочат роль нового центра в создаваемом в настоящее время конструкте Индо-Тихоокеанского региона, а сама она явно готовится обозначить претензии на статус «великой державы» нового времени, не сумела отстоять в многосторонних региональных переговорах свою позицию или хотя бы найти устраивающий все стороны компромисс, в некоторой степени ставит под сомнение реальный потенциал Индии уже сейчас стать полноправным региональным лидером. Вероятно, целесообразно признать, что Индии все еще не хватает авторитетности и всеобщего признания в качестве лидера во многих региональных вопросах. Также это может быть связано с в некоторой степени менее напористым характером позиции Индии в международных вопросах, чем демонстрирует Китай.

Вопросы возникают не только касательно лидерства Индии среди стран региона, но также относительно институционального оформления конструкта Индо-Тихоокеанского

региона (ИТР). Концепт Индо-Тихоокеанского региона широко пропагандируется на самом высоком уровне в таких странах как США, Япония, которые последовательно прилагают большие усилия для регионального сдерживания Китая. Поэтому эти страны хотели бы несколько изменить устоявшиеся границы давно ставшего традиционным и общепринятым Азиатско-Тихоокеанского региона, в котором Китай играет одну из ключевых ролей, будучи географически расположенным в самом сердце Восточной Азии, новым геополитическим конструктом, в котором Китай был бы оттеснен на периферию. ИТР призван реализовать этот замысел Вашингтона и Токио, а потому данная концепция уже не один год получает широкую поддержку правительственных кругов и высокого уровня экспертов этих стран.

Однако целесообразен вопрос, на каком международно-правовом или институциональном базисе, помимо широкой международной правительственной и экспертной пропаганды, концепт ИТР основывается в данный момент. Если в определенной степени в поддержку региона АТР в 1989 г. был создан и продолжает свое существование форум АТЭС, став самой обширной и активно используемой диалоговой площадкой в регионе, то какие механизмы являются несущей конструкцией на данном этапе формируемого ИТР – пока остается не совсем понятным. При этом очевидно, что одна из центральных ролей в нем может быть отведена АСЕАН и вполне логично, что Индии, однако на данном этапе, потерпев откровенную неудачу на переговорах о создании ВРЭП, Индия видится в мега-проектах региона все же несколько более скромным и сторонним участником.

Между тем, Япония продолжает делать серьезную ставку на проработку концепции ИТР. Пока не имея возможности подготовить для него институциональную или правовую основу, Япония действует, разумеется, прежде всего, исходя из своих стратегических интересов, консолидируя вокруг себя потенциальных сторонников ИТР. В частности, из числа государств АСЕАН. Принятие и одобрение нового проекта регионального устройства остальными странами региона представляется важным, так как в свое время географический подход, положенный в основу Азиатско-Тихоокеанского региона, воспринимался нейтрально для всех стран региона ввиду того, что не прочил какую-то одну страну в лидеры региона. Это важно для стран региона АТР, который в 21 в. стремится, скорее, к многополярности, чем к признанию гегемонии и лидерства одной страны. Концепт ИТР, с одной стороны отражающий объективное углубление сотрудничества между пространствами Тихого и Индийского океанов, все же явственно перемещает фокус внимания на Индию, делая ее неотъемлемым полюсом формирующегося геополитического пространства. Это не только накладывает на Индию серьезную ответственность новой региональной миссии, но также может заставить отдельные страны опасаться чрезмерного увеличения ее влияния, что просматривается в отношении стран АСЕАН, например, к Китаю.

По этой причине Япония занимается дипломатическим развитием не только своих двусторонних отношений со странами АСЕАН, но также формирует альянсы с ними в контексте общей поддержки концепции ИТР и готовности в проекте участвовать. В последнее время прослеживается особое значение, которое придается развитию отношений Японии с Филиппинами, в том числе как основа будущего стратегического сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе. В 2022–2023 гг. активизация дипломатических связей Японии и Филиппин была обращена в том числе на создание стратегических альянсов в области безопасности формируемого Индо-Тихоокеанского региона. Так, в апреле 2022 г. состоялись переговоры министров иностранных дел и обороны Японии и Филиппин. Страны в последнее десятилетие активно работают над созданием стратегического партнерства в области региональной безопасности, подчеркивая также косвенное участие в их альянсе США, которые также видит себя актором ИТР. Японская береговая охрана предоставляет партнерам патрульные суда для эффективного обеспечения морской безопасности. Это выглядит

актуально в контексте намерения Японии и Филиппин, которые также являются союзниками США, оказывать посильное противодействие росту активности Китая в Южно-Китайском море, его растущему влиянию в регионе.

В феврале 2023 г. Токио с визитом посетил руководитель Филиппин Ф. Маркос. Значительное внимание переговорной повестки было уделено подтверждению важной роли Японии в экономическом сотрудничестве с Филиппинами. Япония является вторым крупнейшим торговым партнером Филиппин и крупнейшим источником официальной помощи развитию (ОПР). К 2022 г. Япония реализовывала или уже реализовала порядка 45 проектов помощи развитию Филиппин, в то время как КНР – не более 5. Особенно важна для Филиппин готовность Японии инвестировать в инфраструктурные проекты.

Контакты на высшем уровне с Филиппинами в 2023 г. этим не ограничились. В начале ноября 2023 г. премьер-министр Японии Ф. Кисида посетил Филиппины с официальным визитом, что подчеркивает близость позиций двух стран по ряду вопросов, общие темы для переговоров, такие как продвижение концепции Индо-Тихоокеанского региона, укрепление сотрудничества в области обороны. Велика вероятность, что Филиппины станут первой страной в АСЕАН, с которой Япония разработает и заключит Договор о взаимном доступе в сфере обороны и безопасности, что подразумевает, например, проведение совместных военных учений. Также 3 ноября Ф. Кисида объявил о решении безвозмездно предоставить Филиппинам сторожевые катера и радары для охраны эксклюзивной экономической зоны в Южно-Китайском море, на которую частично претендует КНР. На примере Филиппин Токио планирует отработать новый подход к сотрудничеству в области безопасности, позволяющий предоставлять вооружения дружественным странам. Вероятно, эта практика вскоре будет использована в отношениях с Малайзией.

В целом, в ходе встречи на высшем уровне между Японией и Филиппинами была подтверждена приверженность стран тесному сотрудничеству в преддверии саммита Япония – АСЕАН, проведение которого запланировано в декабре 2023 г. в Токио в честь 50-летия дружбы и сотрудничества между странами.

Помимо посещения Филиппин, японский премьер-министр 4–5 ноября 2023 г. также посетил с первым официальным визитом Малайзию. В ходе турне обсуждалось создание Японией программы по оказанию военной помощи развивающимся странам партнерам (Официальная помощь в целях безопасности). Среди стран АСЕАН Малайзия и Филиппины будут получателями этой помощи. В бюджет Японии на текущий финансовый год для реализации новой инициативы заложено около 2 млрд иен (14,9 млн долл.).

Сотрудничество Японии с Малайзией и Филиппинами углубляется не только в сфере обороны и общности отношения к ряду аспектов региональной повестки, но также в области экономических связей. В течение 8 лет, с 2015 г., Япония является четвертым крупнейшим торговым партнером Малайзии. По итогам за 2022 г., торговый оборот Малайзии с Японией оценивался в 4,21 млрд долл., составляя 6,4% суммарной внешней торговли Малайзии. Также, по состоянию на июнь 2023 г., 2 тыс. 778 инвестиционных проектов реализовывалось японскими компаниями в Малайзии, с общим объемом зарубежных инвестиций в размере 27,43 млрд долл.

Следует отметить, что Ф. Кисида уделяет умеренное, но регулярное внимание поддержанию дипломатических контактов с различными странами АСЕАН. Так, в марте 2022 г. он побывал с официальным визитом в Камбодже, которая председательствовала в АСЕАН, что, в целом, показало намерение Японии продолжать взаимодействие с данным блоком, в том числе для совместного претворения в жизнь проекта Индо-Тихоокеанского региона.

**Г.Д. Паксютов, старший научный сотрудник Института Китая
и современной Азии РАН**

Мой доклад будет об экономической стратегии Японии в АТР, в первую очередь правительственной стратегии, стратегии на уровне государства, и мне хотелось бы затронуть три аспекта. Первый – новая концепция экономической безопасности Японии, второй – инициатива «качественной инфраструктуры», и третий – то, как экспертное сообщество в Японии, в том числе рефлексируя над стратегическими документами, понимает и транслирует в информационном поле основные предпосылки и задачи этой стратегии. Основные источники, на которых я базировал свои выводы об экспертной оценке, это книга Катада Саори «Новая региональная реальность Японии», достаточно широко цитируемая, и публикации японского Института геоэкономики – это институция, недавно созданная на основе другого мозгового центра Asia-Pacific Initiative (API), научным руководителем которой является профессор Токийского университета К. Судзуки, советник правительства по вопросам экономической безопасности.

Начну с замечаний по поводу экономической безопасности – это отдельная большая тема, но для целей данного доклада хотелось бы отметить следующее. Текущая парадигма экономической безопасности в Японии привлекла большое внимание, начиная с прошлого года, но на самом деле постепенно разрабатывалась и внедрялась с 2019–2020 гг. В составе ЛДП разработкой рекомендаций по экономической безопасности руководил Кисида еще в 2019 г., до того, как стал премьером. Консолидировано текущее видение экономической безопасности в двух документах – Закон об обеспечении экономической безопасности (май 2022 г.) и Национальная стратегия безопасности (декабрь 2022 г.). Японская стратегия эксплицитно ставит целью поддержание «миропорядка, основанного на правилах», и среди более конкретных задач называется противодействие «невоенному давлению со стороны некоторых государств, направленному на подавление независимого принятия решений в национальной внешней политике». В документе, как и во многих других документах подобного рода, не раскрывается напрямую, о каких «некоторых государствах» идет речь, но выступления высокопоставленных политиков из ЛДП, например, А. Амари, прямо дают понять, что имеется в виду, конечно же, Китай. Также отметим, что основополагающие документы стратегии экономической безопасности постулируют задачу извлечь экономическую выгоду из динамичного экономического роста в Индо-Тихоокеанском регионе. Еще важно, что стратегия экономической безопасности и более широкая стратегия национальной безопасности прямо подразумевают императив технологического развития, что также имеет прямое отношение к экономическому росту. В стратегии национальной безопасности, в частности, постулируется задача обеспечить «незаменимость технологий» Японии, и выделяется перечень «критически важных» технологий, развитию которых будет уделено наиболее пристальное внимание.

Определенные выводы из вышесказанного я сделаю ближе к концу доклада, а пока перейду ко второму моменту, к инициативе «качественной инфраструктуры». Опять же, не буду детально приводить всю историю и контекст этой инициативы, отмечу только, что так называемое Партнерство для качественной инфраструктуры было предложено правительством Абэ в 2015 г. как ответ инициативе «Пояс и путь», стартовавшей в 2013 г. Нетрудно видеть, что само название «качественная инфраструктура» подразумевает, что есть какая-то некачественная инфраструктура, альтернативой для которой является эта инициатива. Хотя сам Абэ избегал того, чтобы прямо проговаривать антагонистическое отношение к китайским инфраструктурным проектам, и на самом деле в 2017 г. выразил готовность участвовать в проекте «Пояс и путь», но все же в академической литературе и в прессе есть четкий консенсус, что японская инициатива – это прямой конкурент «Пояса и пути». В академической литературе показано, что изначально США выдвинули видение «Пояса и пути» как проекта

проблематичного, в том числе потому, что страны накапливают большие долги, и постепенно Япония перенимает эту позицию в своей стратегии.

Здесь отметим еще один нюанс. Обозреватели подчеркивают, что видение инфраструктурных инвестиций в Японии и США включает определенную ценностную составляющую, подразумеваемую термином «качественный», условно назовем эту составляющую «либеральной». При этом утверждается, что, в отличие от США, которые от реципиентов инвестиций требуют либерализации, экономических реформ, Япония является более гибкой в идеологическом ключе, не представляя столь жестких требований. Таким образом, инвестиционные стратегии США и Японии дополняют друг друга: обе служат укреплению определенного миропорядка, но Япония себя позиционирует как более гибкий, более приближенный к развивающимся странам Азии по менталитету игрок.

Важно отметить, что свою стратегию инфраструктурных инвестиций Япония пытается скоординировать и с другими союзниками, кроме США. Так, в мае нынешнего 2023 г. на саммите G7 было совместное заявление о «честных и устойчивых» инфраструктурных инвестициях, и было анонсировано создание Партнерства для глобальной инфраструктуры в ближайшем будущем. В японской прессе, в частности в газете «Иомиури», прямо проговаривалось, что это делается в противовес Китаю.

Перейду к третьему моменту – экспертный дискурс в Японии об экономической региональной стратегии. Для начала некоторые замечания, сделанные по публикациям API и Института геоэкономики.

Один из их материалов посвящен потенциалу взаимодействия США и Японии в Индо-Тихоокеанском регионе, и там приводятся данные кейс-стади ряда стран, где США и Япония могли бы кооперировать свои действия. Для Японии ставится задача, помимо прочего, поддержания универсальных демократических норм. Китай называется основным конкурентом и, опять же, упоминается «экономическое принуждение», используемое Китаем. Если посмотреть конкретные кейсы, например, по Мьянме, одним из главных акцентов является требование демократизации, сопряженное с инвестированием, поддержкой развития, причем авторы подчеркивают: Вашингтон жестко требует развития гражданского общества, прав человека и т.д., а Япония, преследуя, в общем, те же цели, действует более гибко, в основном концентрируясь на экономических аспектах, например, либерализации рынков. Сходная логика прослеживается и в других кейсах. Например, Вьетнам характеризуется буквально как «противовес стратегическим амбициям Китая», и этим продиктована задача экономического развития страны.

Еще в одной их публикации повторяется ряд сходных предпосылок: утверждается, что ключевая задача Японии – это «приковывание» интересов США к Индо-Тихоокеанскому региону. Утверждается, что «открытая и честная» международная система является залогом процветания Японии. В качестве оппонента вновь называется Китай, ключевым аспектом противостояния обозначена технологическая сфера, и, что очень интересно и показательно, приводится следующая формулировка. Китайский план по «объединению обширных пространств Евразии» называется «нелиберальным геополитическим проектом». То есть в документе прямо проговаривается, что сама по себе евразийская интеграция, в том числе экономическая, противоречит интересам Японии. Понятно, что подразумевается, что в интересах Японии – сохранение гегемонии США.

Что касается книги С. Катада «Новая региональная реальность Японии», отмечу, что автор этой книги характеризует региональную стратегию Японии как «направляемую государством (state-led) либеральную стратегию» (с. 22). Либеральный аспект Катада определяет, как продвижение «глобальных либеральных ценностей», подчеркивая, что стратегия направляется государством (естественно, с учетом того, что в стране есть экономические акторы разного рода, включая частные компании и индивидуальных лиц),

стратегия определяется политической элитой и реализуется «сверху вниз» (с. 224). Кроме того, Катада поясняет, что «либерализм» этой стратегии проявляется в развитии институтов и формальных правил в регионе. В одном из мест в книге Катада также делает любопытную ремарку, связывая продвижение правительственной стратегии с относительным ослаблением инициативы частных компаний, и в частности даже Кэйданрэн, японской федерации предпринимателей (с. 115).

К этому замечанию у меня есть дополнительная яркая иллюстрация. Есть недавний информационный бюллетень JETRO с рекомендациями для японских предпринимателей по ведению бизнеса за рубежом, и там очень хорошо видно даже на уровне заголовков, что авторы бюллетеня изо всех сил пытаются сигнализировать бизнесу – не нужно вести дела с Китаем. В презентации, которая вообще-то посвящена не Китаю, а всему миру, большая часть заголовков была посвящена одному Китаю, с формулировками – в Китае спад такого-то показателя, в Китае такие-то риски. Важно понимать, Япония – это номинально не страна с государственным капитализмом, где само государство является доминирующим субъектом экономических связей, сделок. Сделки ведет бизнес, но видно, что правительство мобилизует различные механизмы для сигнализирования, направления экономической активности в определенное русло, и благодаря этому поводу – конкуренция с Китаем – наращивается влияние правительства, чиновников.

Суммируя все вышесказанное, хочется отметить, что и в стратегических документах, и в рассмотренных формулировках экспертов постоянно повторяется ряд констант. Китай как главный конкурент, мышление в терминах либерального миропорядка, в котором необходимо активно участвовать Японии, императив экономического роста (что особенно актуально в условиях исчерпания источников экономического роста внутри страны), и, что особенно хотелось бы подчеркнуть – момент, связанный с центральной ролью государства, политических элит. Тут есть два аспекта. Во-первых, этот дискурс либерального миропорядка, институтов, в которых нужно активно участвовать Японии, и дискурс безопасности, противостояния внешним угрозам – они естественным образом связаны с пресловутой имплементацией стратегии «сверху вниз». Это обусловлено многими факторами. Так, понятно, что эта привязка к интересам США связана с тем, что многие представители элит в Японии учились или работали в США, как и сам Кисида. Во-вторых, если мы говорим об институтах в самом прямом и буквальном смысле – о международных организациях, которые формируют условно либеральную повестку (например, G7), ясно, что туда входят представители именно политических элит, и это формирует их мышление и интересы. В-третьих, сам глобальный по существу характер стратегии делает естественной ее координацию на государственном уровне, что повышает влияние правительства.

Другой важный аспект – это то, что в Японии из-за нескольких десятилетий без существенного экономического роста сформировалась политическая, бюрократическая элита, которая стремится расширять свое влияние на все новые сферы, ранее не попадавшие под их прямой контроль. Попросту выражаясь, чтобы повышать себе зарплаты, делать карьеру, например, в министерстве, нужно расширять бюрократический контроль над экономикой, потому что уже имеющийся «пирог» не растет экономически. Я впервые обнаружил это наблюдение в литературе, посвященной стратегии Cool Japan по развитию креативных индустрий, и там утверждалось, что одна из важных внутренних мотиваций этой стратегии – это перенос влияния чиновников на сферу, которая ранее в значительной степени оставалась вне государственного контроля.

Возвращаясь к нашей основной теме, риторика угроз безопасности, конфронтации очень удобна для чиновников, политических элит для того, чтобы расширять свои полномочия, свое влияние в ситуации, когда экономика номинально не является государственной. И я хотел бы предложить – это центральная мысль моего доклада –

в наших исследованиях японской геоэкономической, геополитической стратегии уделять нюансированное внимание интересам и мотивациям в японском обществе акторов разного уровня, от политических элит до частных компаний и индивидуальных граждан, и в том числе критически относиться к некоторым предпосылкам стратегических документов или риторики политиков, когда в них говорится о Японии в целом. Политические элиты могут преследовать интересы, не тождественные национальным интересам, а просто максимизировать личное влияние и власть. В экономической теории это называется «проблема принципал-агент».

Есть важное следствие из такого подхода – в условиях очевидно существующих трений между нашей страной и Японией данный подход позволяет не переносить логику конфронтации на японский народ. Японский народ может быть не субъектом обострения конфронтации, а объектом в условиях того, что политические элиты максимизируют собственное экономическое благосостояние и власть. Помимо этого, риторика безопасности и конфронтации позволяет мобилизовать ресурсы и расширить диапазон возможных инструментов поддержки, включая протекционистские меры, которые ранее казались противоречащими неким идеалам свободной торговли, для стимулирования высокотехнологичного сектора, в котором видят драйвер опережающего экономического роста.

Научное издание

**Японские исследования
№ 1, 2024**

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	В.В. Нелидов
Технический редактор:	М.Е. Заболотникова

Дата публикации: 31.03.2024.

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.
Институт Китая и современной Азии РАН
E-mail: japanstudiesinrussia@gmail.com

Scientific edition

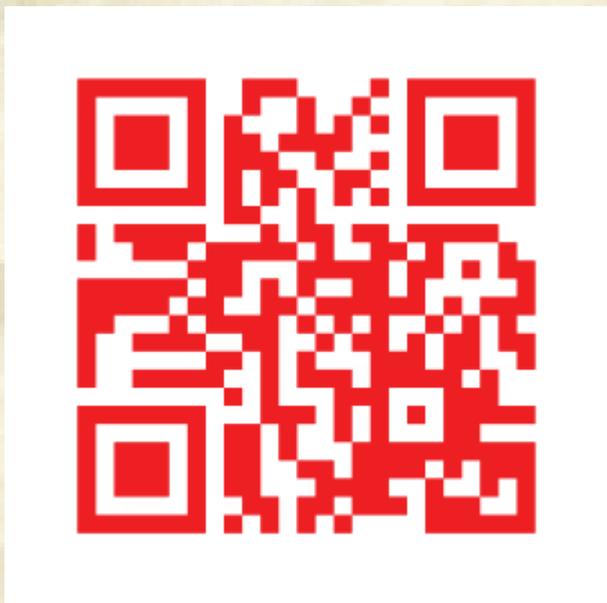
**Japanese Studies in Russia
No. 1, 2024**

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	V.V. Nelidov
Layout:	M.E. Zabolotnikova

Date of issue: 31 March 2024

Address: Institute of China and Contemporary Asia of the
Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av.,
Moscow, 117997, Russian Federation
E-mail: japanstudiesinrussia@gmail.com

www.japanjournal.ru

日
本
研
究